
АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ
АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ
СПИРАЛЬ
ЭКСМО

Annotation

3790–3800 гг.

Неожиданная находка на далеком астероиде заставила «черного археолога» Антона Полынина вспомнить о событиях десятилетней давности, когда он в составе ВКС конфедерации Солнц отражал атаку кланов Ганио на планету Хабор. Тогда он был тяжело ранен, а его друг попал в плен к врагу. Но теперь в руках Антона оказалась ниточка, ведущая к похитителям. Его союзниками в борьбе с ганианскими пиратами становятся потомки древнейших рас: бок о бок с Полыниным сражаются инсекты и логриане, и даже кибернетическая сеть планеты Деметра оказывается вовлечена в схватку.

* * *

Подсерия «Мать» #4

Андрей Ливадный Спираль (ЭКСПАНСИЯ: История Галактики — 30) (Мать — 4)

ПРИМЕЧАНИЕ: Подробно о событиях на Деметре см. роман "Деметра", повесть "Райвен", рассказ "Естественный отбор", изданные ранее.

Часть первая. Адреналин

Глава 1

Неисследованный сектор пространства. Борт разведывательного корабля класса «Тайфун», порт приписки: планета Аллор…

Это было странное место. Странное и опасное — последнее ощущение являлось безошибочным интуитивным чувством, которое никогда не изменяло Антону Полынину.

Его небольшой разведывательный корабль (сокращенно: АРК) медленно всплывал из пучины аномалии космоса в трехмерный континуум. Реальность еще не воспринималась приборами оптического слежения — обзорный триплекс кабины был черен как ночь, но танцующие на экране масс-детектора тонкие нити уже складывались в нечто, поддающееся описанию. Компьютер оцифровывал эти линии, выстраивая на их основе сетчатую модель вероятного рельефа.

Антон медленно сбрасывал напряжение низкочастотного генератора, пытаясь понять, куда он попал?

Стены. Компьютер явно пытался изобразить при помощи зеленоватых, сетчатых плоскостей неровный рельеф окружающих корабль стен…

Антону такая интерпретация показаний масс-детектора откровенно не нравилась, стены, смыкающиеся вокруг корабля, казались ошибкой, искажением, но не стоило забывать, что Рукав Пустоты иногда преподносил такие загадки, от которых голова шла кругом…

Он снова посмотрел на предлагаемый бортовым компьютером рельефный рисунок. Справа, слева, впереди и сзади — везде зеленая изгибающаяся муть…

Что бы это, Фрайг его раздери, могло означать?

Рука Антона остановила движение вариатора. Пока корабль висел на зыбкой грани двух физических метрик, он как бы не существовал ни для одной из них — гиперсфера уже отторгла его, а трехмерный космос еще не принял, и в эти критические секунды оставалось решить: переходить эту зыбкую грань или нет?..

В такие моменты космический корабль, управляемый опытной, твердой рукой, чем-то похож на аллигатора, затаившегося в мутной воде у самого берега, куда приходят на водопой стада парнокопытных. Неподвижно застывший среди илистой взвеси хищник практически ничего не видит, его зрение улавливает лишь смутные тени, возникающие на

поверхности воды, и чаще всего смертельный для жертвы бросок совершается на уровне интуиции…

Аналогии красочные, но неверные в плане последствий.

Промахнувшийся аллигатор просто останется голоден и снова уползет в илистые глубины водоема, чтобы повторить попытку позже; промахнувшийся пилот, поднимая корабль из пучин гиперсферы в таком плотном окружении реально существующих масс, рискует не обедом, а жизнью — если в момент окончательного гиперпространственного перехода эти зыбкие сетчатые плоскости начнут вдруг резко сжиматься, надвигаясь со всех сторон, вывод один — корабль материализовался *внутри* какого-то космического тела: астероида или малой планеты, — на звезду показания масс-детектора явно не тянули, — но на подобные измышления у пилота останутся доли секунды, в течение которых его корабль смешается с молекулами той кристаллической решетки, куда он вторгся… произойдет вспышка, взрыв, и уже никто впоследствии не сможет с уверенностью сказать, какая часть расплавившегося и тут же вновь отвердевшего вещества принадлежит астероиду, какая кораблю, а какая — управлявшему процессом человеку?..

…И все же сетчатые стены, при внимательном рассмотрении, казались стабильными, завершенными — существовал шанс, что это пещера, каверна внутри огромного космического тела.

Если принимать во внимание специфику Рукава Пустоты, это могло быть фрагментом огромной постройки одной из двух древних рас — логриан или инсектов, и тогда, проявив нерешительность, Антон явно упускал неимоверную удачу: ведь сбор артефактов, оставшихся в Рукаве Пустоты от упомянутых цивилизаций, являлся его работой и главным источником средств к существованию. Говоря простым языком, Полынин был «черным археологом», добывающим раритеты для небезызвестного владельца сети антикварных магазинов на планете Аллор, респектабельного бизнесмена по имени Джонатан Роглес…

Мысленно помянув это имя, Антон покосился на датчики энергоресурса и понял, что исчерпал тот лимит времени, когда он еще мог колебаться, уставившись в мерцающий экран масс-детектора. В эти секунды генератор низкочастотного поля, удерживающий корабль на зыбкой границе двух физических систем, выкачивал сотни гигаватт энергии из бортовых накопителей АРК, световой столбик индикатора емкости синхронно с этим сползал все ниже и ниже, приобретая красноватый оттенок…

Рука Антона медленно толкнула вперед ползунковый вариатор

напряжения…

…Бледная вспышка показалась ему ослепительной, сетчатые стены компьютерной модели рельефа, слава богу, остались на местах, одновременно прорисовавшись смутными тенями на круговом триплексе внешнего обзора кабины, но корабль вдруг начало кренить вправо, угрожающе подтаскивая к одной из материализовавшихся на оптическом триплексе стен…

Пальцы Полынина пробежали по сенсорам клавиатуры, и, подчиняясь их касаниям, тут же сработали лазерные дальномеры включившегося автопилота, коротко полыхнула корректирующая вспышка дюз правого борта, компенсировав непонятную тягу. АРК вздрогнул, вбирая импульс реактивной тяги, и скала поползла прочь, смещаясь в верхний правый угол центрального сектора обзора…

Теперь в распоряжении Антона осталось несколько секунд, чтобы осмотреться и принять решение, как действовать дальше. Гиперпереход состоялся, он и корабль уже находились в трехмерном пространстве, привычном как для человеческой психики, так и для датчиков бортового компьютера, но, поднимаясь в трехмерный континуум, вынырнувший из гиперсферы объект неизбежно получал несколько неприятных сопутствующих эффектов, таких, как спонтанное вращение вокруг или даже поперек оси, попросту — кувыркание в пространстве, а также остаточное напряжение низкочастотного поля, которое воздействовало и на сам корабль, и на окружающие объекты…

Внешне это выглядело примерно так: в центре огромной темной пещеры, не видевшей проблесков света на протяжении сотен, а, возможно, и миллионов лет, появился бледный фантом остроносого космического аппарата; несколько секунд он висел неподвижно, оставаясь призраком, потом вдруг резко начал набирать физический объем, и его тут же закрутило, поволокло к одной из стен, далее последовала короткая серия вспышек — это Антон вовремя отработал дюзами коррекции, и одновременно с этим выступающая часть скальной породы, попавшая под остаточное воздействие низкочастотного поля, вдруг задрожала, начала терять свои очертания, которые стали зыбкими, будто мираж, и…

Антон услышал отчетливый хлопок, переданный внешними микрофонами корабля, когда кусок базальтовой глыбы исчез в ином пространстве—времени, и этот звук мгновенно подсказал ему два очень важных факта: во-первых, гиперпереход состоялся благополучно — аномалия космоса окончательно отпустила корабль, сожрав в обмен на это эквивалентный по массе кусок камня, а во-вторых, в той каверне или

пещере, куда попал его корабль, присутствовала разреженная атмосфера.

Пальцы Полынина пробежали по сенсорам пульта, разыгрывая мгновенную, но четко осмысленную партитуру команд. Следовало стабилизировать корабль, максимально отдалив его от стен пещеры, исключая при этом использование «горячей» реактивной тяги, — неизвестно, что за газовая смесь наполняет пещеру и насколько она взрывоопасна.

Ответ на эти вопросы поступил в течение ближайших минут. Сверившись с уточненными данными приборов, Полынин окончательно убедился, что его корабль вышел в трехмерный космос внутри огромной пещеры. Полость в теле астероида, скорее всего, была естественным геологическим образованием. Сама же малая планета, внутри которой завершил свой гиперпереход корабль Полынина, имела форму изогнутой, корявой картофелины и насчитывала примерно две тысячи километров в наибольшем диаметре…

Газ внутри пещеры оказался смесью из водорода, азота и гелия.

Пока Антон разбирался с показаниями наружных анализаторов, бортовой компьютер успел отработать струйными рулями «холодной» тяги, добавив немного азота в атмосферу внутренней полости астероида. Самопроизвольное вращение корабля прекратилось, неровные стены, покрытые то изломами трещин, то плавными потеками минеральных отложений, то древними лавовыми наростами, оставшимися от происходивших тут когда-то извержений, прекратили скольжение по плоскостям экранов, и, завершая процедуру стабилизации, включились, наконец, прожектора, осветив пространство в радиусе трехсот метров вокруг корабля.

Зрелище, представшее глазам Полынина, оказалось воистину фантастическим.

Стены пещеры буквально искрились в свете бортовых прожекторов, сама каверна оказалась огромной: лазерные дальномеры оценивали расстояние до близлежащих боковых стен в пределах от четырехсот до семисот метров, впереди и сзади корабля царил сумрак, постепенно переходящий в непроглядный мрак, что говорило о большой, многокилометровой протяженности пещеры в этих двух направлениях.

Пока что никакими постройками древних рас и связанными с ними артефактами даже и не пахло — вокруг царила первозданная красота дикой, неживой природы. Антона не покидало ощущение, что эти стены сегодня впервые увидели свет.

Полынин чуть умерил сияние прожекторов, чтобы змеящиеся по

стенам пещеры блики не так слепили глаза.

Первая опасность миновала, и теперь можно было немного расслабиться. Он откинул забрало гермошлема (Антон сидел за пультом управления в скафандре, который хоть и стеснял движения, но гарантировал жизнь в случае внезапной аварии) и коснулся сенсора, затребовав у автоматики жизнеобеспечения кофе и сигареты.

«Ничего себе прыжок…» — ощущая запоздалую нервную дрожь, подумал он.

Справа от кресла пилота среди приборных панелей открылась ниша бытового назначения.

Закурив, Полынин вновь посмотрел на экраны.

Сам факт выхода из гиперсферы внутри планетоида был не просто любопытен, а уникален. Из этого, даже в отсутствие находок, можно извлечь какую-то минимальную выгоду. Теперь координаты этого места, а также полные характеристики безопасного «всплытия» в трехмерный космос содержатся в памяти бортового компьютера его корабля. После первого рискованного опыта сюда можно будет возвращаться с той же легкостью, с какой, например, всплываешь по координатам гиперсферного маяка любой из цивилизованных планет.

Но это перспектива будущего — пока что Полынин, наслаждаясь минутным отдыхом и крепким кофе с хорошей сигаретой, всерьез надеялся, что удача будет сопутствовать ему и в дальнейшем не придется использовать это место, как экскурсионный маршрут для пугливых обывателей, ни разу не испытавших настоящего риска гиперсферных всплытий. Воображение рисовало ему более приятные перспективы, но, чтобы проверить состоятельность своих надежд, ему следовало пройти всю пещеру от начала до конца. Возможно, у нее окажется выход наружу, на поверхность малого небесного тела, и тогда он сможет определить не только гиперсферные координаты данного места, а еще и истинное местоположение планетоида, относительно общепринятых звездных ориентиров.

Допив кофе и погасив сигарету, он вновь включил прожектора на полную мощность и осторожно повел корабль вперед, ориентируясь по данным рельефа, который рисовал для него бортовой компьютер.

На протяжении пяти километров проход между стенами напоминал извилистую трещину, корабль плыл в ней очень медленно, постоянно маневрируя, меняя направление и скорость. Полынина изрядно утомило это осторожное скольжение, но любопытство первооткрывателя упорно подстегивало его, заставляя двигать корабль вперед.

Наконец стены расселины, которая брала свое начало в оставшейся позади пещере, вновь начали расширяться, открывая пространство еще более протяженной полости, чем та, в которой всплыл АРК Полынина.

Притормозив полет корабля, он исследовал открывшееся пространство при помощи приборов. Датчики, поднявшиеся из своих ниш, расположенных под кожухами брони, тут же сообщили, что наличие газа в этой пещере постепенно сходит на нет, да и саму полость вернее было бы назвать гротом — она имела широкий выход на поверхность планетоида.

Антон сориентировал корабль в направлении, указанном приборами, и погасил прожектора, чтобы определить, есть ли снаружи какой-либо источник света.

Он не ошибся: устье пещеры, расположенное в нескольких километрах от корабля, оказалось освещенным, но что это был за свет!..

В первый момент Полынину показалось, что у него галлюцинация, в виде радужных пятен, плавающих в поле зрения после резкого отключения галогенных прожекторов, но нет, проходили томительные секунды, а разноцветное сияние не исчезало, пока он не убедился, что видит истинную картину реальности…

Впереди, за широким устьем пещеры, космос переливался красным, фиолетовым, зеленоватым, розовым… почти все цвета радуги и их оттенки в близлежащем пространстве, наслаиваясь друг на друга, перемешивались, словно имели материальную структуру.

Сверившись с датчиками анализаторов, Антон понял, что так оно и есть: впереди, за пределами пещеры, простирались скопления газопылевых облаков очень большой плотности, образующих неизвестную ему туманность, а их свечение было вызвано излучением звезд, которые находились где-то в непосредственной близости отсюда. Лучистая энергия огромных, раскаленных светил, не в силах пробить или рассеять плотные скопления газопылевых облаков, разогревала их, заставляла светиться молекулы газа и мельчайшие частички пыли, образуя этот фантастический коктейль красок, похожий на северное сияние.

Несколько минут Антон откровенно наслаждался фантасмагорическим зрелищем — редко кто из астронавтов мог похвастаться, что видел подобное воочию. Как правило, скопления газа и пыли, образующие плотные туманности, являются местом, где зарождаются, начиная свой эволюционный путь, звезды. Эти участки космоса опасны и фактически непригодны для космоплавания. Частицы мельчайшей космической пыли, присутствующие в скоплениях облаков, пагубны для обшивки кораблей, навигация в среде, состоящей из взвеси

газа и пыли, чрезвычайно затруднена, из-за ограниченной видимости и короткого радиуса действия приборов локации. Гиперсферные прыжки в пределах туманностей также исключены — если корабль выходит в трехмерный континуум среди множества пылевых частиц, они неизбежно внедряются в его броню, внутрь отсеков, и эффект от такого совмещения масс равен одновременному удару тысяч микрометеорных частиц.

Подумав об этом, Полынин испытал двоякое чувство: с одной стороны, ему несказанно повезло — его АРК материализовался в пещере, свободной от пылевых частиц, а с другой — несмотря на невероятное везение и уникальность совершенного прыжка, он понимал, что промахнулся. Целью Антона являлся Рукав Пустоты, который не зря получил свое название — там не могло быть ни газопылевых туманностей, ни звезд, а переливающееся впереди великолепие красок говорило как раз об обратном… Какая то неточность вкралась в расчет гиперсферного прыжка, в результате чего точка всплытия оказалась расположенной среди странной газопылевой туманности в неизвестном количестве светолет от Рукава Пустоты.

«Придется оправдываться перед Роглесом за напрасную трату ресурсов…» — не без раздражения подумал Антон.

Пока он размышлял над проблемой своего промаха, корабль, управляемый бортовым компьютером, преодолел половину пространства пещеры и теперь находился в двух с половиной километрах от ее расширяющегося устья.

Снаружи продолжало бесноваться великолепие красочных туманных полос, протяженность которых составляла десятки тысяч километров, между ними застыли величественные вихри; чье спиральное кружево занимало миллионы кубических километров пространства, кое-где виднелись слоистые воронкообразные структуры соответствующих объемов. Все эти причудливые скопления газопылевых облаков, разогреваемые скрытыми в них молодыми звездами, выделяли такое количество вторично излучаемых фотонов, что автопилот, экономя энергию, отключил бортовые прожектора: по мере приближения к выходу из пещеры вокруг становилось все светлее, мрак окончательно отступал, превращаясь то в кроваво-красный, то в изумрудно-зеленый, то в фиолетовый сумрак, который проникал в пещеру под разными углами отражения, причудливо смешиваясь в полутона…

«Да, разговор с Роглесом будет не из приятных», — опять подумал Антон, осматривая стены пещеры, на поверхность которых ложились змеистые блики всех цветов радуги…

У самого выхода из каверны, где уже зримо клубилось завитое спиралью облако газопылевой взвеси, исчезающее в багряной бесконечности, что-то ярко блеснуло. Полынин выделил этот блик среди других чисто машинально — отсвет имел правильную геометрическую форму, напоминая две натянутые параллельно нити, которые вдруг ярко сверкнули и тут же погасли.

«Что бы это могло означать?» — подумал он, сосредоточив свое внимание в том направлении. Невооруженным взглядом он смог различить лишь какую-то глыбу вытянутой, уплощенной формы, озаренную багрянцем тепловой части спектра излучений туманности.

Несколько касаний сенсоров переориентировали приборы дальнего обнаружения к заинтересовавшей его точке, и спустя несколько секунд Полынин испытал еще одно потрясение, когда бортовой компьютер начал вычерчивать на тактическом мониторе геометрически правильные линии какой-то рукотворной конструкции…

Тут словарный запас кончался. Оставалось лишь восхищенно выругаться, глядя на очерченные зелеными сетчатыми плоскостями контуры огромного космического корабля совершенно невероятной конструкции, которой — Полынин мог поклясться в этом — нет ни в одном техническом справочнике.

Внешне корабль напоминал огромного ската, раскинувшего свои крылья на сотни метров в стороны, — казалось, что это действительно тысячекратно увеличенный реликт давно исчезнувшей подводной фауны Земли, притаившийся у стены огромной пещеры…

АРК Полынина казался букашкой на фоне такой громады…

У Антона пересохло во рту. Трудно описать его состояние в эти минуты. Он только что совершил рискованный прыжок через гиперсферу, открыл новый, но, как казалось, бесполезный в плане практического применения маршрут, был раздосадован этим и одновременно зачарован невероятной красотой открывающегося взгляду космического пространства, и вдруг на фоне этих переживаний возникает совершенно загадочная рукотворная конструкция, вызвавшая смешанное ощущение страха и восторга…

Определить ее назначение было несложно — перед Полыниным оказался причаленный к естественному выступу скалы космический корабль, но вот чей он, жив или мертв, в плане технической исправности, — об этом трудно было гадать, оставалось лишь приблизиться и проверить.

* * *

Почти час потратил Антон на осторожный маневр сближения.

Лететь к чужеродному кораблю напрямую, очертя голову, было бы глупо — неизвестно, как воспримет притаившийся у скального пирса исполин незваную кибернетическую букашку…

Существовали сотни вероятных опасностей, но, по мере приближения к кораблю, они начали рассеиваться одна за другой. Судя по внешним признакам, исполин был мертв.

Об этом свидетельствовали множественные пробоины в его корпусе, подле которых в относительном вакууме пещеры плавали облака мусора, выброшенные наружу избыточным давлением при декомпрессии пораженных отсеков.

Теперь, при более детальном рассмотрении, корабль выглядел немного иначе. Его основу составляла уплощенная снизу и сверху веретенообразная часть длиной в семьсот метров. К ней, в виде дополнительных секций и надстроек, крепились все остальные элементы конструкции. То, что издали Полынин принял за раскинутые крылья полуовальной формы, на самом деле являлось решетчатыми каркасами, которые очерчивали две неправильные дуги, располагаясь по бокам сплюснутого веретена. Несколько массивных пилонов, снабженных исполинскими муфтами, наводили на мысль, что две ажурные боковые конструкции имели свободу движения и могли поворачиваться на определенный угол относительно корпуса корабля.

Включив оптическое увеличение, Антон увидел, что в обоих решетчатых каркасах, образующих контуры правого и левого «крыла», присутствуют обрывки какого-то черного материала, поверхность которого слабо мерцала хаотичными искрами.

Очевидно, когда корабль был исправен, этот материал обтягивал плоскости обоих полуовальных «крыльев».

Трудно было представить, что за раса создала данную конструкцию. Сейчас людям были известны три цивилизации: инсекты, унаследовавшие эволюционные черты насекомых; логриане — двуглавые ксеноморфы, для описания которых точнее всего подходит выражение: «гибрид двух удавов с туловищем осьминога»; и хараммины — гуманоидные существа, похожие на людей, но с голубоватым оттенком кожи и немного иным строением черт лица. Еще одна раса, обитавшая наряду с ними в древнем космосе, — дельфоны, исчезла вместе со своими звездными системами в период противостояния ордам предтеч, три миллиона лет назад. Собственно, в том

пространстве, где были взорваны звездные системы, колонизированные расой ластоногих, и образовался печально известный Рукав Пустоты.

Антон знал достаточно много о древних расах, к тому же у него имелся определенный опыт в области сбора и исследования артефактов, но пока что ни бортовой компьютер АРК, ни он сам не смогли идентифицировать гигантский корабль. Внешний вид странного объекта, с точки зрения Полынина, был новаторским для любой из известных ему рас.

До исполинской конструкции оставалось всего триста метров, когда Антон сделал еще одно немаловажное предположение — корабль, скорее всего, являлся боевым. У сплюснутого веретена имелись две торцевые поверхности, к которым крепились каркасы «крыльев» с обрывками загадочного черного материала внутри. Толщина видимого торца, по оценке бортового компьютера, составляла сто пятьдесят метров. Значит, внутренний объем плоского «веретена» условно можно разделить на три внутренние палубы, решил про себя Полынин. Высота в пятьдесят метров с избытком удовлетворяла конструктивным решениям любой из перечисленных выше рас, в том числе и человеческой.

Рассматривая борт космического корабля, Антон нашел подтверждение своей догадке. По внешним признакам торцевая часть тоже была разделена на три палубы. Вдоль всего корпуса загадочного корабля тянулся выступ, к которому посредством множества ажурных конструкций крепились те самые «крылья», а вот выше, и ниже параллельными цепочками тянулись вереницы люков, которые показались Полынину подозрительно похожими на обыкновенные диафрагменные орудийные порты, какие до сих пор используются на современных космических кораблях, для защиты скрытых внутри систем вооружения. Такое техническое решение сохраняет обтекаемость корпуса корабля в обычных режимах полета, но стоит возникнуть боевой ситуации, как лепестковые диафрагмы раскрываются и подающие механизмы выдвигают наружу бортовые орудийные комплексы…

Итак, средняя, ходовая, часть и две боевые палубы…

Стоило допустить эту аналогию, как в сознании Антона, несмотря на странную форму всей конструкции, начала превалировать «человеческая версия» происхождения корабля. Эта мысль опять принесла двоякое чувство — в душе Полынина авантюрист постоянно боролся с исследователем-археологом. Если конструкция окажется человеческой, это сулило массу захватывающих впечатлений, но никакой реальной отдачи в плане сбора инопланетных артефактов, за которые платил Роглес.

Загадочный корабль становился все ближе, разрастаясь на экранах

внешнего обзора.

Огромные дыры в его корпусе зияли, словно безобразные лазы в черноту. Они имели угловатую форму, с лучевидными трещинами по краям. Такие повреждения обшивки говорили не в пользу лазерного оружия: когерентный излучатель оставляет в броне округлое отверстие с характерными «залипшими» кусками расплавленного материала по краям, а те угловатые дыры, которые наблюдал Антон, больше походили на следы ударов крупных тупоносых предметов с небольшими кинетическими энергиями, — редко где были видны следы плавления брони, в основном же она была *проломлена*.

Неопознанная конструкция уже приблизилась настолько, что заняла собой все обозримое пространство на экранах рубки управления. Никаких признаков активности чужой корабль не проявлял, мимо проплывали облака мусора, при внимательном рассмотрении становилось ясно, что наиболее крупные обломки — это вырванные из тела корабля куски брони с фрагментами переборок, все иные вещи, не обладавшие жесткостью металла, сплело в комья, сцементировав замерзшими в вакууме частицами атмосферы из разрушенных отсеков. Не было никакой возможности различить, из чего именно состоят проплывающие мимо обледенелые комья. Кроме них и осколков обшивки, в пространстве вокруг титанического корабля присутствовали и более мелкие, разрозненные предметы — они парили в невесомости частой россыпью, образуя разреженные облака, — изредка Антон слышал стук об обшивку своего корабля или легкий, царапающий скрежет вдоль борта…

Автопилот вел его АРК на сближение с избранной заранее пробоиной.

Маневр причаливания к изуродованной обшивке был сложен, он отличался филигранностью всех операций, и потому Полынин доверил стыковку бортовому компьютеру — не стоило лишний раз испытывать судьбу и щекотать себе нервы перед высадкой непосредственно на борт чуждого корабля: там, без сомнения, ему пригодятся все душевные силы, хладнокровие и мужество. Поэтому, закрыв забрало гермошлема, он позволил себе расслабиться в кресле и ждал, пока системы автоматического пилотирования медленно подводили его АРК к безобразной пробоине, зияющей в борту гиганта чуть ниже того выступа, к которому крепился решетчатый каркас порванных «крыльев».

Наконец мягкий, глухой удар, короткая, вибрирующая дрожь и ноющее потрескивание аппаратов вакуумной сварки, слышимое внутри корабля-разведчика, возвестили о касании и стыковке.

Антон расстегнул страховочные ремни и встал, утвердившись на

металлическом полу рубки при помощи магнитных подошв-присосок своего скафандра.

* * *

Сияющие скопления газопылевых облаков бросали причудливые отсветы на огромный корабль и впившийся в его броню в районе пробоины маленький автоматический разведчик.

Густой, наполненный полутонами сумрак едва позволял различить крохотную фигурку в скафандре, выбравшуюся через шлюз АРК.

Размеры чуждого корабля подавляли, он заслонил собой все, полностью скрыв и устье пещеры, и близлежащие каменные своды. Медленно стравливая страховочный фал, Антон вплыл в угловатую пробоину и оказался в полнейшем мраке.

Проплывая сквозь брешь в обшивке, он заметил, что толщина бронированных плит корпуса составляет не менее метра. Оставалось лишь гадать, что за титан крушил ее…

Оказавшись внутри отсека, он включил плечевые фонари. Два конуса света прорезали тьму, облизывая деформированные переборки. Внутри отсека царил настоящий хаос. В невесомости плавало множество твердых шарообразных тел янтарно-желтого цвета. Поймав один из таких сфероидов, Полынин быстро сообразил, что это масло, которое в вакууме собралось в капли и перешло в иное агрегатное состояние.

Проплыв в глубь отсека, он увидел разбитые приборные панели… несколько мониторов, вмонтированных в переборку, темнели выбитыми экранами, рядом располагался наполовину открытый массивный люк.

Пока что он не сумел определить, чей это корабль. Приборы могли бы дать подсказку, намек, но они были изуродованы взрывом и покрыты толстым слоем затвердевшего масла, которое, излившись из пробитых трубопроводов, замерзло, окутав все предметы своеобразным панцирем.

Подплыв к приоткрытому люку, Полынин отцепил от пояса страховочный фал, связывающий его со шлюзом АРК, пристегнул карабин к искривленной стойке, уходящей к потолку изуродованного отсека, и освободил новый страховочный конец. На поясе его скафандра имелись еще два барабана с намотанными на них стометровыми тросами. Зацепив новый карабин за ту же стойку, он осторожно, чтобы не повредить скафандр, протиснулся в люк.

Свет плечевых фонарей вырвал из тьмы фрагмент коридора. Собственно такой планировки и следовало ожидать. По личному опыту Антон знал, что наиболее важные отсеки любого корабля расположены

ближе к центру и носовой части, где они защищены слоями внешних палуб. Если он хотел собрать больше информации об этом реликте с наименьшими затратами времени, то ему следовало двигаться в указанном логикой направлении. Болтаться в разрушенных отсеках внешнего слоя, среди хаоса угловатых, плавающих в невесомости обломков было рискованно и бесперспективно.

Он подергал трос, проверяя надежность его крепления, и медленно поплыл вправо по темному коридору, в надежде отыскать переход на следующий уровень внутренних коммуникаций корабля.

Такой переход обнаружился через пятьдесят метров. Сразу три массивных люка образовывали сегментированный выступ. Два боковых были закрыты, центральный же оказался выжжен. Антон сразу узнал работу тяжелого импульсного излучателя плазмы: от люка осталась лишь дыра, края которой покрывали частые полукруглые выемки — стены, пол и потолок вокруг носили следы плавления от той температуры, что образовалась в коридоре в момент, когда работал ИИП.

За выжженным люком следовал еще один «слой» отсеков и коридоров, в основном технического назначения. Разрушения были повсюду, свет фонарей освещал выщербленные стены, погнутые трубопроводы, деформированные механизмы. Приборные панели попадались нечасто, и все они носили следы какого-то исступленного, варварского уничтожения — ни единого уцелевшего окошка датчиков или экрана, все покорежено, изувечено до полной бесполезности и неузнаваемости.

Неожиданный сюрприз принесла ему следующая, очевидно, центральная часть огромного космического корабля.

Не без труда Полынин отыскал ведущий в нужном ему направлении люк, который удалось открыть при помощи рычага, просто отодвинув запирающую проход овальную плиту по ее направляющим.

За люком внезапно открылось огромное пространство.

Антон в первый миг растерялся: куда ни глянь — всюду пустота, лишь на высоте пятидесяти метров свет фонарей достает до плоскости потолка, покрытого выщербленными пластинами матово-белого цвета, — возможно, это был какой-то вид плоских осветительных плафонов.

Но главное, самое потрясающее открытие ждало его впереди.

Стоило сделать шаг за порог этого гигантского помещения, как магнитные подошвы скафандра тут же потеряли контакт с металлической палубой. Сделав неосторожный шаг, он начал всплывать, и лишь натянувшийся страховочный фал спас его от бесконтрольного кувыркания

в пустоте.

Справившись с пространственной стабилизацией тела, он отрегулировал слабину разматывания троса и поплыл в метре над полом странного помещения, выполняя заученные до автоматизма движения, позволяющие ему двигаться в избранном направлении, словно пловцу-подводнику.

Его путь вел к центру огромного зала.

Свет плечевых фонарей резал вязкий мрак, выхватывая из тьмы непонятные, черные как смоль, ветвистые контуры каких-то конструкций, которые тянулись от пола отсека к его своду, выложенному из матово-белых пластин.

До самого последнего момента, пока разминуться с очередной ветвистой конструкцией уже стало абсолютно невозможно, Полынин едва ли верил своему интуитивному предчувствию, слишком уж необычным казалась та аналогия, которую пыталось навязать ему распоясавшееся воображение…

Дерево…

Это было дерево! Огромный, почерневший ствол, ветвящиеся лишенные листвы побеги, морщинистая кора — настоящий гигант, которому должно быть понадобился не один десяток лет, чтобы дорасти до таких размеров!..

Это было потрясающе… невероятно…

Полынину потребовалось некоторое время, чтобы мысленно переварить факт такой необычайной находки: *дерево*, обнаруженное внутри космического корабля!

Справившись с волнением, Антон опустился ниже, чтобы проверить еще одну, возникшую тут же догадку.

Он не ошибся — пол исполинского отсека был покрыт полуметровым слоем смерзшегося в вакууме грунта, на поверхности которого лежала ломкая, но все еще зеленая трава!

В растерянности он огляделся по сторонам.

Немые темные исполины возвышались вокруг, образуя нечто похожее на мертвый лес. Деревья не были высажены по какой-то системе, рядами, например, нет — каждое возвышалось в отдельности, в той живописной асимметрии, которая присуща настоящему живому лесу… Но ведь Полынин прекрасно помнил, что находится внутри космического корабля, да и вырасти такие гиганты здесь не могли — пятидесятисантиметровый слой почвы мог удерживать и питать разве что траву, но не столетние деревья!.. Значит, их корневая система и часть стволов уходят ниже, сквозь

переборку палубы, в какие-то специальные крепления, заполненные питательной средой.

Убей бог, он не видел смысла в подобном использовании внутреннего пространства космического корабля… Все увиденное потрясало, приводило в смятение его разум, воспитанный на определенной технической логике, — не зря этот космический корабль с самого начала показался ему столь необычным…

Единственное, что Полынин знал в эту минуту наверняка, — он не уйдет отсюда, не выяснив, кому принадлежал этот искусственно созданный мир и что произошло с его настоящими хозяевами.

* * *

Двигаясь к центральной части огромного зала через мертвый лес почерневших деревьев, Антон размышлял над увиденным. Корабль явно подвергся нападению, об этом, бесспорно, свидетельствовали сотни фактов, но среди пробоин, разрушений, следов пулевого и энергетического оружия он не увидел ни одного тела, ни защитников корабля, ни нападавших. Все это казалось более чем странным.

Вопрос о том, кому на самом деле принадлежал этот реликт, все более занимал его разум, ведь в ответе крылся кончик той ниточки, ухватив который можно попытаться раскрутить историю странного корабля, понять: где, когда и с какой целью он был построен?

Часть ответа на заданные себе вопросы Антон обнаружил в самом центре исполинского зала.

Среди черных остовов погибших деревьев возвышалась палубная надстройка, которую мысленно так и хотелось назвать домом.

Но, приблизившись, Антон понял, что это не жилое помещение — перед ним вероятнее всего располагался командный центр огромного корабля. Пирамидальное сооружение с овальными окнами, на части которых были опущены бронежалюзи, окружали металлические дорожки, и благодаря их покрытию Антон вновь смог встать вертикально, задействовав магнитные подошвы скафандра.

Странно, ноги скользили, и ему пришлось сделать взмах руками, чтобы удержать равновесие. Нагнувшись, он понял, что поскользнулся на россыпи парящих у самого пола стреляных гильз от автоматического оружия доимпульсного образца.

Стены и окна управляющего центра были буквально изрешечены пулями, которые оставили сотни выщербин на прочном сплаве стен и сеточку трещин на многослойных армированных стеклах.

Антон, наконец, утвердился на ногах, нагнулся, поймав один из цилиндриков, в изобилии парящих вокруг, и посмотрел на торец гильзы, где рядом с наколом на капсюле располагалась круговая надпись, состоящая из арабских цифр и латинских букв:

LX-4587-BWG.

Маркировка ничего не сказала Антону, но теперь, после того как под ноги попались гильзы от чисто человеческого изобретения — автоматического огнестрельного оружия, он уже не мог сомневаться, что какой-то из противоборствовавших тут сторон являлись люди.

Это только подстегнуло его.

Массивные своды входа в центр управления были распахнуты настежь. В проеме до сих пор плавали фрагменты разбитой взрывами ручных гранат баррикады из мебели, за которой, должно быть, укрывались защищавшие вход члены экипажа. Но ни снаружи, ни в холле самого здания не было ни единого тела. Бой здесь шел ожесточенный, это Антон, постигший азбуку войны на собственной шкуре, мог определить безошибочно, по количеству уродливых отметин на стенах, состоянию мебели, приборов…

Он долго блуждал по различным постам управления, пытаясь разобраться в том немногом, что уцелело тут после ожесточенной схватки, которая явно велась за каждый отсек.

Он всплыл вдоль лестницы, перебирая руками по посеченным осколками перилам, и на площадке следующего этажа в глаза ему сразу же бросилась надпись, исполненная на вполне понятном Полынину *русском* языке!

«Зал контроля боевых систем».

Двери были снесены взрывом.

Он вошел в темное помещение, перефокусировав плечевые фонари так, чтобы они давали рассеянный свет, освещая как можно большую площадь.

Теперь, глядя на целые, едва тронутые в нескольких местах незначительными разрушениями пульты, Антон окончательно убедился, что данный корабль принадлежал людям, причем, опять-таки, судя по надписям, которые дублировали друг друга под каждым прибором на русском и интеранглийском языках, членами экипажа корабля были выходцы с самой Земли: возможно, тут имело место объединение экипажей

двух транспортов-невозвращенцев, чей состав изначально был сформирован по национальному признаку…

Холодная дрожь медленно проползла вдоль позвоночника Полынина. Все вокруг казалось одной сплошной загадкой, решить которую он был не в силах. Как, например, увязать его предположение о людях с Земли, затерявшихся в гиперсфере во время слепых прыжков, и странную, пока что ничем не обоснованную конструкцию исполинского корабля? При чем тут деревья, проросшие сквозь корабельные палубы, зачем прикреплены к бортам исполина эти ажурные конструкции, похожие на крылья?..

…Осмотрев зал управления боевыми системами и не найдя в нем ничего, способного пролить свет на историю корабля и разыгравшуюся тут трагедию, Антон направился дальше, исследуя один отсек за другим, пока не попал на самую вершину пирамиды.

Отсюда через надтреснутые пулями овальные окна была видна панорама мертвого леса и виднелись плоские крыши не замеченных ранее приземистых построек, прятавшихся среди деревьев.

Пульты главного поста управления почти не пострадали, но все же они были мертвы, скорее всего по той причине, что корабль давно лишился источников энергии. Можно было попробовать разобраться в надписях, но Полынина уже поджимало время — он и так блуждал по кораблю более четырех часов. Видеокамера, закрепленная на его шлеме, фиксировала все перемещения Антона, запечатлевая окружающие предметы в том ракурсе, в каком их видел Полынин, и с этим материалом логичнее поработать позже в более располагающей к углубленным исследованиям обстановке.

Последнее помещение, куда он зашел, была каюта без окон, с небольшим пультом управления, больше похожим на рабочий стол, сопряженный с терминалом компьютера.

Над столом, у выбитого ока монитора, парила перевернутая ваза, рядом плавал законсервированный вакуумом зеленый стебель какого-то растения, а подле открытого сейфа с массивной дверью черным веером рассыпались обгорелые листы полностью уничтоженных огнем документов.

Антон попытался разобраться в них, прочитать хоть что-нибудь на скорченных страницах, но сгоревшие листы превратились в прах от одного прикосновения.

Единственное, что он смог разглядеть на одном из сизо-черных листов, прежде чем тот рассыпался, было стилизованное изображение мифического животного и надпись под ним:

«Земля. Проект „Элком“».

Глава 2

Планета Аллор, мир дислокации штаб-квартиры колониальной администрации сектора Окраины.

Разговор по закрытой линии статкома оказался примерно того содержания, что и ожидал Антон.

Несколько минут назад он вернулся домой из космопорта. Чувствовал Полынин себя препаршиво — сказывалось напряжение двух гиперсферных прыжков, проведенных в некомфортных условиях АРК на постоянной подпитке полетными стимуляторами, которые исключали само понятие «сон».

Когда от твоего тела разит потом, а усталость, улучив момент, наваливается чугунной тяжестью, желая отыграться за двое суток, проведенных на допинге, в усталых мыслях превалирует одно желание: вымыться, наконец, и завалиться спать…

Сейчас Антон занимался тем, что стаскивал с себя пропахший потом полетный комбинезон, прижимая щекой к плечу трубку мобильного коммуникатора.

— Я просмотрел присланные тобой с борта материалы. — Роглес пока что разговаривал сдержанно, но Антон знал, что это ненадолго. — Ты промахнулся, мой мальчик. Сильно промахнулся…

Полынин ненавидел, когда к нему обращались «мой мальчик».

— Не каждая гиперсферная линия ведет к удаче, — ответил он старой как мир фразой пилотов, не желая ни грубить Роглесу, ни оправдываться перед ним, — все равно не поймет, что значит вести корабль по тонкой силовой линии «изнанки космоса», каждый раз испытывая ощущение игры в «русскую рулетку». Пилоты проверенных гиперсферных трасс летают совсем иначе — им неведом тот риск, который сопутствует работе разведчиков или нелегалов-контрабандистов: пройти курс от одного подпространственного маяка до другого — дело не хлопотное и нервов там много не потратишь…

— Да, я понимаю, — согласился Роглес, отвечая на его реплику относительно удачи, — но ведь ты уже дважды ошибался до этого… — Он угрожающе умолк, а затем добавил, так и не дождавшись оправданий со стороны Полынина: — Хочешь, я напомню тебе лимит моей расточительности? — Теперь в тоне Роглеса уже звучали и раздражение и угроза.

— Зачем же… я прекрасно помню условия соглашения, — ответил Антон, голым входя в ванную комнату. — Два промаха — и пилот уволен. Вам не показался интересным обнаруженный мной корабль? — спросил он, включая воду — пока что только те струйки, которые омывали тело по грудь, чтобы не намочить трубку коммуникатора. Какой кайф… После сорока восьми часов безвылазного прения в скафандре эта живительная влага напоминала амброзию…

— Обнаруженный тобой корабль — ржавый кусок дерьма, — грубо оборвал его блаженство голос Джонатана. — Он не стоит ничего, кроме просранных тобой ста тысяч, которые угроблены на бесполезный полет. Ты даже не попал в Рукав Пустоты, а мне нужны артефакты, *настоящие артефакты*, понимаешь, а не раздолбанные корабли, спрятанные в каких-то там пещерах… Обратись в фирму, занимающуюся сбором вторичного сырья, — раздраженно посоветовал он. — Тоже мне, историк-кладоискатель…

Антону страшно хотелось включить весь объем душевой кабины, чтобы голос Роглеса захлебнулся вместе с электроникой коммуникатора, его порождающей.

— Гильзы вас не интересуют? — сдержав подкатившую к горлу ярость, осведомился он, прекрасно зная, что этим предложением окончательно выведет Джонатана из себя, но, по большому счету, Полынину было в этот момент все равно — смертельная усталость стирала грани субординации и инстинкта самосохранения.

— Ты издеваешься? Какие гильзы? — прорычал голос в трубке.

— Старинные. С клеймом какого-то из земных оружейных заводов.

— Слушай, Полынин, ты мне дерзишь или как?

Антон предпочел промолчать.

— В общем, так… — подытожил наступившую гробовую тишину Роглес. — Очередной раз стартуешь послезавтра. Я дам тебе еще один шанс. Либо ты найдешь действительно что-то ценное, что перекроет издержки сегодняшнего полета, либо мои ребята сдерут с тебя неустойку по полной программе. Ты понял меня?

— Понял. — Антон не стал прощаться, свернул панель коммуникатора, приоткрыл дверку душевой кабины и вышвырнул прибор связи вон.

Наконец-то он мог нормально включить воду…

* * *

Спустя полчаса, выйдя из душа, он почувствовал себя немного лучше.

Вторая мечта — немедленно завалиться спать, временно отступала на второй план. Роглес сказал — послезавтра, а это значит, что вместо обычных трех недель у него будут только сутки на подготовку очередного прыжка.

Сначала Антон хотел засесть за работу немедленно — в конце концов, он действительно промахнулся, ровно на сто тысяч кредитов (в такую округленную сумму по давней взаимной договоренности оценивалась заправка АРК активным веществом для прыжков и амортизация бортовых агрегатов в период полета), — но, сев за рабочий терминал компьютера, Полынин взглянул на свое отражение, маячившее в глубинах погашенного монитора, и понял — сегодня толку от работы не будет, лучше по-честному напиться, чем приниматься за прокладку такой ответственной вещи как гиперсферный курс…

Пока он размышлял таким мрачным образом, его пальцы машинально барабанили по рваной обложке первого тома «Истории Галактики», который лежал на рабочем столе.

Эту книгу, найденную на планете Хабор, Антон Полынин хранил вот уже десять лет…

На то было две причины. Во-первых, старое издание, выполненное еще на бумаге, обладало несомненной антикварной ценностью, а во-вторых, лицевая часть переплета была пробита осколком, который застрял в районе шестисотых страниц.

Когда-то эта книга, заткнутая за пояс, спасла Антону жизнь.

Он не знал, почему, растеряв по космическим госпиталям все свои вещи, он бессознательно сохранил потрепанный том «Истории Галактики», но теперь только эта книга да сидящий внутри страниц рваный осколок металла остались единственной материальной памятью тех дней.

Обычно бойцы, вырвавшиеся из пучин ада, хранят что-то на память, чаще — свои собственные посмертные медальоны, как знак несомненной победы над безносой старухой, но у Полынина не осталось даже его — свой личный номер на прочной, нервущейся цепочке он сунул в руки Паше Сытникову, по кличке Морок, когда того грузили в эвакуационный модуль.

С тех событий на Хаборе прошло без малого десять лет, в пространстве освоенного космоса произошли значительные перемены: старая Конфедерация Солнц, которой служил Антон Полынин, распалась, и после десятилетия хаоса на ее месте возник новый космический союз, в состав которого, помимо планет бывшей Конфедерации, вошли еще и две чуждые людям древние расы — инсекты и логриане.

Антон не любил вспоминать прошлое, но когда после очередного

возвращения из поиска наваливалась усталость, например, как сегодня, он, не в силах уснуть и не в настроении что-либо делать, брал в руки пробитый осколком том «Истории Галактики» и листал его страницы, постепенно заливая свою усталость хорошим, выдержанным вином, доводя тупую отрешенность, вызванную постэффектами действия стимуляторов, до простого человеческого желания лечь и расслабленно уснуть…

Открыв первую страницу, он водрузил ноги на подковообразный стол и сделал первый глоток вина… Роглес на несколько ближайших часов мог отправляться к Дьяволам Элио со всеми сопутствующими проблемами…

…

…Общеизвестно, что история движется по спирали, где каждый виток событий в чем-то повторяет элементы прошлого, с той лишь разницей, что все происходит на ином уровне научно-технического прогресса и общественных взаимоотношений.

Иногда спираль скручивается, сжимаясь, и тогда напряжение ее витков возрастает в тысячи, миллионы раз; события спрессовываются в коротких отрезках времени, наступают периоды потрясений и войн, за которыми неизбежно следует взрывообразное освобождение накопленной энергии. Спираль раскручивается, ее витки становятся плавными, протяженными — иногда это стабильные десятилетия мирной созидающей жизни, иногда — стагнация, регресс, откат в прошлое из-за разрушений и войн.

Историю развития человечества достаточно легко отследить до тех пор, пока цивилизация оставалась в границах Солнечной системы. В течение первых четырех столетий Космической Эры, пока упомянутая спираль базировалась на Земле, охватывая, помимо колыбели человечества, околопланетное пространство и колонизированный Марс, витки событий все более сжимались, обретая угрожающее напряжение: численность населения катастрофически росла, буквально пожирая ресурсы, вытесняя из жизненного пространства все, хоть сколько-нибудь отличающееся от человека и обслуживающих его машин.

Двадцать четвертый век от Рождества Христова стал пиком этого напряжения. Казалось, еще немного, и наступит пресловутый апокалипсис — цивилизация попросту взорвется, уничтожая сама себя ради освобождения жизненного пространства для немногих уцелевших…

…

Антон сделал глоток вина, закурил и начал читать дальше. Сухое изложение общеизвестных фактов оказывало на Полынина особое, успокаивающее действие. Ему *нравилось* понимать, отчего мир сегодня

устроен именно так, а не иначе. В конце концов, он всегда мечтал быть историком-археологом, но вышло так, что вместо поступления в институт истории и археологии космоса, базировавшийся на планете Элио, он попал на Аллор, где ступил на скользкую стезю контрабандиста, грабящего массовые усыпальницы древних рас, в которые превратились сожженные вспышками звезд планеты…

…

…Существовал ничтожный шанс развития событий по иному сценарию, но в ту пору его не обсуждали всерьез. Несмотря на явные успехи астронавтики: колонизацию Марса и обогреваемых искусственным солнцем лун Юпитера, звезды с их гипотетическими девственными мирами оставались все так же недостижимо далеки. Скорость света, владычествующая в физике трехмерного космоса, оборачивалась настоящим проклятием, вставая неодолимой стеной на пути дальнейшего развития человечества.

И все же этот ничтожный, фантастический шанс вырваться на простор Галактики сыграл решающую, хотя и негаданную роль в дальнейшей судьбе цивилизации.

К середине двадцать пятого века сжатая до предела спираль исторических событий действительно не выдержала, начала раскручиваться, но не в сторону взаимоистребляющей войны, а туда, в космос, к вожделенным, но недоступным, как прежде казалось, звездам.

История расселения людей в космическом пространстве, которое теперь принято обозначать термином «обитаемая Галактика», захватывает временной промежуток в две тысячи лет.

Экспансия к звездам не являлась прогнозируемым, планомерным и поступательным процессом. Расселение человечества по ста семидесяти звездным системам — это скорее серия импульсивных толчков, которые уже гораздо позже были систематизированы, описаны, осмыслены и получили статус достоверных исторических событий.

Посудите сами: первый опыт проникновения в область аномалии пространства, которую теперь принято обозначать термином «гиперсфера», являлся катастрофой. Колониальный транспорт «Альфа» при старте из Солнечной системы просто исчез с экранов всех приборов слежения в тот самый миг, когда силовые установки первенца колониальных амбиций человечества начали синтезировать колоссальную звездную энергию.

Многокилометровый корабль со всем экипажем и спящими на борту колонистами исчез, испарился из привычного нам трехмерного континуума, и на протяжении полутора тысяч лет никто не знал о его

дальнейшей судьбе… Но катастрофа «Альфы», тщательно упрятанная под грифом «совершенно секретно», дала толчок к первым разработкам теории гиперсферы. Среди ученых, посвященных в тайну трагического старта, нашлись те, кто попытался взглянуть на исчезновение «Альфы» не как на катастрофу, уничтожившую корабль, а как на проявление неизвестного физического процесса, в силу которого колониальный транспорт не погиб, как принято было считать, а был отторгнут метрикой трехмерного космоса в область иных физических констант.

Результатом исследований данной теории стал старт первого автоматического гиперсферного корабля «Ванкор». Управляемый компьютерами разведчик совершил серию из десяти удачных прыжков, в конечном итоге вернувшись в привычный континуум за орбитами Юпитера.

Полет «Ванкора» позволил обосновать азы гиперсферной навигации. Стало понятно, что каждая звездная система имеет свой гравитационный отпечаток в «изнанке космоса», а сама аномалия обладает энергетическими уровнями, попадание на которые зависит от количества энергии, которую генерируют силовые установки корабля в момент прорыва метрики привычного нам пространства.

Анализ перемещений «Ванкора» не смог обосновать лишь одного очень важного фактора, который стал известен позже: кроме всего прочего, для перехода в область гиперсферы и обратно критическое значение имеет масса самого корабля.

На земле заканчивался 2407 год.

Всемирное правительство с трудом балансировало на грани четвертой мировой войны. Цивилизация больше напоминала паровой котел, готовый вот-вот взорваться из-за растущего давления изнутри. Колониальные амбиции уже переросли стадию научного эксперимента — Марс страдал от перенаселения столь же сильно, как Земля, колонии лун Юпитера, обогреваемые искусственным солнцем, не могли принять миллионы желающих покинуть Землю, и даже орбитальные города-станции, условия существования на которых лежали где-то между нищетой и экстремальными видами туризма, — и те становились похожими на муравейники.

В этих условиях полет «Ванкора» приоткрыл узкий лаз к иным мирам — автоматика экспериментального корабля не только собрала массу данных о самой аномалии космоса, совершив девять «обратных переходов», сориентированных по отпечаткам реально существующих звездных систем, бортовые компьютеры корабля произвели снимки точек

выхода… и анализ цифровых изображений внезапно открыл ошеломляющий факт: пять из девяти исследованных звезд имели планетные системы, а в трех из них неоспоримо присутствовала жизнь, основанная на органике.

Это было невозможно скрыть. Снимки зелено-голубых миров разошлись по средствам массовой информации, вкупе с описаниями упрощенной, доступной для понимания рядового обывателя технологии полетов через новую область пространства.

Неизвестно, была ли данная утечка информации случайной или специально организованной, но именно она породила колониальный бум.

Известно, что плохой мир лучше хорошей войны. Те, кто прожил всю свою жизнь в перенаселенной коммунальной квартире, должны знать, как ноет под ложечкой это неизбывное желание: иметь СВОЙ дом. Ради его приобретения можно рискнуть, можно даже забыть о тихой ненависти к соседям, что высевалась и культивировалась всю жизнь…

Люди, организовавшие в этот критический момент новый вид бизнеса, имели в своем штате грамотных психологов.

В Солнечной системе возникло сразу несколько фирм, занимающихся постройкой «колониальных транспортов» — кораблей одноразового использования, преподносимых как «чудо новых технологий».

Всемирное правительство не пыталось воспрепятствовать этому дикому, возникшему фактически на пустом месте бизнесу.

Корабли строились, загружались, стартовали и… исчезали.

Триста тысяч человек на борту каждого колониального транспорта. Их имущество оставалось на Земле, переходя в собственность фирмы-отправителя, взамен они получали место в криогенной камере внутри исполинского многокилометрового «яйца», покрытого слоем герметичной отражающей брони.

Каждый транспорт уносил с собой полное оборудование колонии. В подавляющем большинстве случаев это были кибернетические механизмы, предназначенные для постройки первичного города-убежища, хотя существовали и иные варианты комплектации убывающих кораблей — все зависело от фирмы, которая строила тот или иной колониальный транспорт.

Только много позже стало понятно, что для повторения маневров «Ванкора» каждый из вновь построенных кораблей должен был обладать *его массой*, но стандартизация в годы колониального бума не являлась приоритетом — слишком прибылен оказался этот вид бизнеса, слишком много отчаявшихся «лишних людей» скопилось в недрах цивилизации, а в рекламирование тех планет, где никогда не бывал ни один человек,

вбрасывались баснословные денежные средства.

С позиции дня сегодняшнего, это кажется массовым помешательством, безумием. Так оно, наверное, и было, за одним исключением.

Бросок в неизвестность на борту космического корабля, конечно, являлся отчаянным актом, но лихорадка тех лет была сдобрена искусно преподанной надеждой, обоснованной в грамотной рекламной политике, к которой тут же подключился заказной информационный прессинг, повествующий о грядущей со дня на день глобальной катастрофе на Земле. Психоаналитики фирм-отправителей не зря ели свой хлеб. В понимании девяноста девяти процентов отбывающих из Солнечной системы, это был *шанс*, в то время, как жизнь в перенаселенных мегаполисах для большинства их обитателей уже давно не имела никаких перспектив.

Даже те, кто понимал, что за рекламными акциями кроется лишь доля истины и старт каждого колониального транспорта схож со щелчком револьверного барабана в «русской рулетке», все равно покупали себе места на отбывающих кораблях, потому что вторая составная часть информационного прессинга, повествующая о грядущей на Земле катастрофе, если и сгущала краски, то ненамного.

«Надежда всегда умирает последней».

Паровой клапан цивилизации открылся.

Историки, описавшие процесс массового исхода колониальных транспортов из Солнечной системы, — потомки тех, кому повезло.

Современная теория гиперсферы гласит: аномалия космоса имеет определенное количество силовых линий. Начинаясь в точке старта, они тянутся от гравитационного узла, образованного Солнечной системой или любой иной звездой к реально существующим космическим объектам. То есть каждая нить гиперсферы, берущая начало на дне гравитационного колодца, образованного тяготением больших планетно-солнечных масс, действительно уводила к реальному объекту в трехмерном космосе, но никто не мог с точностью утверждать, на какую из нитей аномалии попадет тот или иной корабль и что за «материальный объект» окажется в конце выбранного наугад курса?

Так и вышло. Структура космоса построена на системе законов, констант, которые не могут меняться под влиянием рекламных кампаний алчных людишек. Опровергая рекламные ролики, силовые линии гиперсферы причудливо вели колониальные транспорты, разбрасывая их по бескрайнему простору спирального рукава Галактики, и в результате — повезло лишь единицам, основная же масса космических кораблей канула в

безвестность.

Итогом этого исхода, который историки поздних времен назовут эпохой Первого Рывка, стало заселение шестидесяти семи планетных систем.

Колониальный бум ослабел, потом вовсе сошел на нет — слишком много кораблей-невозвращенцев кануло в пучины «Великого Ничто», да и от тех, кому повезло, не приходило вестей — связь через аномалию космоса изобрели позже, почти четыреста лет спустя, когда вторая волна Экспансии породила новую серию кораблей, большинство из которых вышли к мирам, освоенным и забытым в эпоху Первого Рывка.

Солнечная система вновь страдала от избытка населения, но силовые линии аномалии не изменились — корабли выходили в трехмерный континуум в системах уже заселенных, успевших за четыреста лет создать свои независимые очаги цивилизации, — новых поселенцев, представляющих, ко всему прочему, не лучшую часть человечества, тут не ждали и не собирались принимать.

Так началась первая Галактическая война: конфликт Свободных Колоний и Земного Альянса — жуткое по своей мощи и количеству жертв противостояние, едва не уничтожившее само понятие «человечество».

Но кроме этой, общеизвестной на сегодняшний день истории, есть планеты, и даже группы миров, о существовании которых не подозревает никто в обитаемой Галактике.

По умолчанию, в списке колониальных транспортов, стартовавших из Солнечной системы, им присвоен статус «невозвращенцев».

Но ведь каждая силовая линия аномалии космоса ведет к некой точке гравитационного возмущения, которой в трехмерном континууме должен соответствовать материальный объект, обладающий массой планеты или звезды…

* * *

…должен соответствовать материальный объект, обладающий массой планеты или звезды…

Именно на этом утверждении строился поиск, в котором принимал участие Полынин.

Об истории давней, еще дочеловеческой, повествовала совсем иная книга — там описывалось развитие древних рас и их борьба с нашествием предтеч, но Антона, как и других подобных ему «черных археологов», волновал лишь тот факт, что на месте схваток миллионолетней давности, в которых гибли и взрывались звезды, остался так называемый Рукав

Пустоты — область без зримых световых ориентиров. Провальная чернота, в которой нет возможности нормально летать, где отсутствуют какие-либо ориентиры, а блуждающий обломок давнего катаклизма может напороться на твой корабль в любую минуту. Главной добычей в Рукаве Пустоты были артефакты — чаще всего неразгаданные безделушки, останки давно оборванных жизней, но люди, в силу своей психологии, охотно платили немалые деньги за изуродованные и немые свидетельства тотальных катастроф, потрясавших этот участок спирального рукава Галактики в ту пору, когда их предки еще кутались в звериные шкуры и едва научились добывать огонь.

Звезды в Рукаве Пустоты взорвались и погасли, энергия их катастрофического перерождения давно разлетелась рассеявшимися за миллионы лет кольцами туманностей, а принадлежавшие звездным системам планеты, лишившись центра тяготения, обрели внезапную свободу, удаляясь от мест катастроф по замысловатым траекториям, вычислить которые, не имея подробных исходных данных, не смог бы ни один навигатор.

Существовала единственная возможность оказаться в непосредственной близости от такого страшного, обгоревшего, окруженного шлейфом обломков древнего мира — поймать эмпирическим путем нить силового напряжения гиперсферы, которая тянется именно туда, в эту провальную черноту, где по блуждающим орбитам летит во мраке тот или иной обожженный планетоид, потерявший миллионы лет назад свою звезду…

Именно такого рода поиск составлял работу Антона…

…Тонкая трель, исходящая из недр терминала связи, заставила Полынина отвлечься от своих мыслей.

— Да? — он снял трубку коммуникатора, с неудовольствием отметив, что номер абонента в окошке определителя отсутствует: звонили с уличного статкома.

Голос в трубке оказался женским.

— Извините, это Антон?

Он нахмурился.

— Ну, допустим… — Полынин выдержал паузу, ожидая пояснений, но на том конце связи было слышно лишь прерывистое дыхание абонента. — Какой Антон вам нужен? Кому вы звоните?

— Извините, мне дали этот номер. Я хочу поговорить с Антоном… — дальше послышался шелест, видимо, звонившая переворачивала бумажку, — Антон Полынин, космический археолог, специалист по

нетрадиционным гиперсферным трассам.

Пока она говорила, губы Полынина искривила улыбка.

Произнесенные вслух формулировки были явно притянуты кем-то за уши. «Космический археолог»… Полынин усмехнулся краешком губ, поймав свое отражение в мутном глянце компьютерной панели. В лучшем случае это звучало как дружеская издевка, в худшем — походило на неумелую провокацию полицейского управления колониальной администрации Аллора.

Усмешка медленно сползла с его губ:

— Я не знаю вас, мэм, и, к сожалению, я не занимаюсь космической археологией. Вам передали неверные данные. Извините.

— Постойте, Антон, не отключайтесь. — Незнакомка явно угадала его намерение оборвать связь и не ошиблась: палец Полынина уже лежал на сенсоре отбоя. — Ваш номер мне дал Джонатан Роглес. Он сказал, что я должна попытаться переговорить с вами. У меня есть проблема, решить которую может только такой человек, как вы…

Ее речь была сбивчивой, в отрывистых фразах присутствовало больше эмоций, чем конкретной информации, но ссылка на Джонатана возымела успех. Палец Полынина убрался с сенсора отключения. Роглесу Антон был обязан многим. «От Джонатана вряд ли будет исходить угроза провокации», — мысленно рассудил он, — «и, скорее всего, эта нервная дама не имеет никакого отношения к бизнесу, связанному с контрабандой артефактов из Рукава Пустоты… Странно, в таком случае, что ей могло понадобиться от меня?» — Антон размышлял, зажав ладонью сеточку микрофона. Мысленно перебрав и тут же отвергнув пришедшие на ум варианты, он нехотя поднес трубку к губам.

Он ненавидел внезапные звонки такого рода.

— Как видите, я не отключился, — после некоторой паузы, подавив раздражение, произнес он. — О чем идет речь? Говорите конкретно.

— Я хочу встретиться с вами. — Ее голос по-прежнему дрожал, и это обстоятельство опять-таки не вызывало у Полынина никаких положительных реакций. Он не любил людей нервных, эмоциональных, подверженных тем или иным настроениям — с ними, как правило, невозможно работать.

— Хорошо… — Ненавистный авторитет Джонатана все же сыграл в этом разговоре решающую роль: попробуй не откликнуться на просьбу протеже господина Роглеса — опять станет орать по мобильнику, вспоминая, как вытащил из дерьма и нищеты калеку-солдата, брошенного своей дражайшей Конфедерацией на произвол судьбы…

— К себе я вас пригласить не могу, предлагаю встречу на нейтральной территории, — произнес Антон, продолжая прерванный паузой разговор. — Где вы находитесь в данный момент?

— Я на перекрестке седьмой вертикали с шестнадцатым уровнем, — после некоторой заминки сообщила она.

— Понятно. — Он попробовал мысленно представить район с указанными координатами, но не преуспел в поисках. — Мне это ни о чем не говорит, — подытожил Полынин свои усилия. — Оглянитесь вокруг, найдите какую-нибудь яркую, бросающуюся в глаза вывеску.

— Сейчас, подождите секунду.

На некоторое время в коммуникаторе повисла тишина, нарушаемая лишь отдаленными звуками уличного движения, затем вернулся голос незнакомки:

— Напротив меня через дорогу большая голографическая вывеска. Ночной клуб «Орфей»… Он открывается через час.

— Идет. — Антон посмотрел на свои часы. — Погуляйте где-нибудь, я подъеду к открытию.

— Да… конечно… Но как мы узнаем друг друга?

— Я буду одет в длиннополое пальто «хамелеон», голова непокрыта, стрижка короткая «а-ля гермошлем», на вид лет тридцать. — Он усмехнулся и добавил: — Особых примет нет.

— Хорошо. — Она по-прежнему разговаривала надтреснутым, дрожащим голосом. — Я подожду вас тут. Приезжайте поскорее, ладно?

— Договорились. — Антон дождался сигнала отбоя связи и только после этого вернул трубку домашнего коммуникатора в соответствующее ей гнездо на панели компьютерного терминала.

Некоторое время он сидел в задумчивости.

«Что бы это значило? Перезвонить Джонатану?..»

Он находился в явном затруднении. С одной стороны, работа в Рукаве Пустоты без лицензии от вновь образованной Конфедерации Солнц, в состав которой теперь входили еще и две ксеноморфные расы — инсекты и логриане, являвшиеся, как ни крути, историческими наследниками тех самых артефактов, которые с риском для жизни добывал Полынин, чревата по новым законам длительным тюремным сроком… и в этой связи Антону волей-неволей приходилось с подозрением относиться к негаданным звонкам, действуя по принципу: береженого бог бережет, а с другой — поднимать панику, беспокоить Роглеса сомнениями относительно человека, им же рекомендованного, будет похоже на вызывающее, демонстративное недоверие, что, скорее всего, еще больше осложнит их и без того давшие

трещину отношения.

«Прошли золотые времена…» — подумал Антон. Все было нормально, пока Роглес оставался обыкновенным владельцем нескольких старых гиперсферных кораблей. В ту пору он вел себя сдержаннее и не скрывал своего страха перед Рукавом Пустоты, предпочитая рисковать не собственной шкурой, а только кораблями, передоверяя их безработным пилотам, таким, например, как только что выписавшийся из госпиталя Антон Полынин. Теперь же Роглес разжирел, оброс сетью собственных магазинов, в нем появилась наглая вальяжность большого босса, и это начинало раздражать до такой степени, что порождало стойкое желание плюнуть на все и уйти, заняться чем попроще…

«Ладно…» — мысленно подытожил Антон свои сомнения, убирая ноги со стола и вставая с кресла. — «Будем действовать по обстановке, в первый раз, что ли?»

Терминал домашней компьютерной сети послушно погасил мониторы, переходя в режим резерва, как только встроенные в кресло датчики перестали воспринимать вес тела хозяина.

Светился лишь небольшой овальный экран индикации голосовых команд, под которым рельефными буквами было прописано название модели бытового кибернетического комплекса.

Антон подошел к стене, коснулся сенсора, и панель обшивки, имитирующая зеркальное дерево планеты Рори, скользнула в сторону, открывая встроенный шкаф-купе с верхней одеждой.

Он потянулся за пальто.

— РИГМА, — не поворачивая головы, обратился он к системе, — вызови машину к подъезду. Я буду отсутствовать неопределенное время. После моего ухода включи режим охраны помещений.

— Принято, — ответил бестелесный голос.

На терминале вспыхнули и тут же погасли сигналы индикации.

Антон накинул пальто, провел рукой по короткому ежику волос, задержал взгляд на плечевой кобуре с импульсным пистолетом, которая висела в глубине шкафа, но брать ее не стал.

— Все, я ушел.

Дверь квартиры послушно распахнулась перед ним.

* * *

Ночной клуб «Орфей» занимал пять верхних этажей сверхнебоскреба на углу седьмой вертикали и шестнадцатого городского уровня. Архитектура мегаполиса в разрезе напоминала слоеный пирог: пласты

городских площадей были как бы нанизаны на вертикальные столбы зданий, так что один и тот же небоскреб на разных высотах соотносился с различными улицами.

Это сверхвысотное здание оканчивалось тут — над шестнадцатым уровнем возвышались только пять его этажей. Квартал, если верить табличкам, именовался «поднебесьем», хотя соседние с «Орфеем» здания уходили еще выше, образуя островки нового, строящегося городского уровня.

Заведение преуспевало и явно не относилось к разряду дешевых, об этом могла свидетельствовать хотя бы парковочная площадка для личных транспортных средств, простирающаяся перед входом в клуб в виде овальной посадочной плиты с оранжевыми кругами разметки для флайеров и частой зеброй парковочных мест для автомашин.

Площадка висела над пропастью городских улиц, поддерживаемая снизу мощными решетчатыми фермами. В условиях города-мегаполиса аренда такой площади стоила немалых денег, сравнимых с содержанием самого клуба.

Антон не любил сумасшедшее движение воздушных городских трасс и потому вот уже десять лет не изменял полюбившейся марке «Гранд-Элиот». Надежная, комфортная машина на водородном двигателе, а главное — на четырех колесах. Есть, конечно, фанатики городского флайерного экстрима, но в жизни Полынина хватало острых ощущений и без выкрутасов в узких ущельях между домами-небоскребами. Свободные от работы минуты он ценил и предпочитал проводить их спокойно, наслаждаясь мягким шелестом покрышек по влажному стеклобетону городских автомагистралей, а не бешеным адреналином урбанистического воздушного слалома.

Припарковавшись, он вышел из машины и огляделся.

Ночная, а точнее, вечерняя жизнь города только начиналась. Квадратные клочки неба в проемах между зданиями серели смоговыми, сумерками, лучи заходящего солнца, пробиваясь сквозь городское марево, сияли брызгами предзакатного пламени в окнах верхних этажей; народа вокруг почти не было — те, кто работал днем, уже вернулись домой, ну а контингент граждан, жаждущих ночных развлечений, появится на улицах чуть позже. Полынин знал это по личному опыту, имея привычку к вечернему моциону, для которого выкраивал именно такие часы, свободные от толкотни на улицах.

Сегодня привычный уклад его городской жизни был нарушен странным звонком. Что ж… Посмотрим, зачем я понадобился нервозной

подруге Роглеса…

С этими мыслями Антон захлопнул дверку машины, дождался, пока компьютерная система, опустив замки, сдавленно пискнет, успокаивая хозяина, и пошел к разрисованному лазерами входу в ночной клуб.

* * *

Несмотря на ранний час, у входа в «Орфей» толклось человек пятнадцать, не меньше. Наметанный взгляд Полынина тут же выделил двух охранников в цивильном, которые лениво делали вид, что не имеют никакого отношения к данному заведению. Их выдавали глаза. Такой взгляд обычно бывает у скучающих вахтеров, машинально процеживающих окружающие лица. Швейцар у входа занимался тем, что оттирал пятно на декорированной под мрамор пластиковой плите. Чуть поодаль три проститутки в преддверии рабочей смены с вялой заинтересованностью обсуждали кого-то. Антон краем уха услышал пару нелестных эпитетов, типа «крашенная старуха» и «что она здесь трется?»… но не обратил на них должного внимания. Рядом с «ночными бабочками» собралась группа подростков, окруживших продавца легкой «дури» — эреснийской травы, которая в некоторых мирах давно была приравнена к табаку, но тут, на Аллоре, по-прежнему оставалась занесенной в разряд легких наркотических средств. В этой политике местной администрации присутствовала изрядная доля здравого смысла. Запретный плод сладок. Как только эреснийская трава будет продаваться в любом магазине, наряду с обычными сигаретами, ее никто не станет курить — удовольствие ниже среднего, Полынин сам пробовал по молодости, а вот ее сегодняшние потребители из числа подростков тут же перейдут на более опасную для здоровья «дурь»… По мнению Антона, в данном случае аллорские чиновники из отдела по борьбе с наркотиками просто демонстрировали компетентность, выбирая меньшее из зол…

…Полынин лишь мельком скользнул взглядом по этой тусовке. Он искал звонившую женщину и, еще раз оглядевшись, понял, что стоявшая поодаль пожилая особа с вызывающе-ярким макияжем на лице, который, по неодобрительному мнению трех проституток, только подчеркивал ее морщины, и есть искомое…

Она нервно курила, стоя у невысокого ограждения, отделявшего край парковочной площадки от семидесятиметровой пропасти.

Он молча направился к ней. Незнакомка, стоявшая вполоборота, отреагировала на звук приближающихся шагов, отбросила наполовину выкуренную сигарету, не заботясь о том, куда упадет окурок, и Антон тут

же подметил про себя, что у нее замашки скверной аристократки.

— Это вы мне звонили, миссис?..

— Клеймон. Зовите меня миссис Клеймон, можно просто Сара, как вам удобнее.

— Отлично. Будем беседовать здесь или пойдем внутрь?

Она огляделась, потом нервно передернула плечами.

— Я бы предпочла говорить в более уютном месте.

Эти юные потаскушки уже минут пятнадцать буравят меня глазами.

— Возможно, они увидели в вас свою соперницу? — не удержавшись, поддел Антон.

Дама укоризненно посмотрела на Полынина — буквально влепила звонкую пощечину этим взглядом, и Антон вдруг почувствовал себя неловко.

«Ладно…» — в своей наблюдательно-философской привычке подумал он, направляясь к входу в клуб. — «Один ноль не в мою пользу».

Швейцар уже закончил оттирать пятно и теперь стоял гранитной глыбой на фоне прозрачных дверей.

— Извините, сэр, вход по членским билетам. Это закрытый клуб.

Антон молча достал купюру в сто кредитов.

— Это сойдет за разовый билет? — вполголоса спросил он, поднимая ладонь с банкнотой так, чтобы переодетые в штатское охранники не видели предъявляемого «членского билета».

— Вполне. — Швейцар чуть посторонился, ловко приняв мзду. — На втором этаже есть отдельные кабинеты, — вполголоса дал он бесплатный навигационный совет.

— Учту, — буркнул Антон, пропуская вперед свою новую знакомую.

Он ненавидел платить за женщин, в присутствии которых не был заинтересован, и его настроение падало с той же стремительностью, с какой росло внутреннее убеждение в том, что его пытаются развести как обыкновенного лоха.

«Вот только с какой целью?»

Желание узнать ответ на заданный самому себе вопрос, да еще злополучный призрак господина Роглеса, маячивший за звонком этой «Сары», — вот два побудительных мотива, не позволившие ему просто развернуться и уйти.

Внутри ночной клуб «Орфей» подозрительно смахивал на дорогой бордель. Это впечатление несколько скрашивал внушительных размеров танцпол, расположенный в огромном холле здания. Центральный подиум имел площадь в несколько сот квадратных метров, его окружали столики,

разделенные декорированными поддерево перегородками, выше гроздьями висели приборы для световых спецэффектов, а дальше царили многоэтажные кольцевые балконы, сквозь перила которых были видны десятки дверей, ведущих в отдельные номера. Наверху все это венчалось поделенной на прозрачные сегменты плоскостью крыши. Сквозь нее были видны габаритные огни соседних строящихся сверхнебоскребов и узкий клочок темного неба, на котором уже робко мигала первая вечерняя звезда.

Заметив посетителей, к ним подошел вежливый мальчик с зализанными набок волосами.

— Желаете уединиться? — без тени усмешки, по-деловому осведомился он. — Пятьдесят кредитов в час.

Антон кивнул. Мысленно оценив ситуацию, он достал еще одну банкноту, и ему тут же протянули магнитный ключ.

— Номер триста двенадцать. Второй этаж вправо по балкону. Желаю приятно провести время.

Полынин был уже зол не на шутку — ситуация, пусть и спонтанно возникшая, ничуть не забавляла его, но Сара Клеймон как раз в этот миг взяла его под руку и коротко спросила:

— Пошли?

Антон кивнул, скрепя сердце. Иногда с тобой случаются неожиданности, против которых в данный момент можно применить лишь одно средство: сделать по возможности хорошую мину при откровенно плохой игре. Рука, которую он ощущал сквозь тонкую ткань одежды, оказалась сухой, морщинистой и дрожащей.

Под искусно наложенным макияжем скрывалась самая натуральная старуха — в этом уже не оставалось никаких сомнений.

* * *

В номере, помимо широкой, похожей на стартовую плиту космодрома, кровати, к счастью, нашелся еще и журнальный столик с набором алкогольных напитков и двумя креслами по бокам.

Антон расстегнул пальто и сел, не снимая верхней одежды.

Сара Клеймон последовала его примеру, облегченно вздохнув при этом.

— Выпьем? — нарушив молчание, внезапно предложила она.

Полынин хмуро посмотрел на Сару, потом, оценив ее выдержку, усмехнулся и ответил:

— Миссис Клеймон, я жду объяснений.

Она кивнула, открыв сумочку. Пока она копалась в ее содержимом,

Полынин осмотрел бутылки и открыл легкое эреснийское вино, получаемое из плодов того же растения, чьими высушенными листьями торговали на улице из-под полы. Не в пример скверной траве, вино из эреснийской скалиозы, как правило, выходило отменным.

Сара Клеймон извлекла на свет маленький карманный компьютер. Игрушка была дорогой и мощной, но, в отличие от ноутбука, ее можно было запросто упрятать в карман пальто.

Пока он разливал вино, Сара отсоединила от корпуса наперсток, на конце которого тлела крохотная искра инфракрасного излучателя и пробежала световым стилом по виртуальным значкам на крохотном цветном дисплее.

— Посмотрите, Антон. — Она протянула ему активированный мини-компьютер, обменяв его на бокал. Откинувшись на спинку кресла, Сара застыла в напряженном ожидании.

Антон посмотрел на миниатюризированное изображение.

Казалось, что в черноте космического пространства сплел асимметричную паутину какой-то монстр. Полынин достаточно много работал с подобными трехмерными схемами, чтобы быстро сориентироваться в изображении и понять, что пульсирующие линии брали свое начало в печально известной системе Ганио и тянулись через мрак освоенного участка Вселенной к различным маркерам. Основная часть «креплений» этой паутины являлась точками расположения миров Окраины — недавно образованных колоний, которые породила третья волна экспансии человечества в глубь космоса.

Линии не затрагивали такие старые миры, как Элио, Рори, Стеллар, Дабог, Кассия, Эригон или Кьюиг, — они тянулись мимо, игнорируя устоявшиеся очаги человеческой цивилизации, и впивались в гораздо более отдаленные, менее развитые планеты, отнесенные ветром колонизации в сторону от освоенных скоплений Центра. Разглядывая схему, Антон сразу же обратил внимание на тот факт, что несколько наиболее любопытных линий вообще уходят «в никуда», обрываясь в черноте на срезе экрана.

Сара Клеймон, заметив, что он машинально кивнул, оценив предложенное изображение, пригубила вино и спросила:

— Что вы думаете по этому поводу, Антон?

Полынин пожал плечами. Ему была по-прежнему непонятна тема разговора. Ощущение, что его пытаются использовать «вслепую», не покидало Антона, и потому он ответил так же уклончиво:

— Думаю, что эта схема описывает некую часть преступных связей кланов планеты Ганио, — произнес он, исподлобья взглянув на Сару

Клеймон, и добавил: — Нечто подобное можно скачать с открытых серверов Совета Безопасности Миров, полагаю?

Она отрицательно покачала головой.

— Нет. Сеть Интерстар, конечно, обширный и любопытный источник информации, но уровень ее достоверности внушает серьезные сомнения. Эта схема не оттуда. Она составлялась вручную, на протяжении многих лет.

Полынин откинулся на спинку кресла.

— И что с того? Какое я имею отношение к ганианцам и их законному или незаконному бизнесу? Я работаю в совершенно иной области и…

— А как вы относитесь к этой нации? — нетактично прервала его Сара.

— Я должен отвечать? — Взгляд Антона начал темнеть. В конце концов он и так сделал слишком много… Что-то не вязался в его голове образ пожилой развязной леди с тем дрожащим голосом, что звучал полтора часа назад в трубке коммуникатора. Испуганная особа слишком быстро превратилась в спокойную, уверенную в себе старуху, цинично плюющую на некоторые условности цивилизованного общения.

— Антон… — Ее голос неожиданно приобрел мягкий тембр. — Потерпите еще пару минут, и я объясню, с какой стати вы должны сидеть в отдельном номере дорогого борделя и отвечать на мои вопросы. Я обещаю.

Ее слова опять подействовали на Полынина самым неожиданным образом. Недосказанная, но безжалостная самокритика, прозвучавшая за ними, заставила его понять — эта женщина на самом деле преследует определенную и очень важную для себя цель, понимая, что у Полынина нет никакой заинтересованности в беседе. Из этого вытекал один любопытный вывод: Антону стало ясно, что Сара Клеймон знает о нем гораздо больше, чем он думает, и в ее рукаве, несомненно, припрятан весомый аргумент, объясняющий их встречу…

— Хорошо… Я выскажу свое мнение… — Он допил содержимое бокала и поставил его на стол. — Ганианцы — нация преступников. Они не стремятся поднять уровень своей цивилизации, а продолжают существовать на уровне Средневековья, пользуясь при этом теми благами и возможностями, что так щедро и необдуманно предоставляло им сообщество миров во время правления прошлой Конфедерации. — Антон протянул руку, взял бутылку и вновь наполнил бокалы. — Ганианский космопорт, возведенный на планете в рамках гуманитарной программы Центральных Миров, очень быстро превратился в центр преступной торговли. — Полынин указал на мини-компьютер. — Нити их преступных интересов, как вы сами мне показали, тянутся к промышленным мирам

Окраины, которыми правят стремительно растущие промышленные корпорации. Сара, внимательно слушавшая Антона, кивнула.

— Этого достаточно. Мне хотелось убедиться, что наши мнения совпадают. Извини, что пришлось разыграть эту маленькую комедию, но с Антоном Полыниным трудно встретиться просто так, без рекомендаций, верно?

Внезапный переход на «ты» лишь еще более насторожил Антона.

Полынин мог бы резко ответить ей, встать и уйти. Он действительно уважал себя, потому что в жизни ему приходилось добиваться любой мелочи потом и кровью, в прямом, а не в переносном смысле этого слова. К ганианцам у него были свои, давние счеты, но время сводить их еще не пришло, а быть может, наоборот — ушло безвозвратно: старые раны болели, но не настолько сильно, чтобы поставить точку в собственной судьбе и нырнуть в пучину кровной мести, откуда попросту нет возврата…

— Спрашиваешь сам себя, по какому праву эта старая сука пытается бередить мои отболевшие раны?

Он вскинул взгляд на Сару Клеймон, и тепла в нем не было вовсе — только жуткий, продирающий до костей мороз внезапно всплывших из тайников памяти воспоминаний.

Она выдержала этот взгляд, горько улыбнулась, достала из сумочки голографический снимок и аккуратно, словно святыню, положила его на стол перед Полыниным.

Антон молча взял его, взглянул на смазанное нечеткое изображение, снятое, как он помнил, с видеосенсоров подбитого «Хоплита», и сердце гулко стукнуло в грудь, отдавая болью в виски.

На снимке была запечатлена выщербленная осколками бетонная стена диспетчерской башни космопорта, на фоне которой стояли они — двадцатилетний Антон Полынин и Паша Сытников, по кличке Морок.

Паша, которого он дотащил до чудом приземлившегося эвакуационного модуля, а сам ушел назад, в бой, навстречу неизбежной, как казалось тогда, смерти…

— Кто вам дал этот снимок?.. — хрипло спросил он, страшась поднять взгляд. Он понимал: женщина, в чьих руках оказалась эта карточка, имеет прямое отношение к Паше, живому или мертвому, потому что Морок увез фотографию с собой… Присмотревшись, Антон с дрожью заметил темные следы крови. Это был отпечаток его собственных пальцев, который не сумело стереть время. Кровь от ссадин и порезов впиталась в верхние слои полимерного носителя, когда он второпях сунул снимок Паше.

Носилки с раненым уже исчезали в чреве эвакуационного модуля, и Антон крикнул тогда вслед:

— Паша, ты не умрешь! Мы еще встретимся, обещаю! Я найду тебя!!!

Погрузочная рампа начала закрываться, дико взревели, поднимая клубы оранжевой пыли, стартовые двигатели эвакуатора…

Больше Антон ничего не знал о судьбе Павла. По одним данным, модуль был сбит, по другим — все же дотянул до причальных палуб «Апостола Петра» — тяжелого крейсера Конфедерации Солнц, который довершил операцию на Хаборе, подобрав сутки спустя последних выживших, в числе которых оказался и сам Полынин…

…Отрешившись от рвущих душу воспоминаний, Антон заставил себя поднять голову, посмотреть на Сару Клеймон и повторить вопрос:

— Кто вам дал этот снимок?

— Ты узнал Павла? — вопросом на вопрос ответила она.

— Да! — уже не в силах владеть эмоциями, подавшись вперед, выкрикнул Антон.

— Я его мать.

Полынина словно окатило ледяной водой.

Он подался назад, запрокинув голову на спинку кресла, и трудно было сказать, что он сделает в следующий миг — разрыдается или рассмеется… Об этом ведало лишь его изуродованное на Хаборе сознание да контуженные нейроны серого вещества хрупкого человеческого мозга…

* * *

…С Пашей Сытниковым Антона связывало несколько часов дружбы.

Ни до этого, ни после они не встречались, но существуют обстоятельства, которые способны сблизить людей раз и навсегда, сделать их кровными братьями за ничтожно короткий отрезок времени.

В учебниках новейшей истории распаду Конфедерации Солнц отдано несколько страниц убористого текста.

Среди них есть короткий абзац:

«12 мая 4193 года по унифицированному галактическому календарю на сервер Совета Безопасности Миров поступил сигнал бедствия с базы гуманитарной миссии СБМ планеты Хабор. В сообщении говорилось, что силы ганианских наемников, численностью до трех тысяч человек, атаковали планету, захватив строящийся космопорт, базу ограниченного воинского контингента СБМ, а также склады продовольствия и устаревшего стрелкового вооружения, предназначенные для снабжения организованных на планете поселений расы инсектов, перемещенных на

Хабор с планеты Деметра…»

Позже, уже после окончательного краха Конфедерации Солнц, когда были подняты и опубликованы архивы, стало ясно, что операция ганианцев планировалась очень тщательно, и малый крейсер Совета Безопасности Миров «Светоч», посланный в систему Хабора для наведения порядка, попал в заранее расставленную ловушку.

…

Бывали в жизни Полынина моменты, когда память вдруг становилась неуправляемой — на протяжении всех десяти лет после выписки из госпиталя продолжали сказываться пять контузий, которые получил Антон в течение одних суток на проклятом Хаборе…

Вот и сейчас…

Полынин смотрел на сидящую напротив Сару Клеймон, а в голове уже рванула ноющая боль непрошеных воспоминаний…

Глава 3

Планета Хабор, десять лет назад.

…Он был самым младшим из взвода, самым зеленым, неопытным, не имевшим за плечами ни одной боевой высадки, только учебно-тренировочные.

— Взвод, строиться!

Просторный отсек предстартового накопителя был разбит на пять секторов, по количеству стартовых электромагнитных катапульт крейсера.

Пространство перед массивным вакуумным затвором представляло собой прямоугольную площадку, размеченную флюоресцирующими линиями, с указующими стрелами на конце.

Они изгибались в разных направлениях: «К отсеку загрузки», «К внутренним палубам», «К ангарам серв-машин».

Взвод строился у черты, от которой к вакуумному замку стартовой катапульты убегала цепочка тревожных красных огней. Над закрытым люком шлюзовой камеры моргали надписи:

«Десантно-штурмовой модуль номер два.
Статус: Подготовка к отстрелу.
Внимание, декомпрессия!
Вход только по сигналу готовности».

Штатный состав десантного взвода: три отделения по десять человек. Антон стоял четвертым во второй шеренге. Экипировка, подогнанная по фигуре, не стесняла движений, защитная броня из металлокевлара шуршала при каждом движении, преданно прижимаясь к телу, словно обещала, нашептывала: «Не бойся, я с тобой, я тебя заслоню, закрою…»

Шлем соединялся с остальной экипировкой двумя жгутами высокопрочного оптического волокна. Гофрированный шланг из бронепластика закрывал их, выходя из затылка, изгибаясь над плечом и вливаясь в грудной сектор между двух ромбовидных бронепластин.

Антон напряженно ждал следующей команды, но вместо окрика взводного раздался протяжный гул, после чего корпус крейсера часто и тяжело завибрировал — это заработали стартовые катапульты правого борта, отстреливая тяжелые посадочные модули с серв-машинами и бронепехотой.

На борту одного из спускаемых аппаратов навстречу облачной атмосфере Хабора летел в эти секунды Паша Сытников — старшина бронепехотного взвода.

Черед космического десанта, в состав которого входил Антон, наступит позже, через три часа, когда крейсер, удалявшийся от планеты по параболической траектории, вернется назад, чтобы сбросить на зачищенную машинами территорию мобильные группы, призванные довершить учиненный серв-машинами разгром и удерживать космопорт до подхода космических кораблей Совета Безопасности Миров.

Корпус крейсера в последний раз содрогнулся, тревожные огни на время погасли.

Антон машинально облизал пересохшие губы.

Еще два с половиной часа им томиться тут, в предстартовом накопителе, занимаясь бесконечной перепроверкой и подгонкой снаряжения, а затем вниз, навстречу своему первому боевому заданию…

…

— Ты знал Пашу до высадки?

— Нет… — пытаясь отрешиться от воспоминаний, ответил Антон. — Я прибыл на борт «Светоча» за несколько дней до десанта на Хабор и не успел толком познакомиться ни с кем, кроме собственного взводного.

— А как ты встретился с Пашей?

Антон машинально сжал мягкий подлокотник удобного кресла. Его пальцы побелели, но Полынин не заметил этого — крышу «сорвало», все сильнее сказывалась усталость после возвращения из гиперсферного поиска, а провокационные вопросы Сары Клеймон только ускорили назревающий срыв…

…

Он падал… Падал вместе с кораблем, вцепившись побелевшими пальцами в жесткие ручки противоперегрузочного кресла, ощущая каждой клеткой напряженного тела, как вибрирует обшивка, как надсадно работают тормозные двигатели, как черными хлопьями отлетает окалина с брони челнока…

…Десантно-штурмовые модули появились у горизонта в виде растянувшейся цепочки низко летящих объектов. Их пилотам помогали ориентироваться выброшенные при посадке серв-батальонов маяки наводящих посадочных лучей, поэтому мутно-желтое молоко утренних испарений являлось скорее испытанием для психики пилотов, чем серьезной помехой для навигации и посадки.

Внизу, сколько ни вглядывайся, не различишь ничего, только макушка

пирамидального здания космического порта чуть возвышалась над зыбким морем утренних испарений. Ни габаритных, ни опознавательных огней на ней не наблюдалось — просто ничем не обозначенный, глянцевито-черный фрагмент конструкции, парящий над густыми пластами тумана, укрывшего собой промерзшую за ночь пустынную местность.

…В десантном отсеке модуля было в этот момент тепло, но Антона все равно била дрожь.

Холод тут ни при чем — системы боевой экипировки исправно согревали тело, но мышцы все равно «колбасило»…

«Бояться нечего…» — попытался урезонить он свои нервы.

Если верить наставлениям по боевой подготовке, то в своих мыслях рядовой Полынин был прав. Впереди уже прошли серв-машины и бронепехота, дорога к цели должна быть проутюжена тяжелой техникой, а им предстоит всего лишь зачистить само здание порта и закрепиться в нем, охраняя комплекс до прибытия подразделений постоянной дислокации…

… Прервав его мысли, резко и неприятно взвыл предупреждающий сигнал, справа и слева начали вставать товарищи, поправляя экипировку. Бойцы выстраивались в узком проходе напротив плотно закрытой десантной рампы.

— Быстрее! Шевелитесь! — раздался по связи окрик сержанта. — Всем проверить питание экипировки, командирам отделений доложить!

Антон опустил пластиковое забрало шлема, закрывающее верхнюю часть лица. Эта изогнутая пластина представляла собой компьютерный визор со встроенным вариатором целей. На фоне прозрачного материала тут же зажглись крохотные искры индикации боевых систем. В правом верхнем углу отражалось состояние его оружия. Штурмовой импульсный автомат «ИМ-21-шторм» был связан с экипировкой бойца каналом устойчивой обратной связи. Сигнал от микропроцессора оружия, излучаемый инфракрасным передатчиком, вмонтированным в приклад, невозможно было заглушить локальными помехами, но радиус действия такой устойчивой взаимосвязи составлял всего три метра. Стоило бойцу потерять оружие, как данный контакт двух компьютерных систем обрывался…

Антон пробежал взглядом по сигналам индикации, оценивая их. Все было в порядке, экипировка работала как часы.

Модуль ощутимо тряхнуло, и тут же появилось резкое ощущение мгновенного зависания внутренностей — они уже не снижались, а *падали* — это обстоятельство вестибулярный аппарат определил безошибочно, но испугаться по-настоящему Антон не успел…

Удар, жесткий, дробящий слух отвратительным скрежетом, перетряхнувший все косточки короткой вибрацией напряженного металла, пришел внезапно и возымел ошеломляющее действие.

«Что-то пошло не так…»

«Не так…»

Следующий удар оказался гораздо более сокрушительным — это модуль, поврежденный выпущенной с земли ракетой, врезался в поверхность Хабора.

В десантном отсеке на мгновенье погас свет, с жалобным звоном посыпались осколки какого-то прибора, но не успела рассеяться муть в глазах, возникшая от жесткого динамического удара, как по связи хлестнула команда:

— Вперед!

Зев десантной рампы начал открываться, откидываясь наружу, внутрь отсека ворвался хмурый рассвет, по краям проема взвихрился сдуваемый избыточным давлением грязно-желтый туман.

Антон успел сделать всего лишь два шага по узкому проходу десантного отсека, как вдруг ощутил новую ритмичную вибрацию корпуса — это заработали башенные орудия модуля.

Жуть накатилась именно в этот миг. Он машинально двигался вперед, увлекаемый общим порывом, а глаза, игнорируя появившиеся на прозрачном компьютерном планшете данные, смотрели туда, в туман, который глотал снаряды автоматических пушек словно бездонная, ненасытная прорва… И вдруг стена мутных испарений, разорванная в месте посадки модуля небольшим просветом, начала вспучиваться, такими же ритмичными толчками подаваясь назад, к упавшему кораблю, — это снаряды рвались метрах в трехстах отсюда, кромсая землю и невидимую цель…

Секунды, летевшие бешеными, отдающими в виски ударами пульса, вдруг начали растягиваться в субъективную вечность — это сработал боевой корректор систем жизнеобеспечения, впрыскивая в кровь препарат, стимулирующий скорость нейронных реакций.

Пока ноги преодолевали три метра накренившейся ребристой палубы, разум успел оценить появившиеся на визоре шлема смутные, неразличимые в деталях тепловые контуры: они походили на пятна овальной формы, резво перемещающиеся по ровной, уныло-салатной поверхности фонового тепла. Боевой сопроцессор автоматически отсеивал тепловую засветку от разрывов, которые, судя по плотности огня, буквально перепахивали мерзлый песок в полукилометре от упавшего

модуля.

«Там же глубокий тыл серв-соединений!..» — Мысль прошла вскользь, рассуждать, детально разбираясь в ежесекундно меняющейся обстановке, было некогда, да и незачем — на это есть командиры, в конце концов.

За коротким откидным пандусом располагался не тыл серв-соединений — там начинался ад, но понимание этого еще не пришло, до прозрения оставалось несколько секунд, растянутых в субъективной вечности, порожденной действием впрыснутого в кровь боевого стимулятора…

Он выскочил на скользкий от мгновенно образовавшегося конденсата пандус и тут же метнулся в сторону. Его штатная позиция находилась в сорока метрах правее корабля высадки: на визоре гермошлема призывно пульсировал маркер, а мигающий указатель подсказывал бойцу, в какую сторону следует бежать…

Антон побежал. Вокруг бесновалось оранжево-черное, — прогорклое кружево: молочно-желтый туман рвало вспышками, свивало в фантастические, эфемерные кольца, кто-то кричал, но не по связи, а в реальности, звонкими, оглушительными очередями по четыре такта отхаркивались башенные орудия модуля, мимо, медленно переворачиваясь в густом воздухе, пролетел тускло-желтый лоток отстрелянного боекомплекта и канул в тумане…

«Что-то пошло не так…» — эта мысль засела в мозгах, как назойливый мотив…

Маркеры совместились. Он упал, откатился за отлогий песчаный холмик, успев заметить, как ломается хрупкая корка ночного песчаного наста — тонкий слой пропитавшегося росой песка успело подморозить минувшей ночью, — и тут же, в отсутствие желанных команд, его сознание заполнила картина, выдаваемая целевым монитором: сгорбленные фигурки, смутно очерченные термальной оптикой, перемещались под покровом молочно-желтой пелены, двигаясь навстречу сбитому, но сумевшему совершить аварийную посадку модулю. Вот одна из фигур остановилась, и вариатор целей тут же показал дистанцию — девяносто четыре метра. Антон машинально закусил пластиковый мундштук дыхательного аппарата. Он нервничал, командная частота почему-то молчала, а тепловой контур на визоре его боевого шлема внезапно начал пульсировать — на фоне ярко-салатной сгорбившейся фигуры четко выделилась моргающая, жалящая точка. Человек стрелял.

Антон скосил глаза.

Фигурки десантников, смутно различимые с такой дистанции, выскакивали из рампы и падали… не отбегали, не занимали позиций, а просто падали, подкошенные убийственным, кинжальным огнем, резавшим их в упор.

Бортовые орудия модуля продолжали изрыгать злое, частое, вибрирующее стаккато, но бешеный огонь не приносил успеха: десантный корабль сел в нештатном режиме, задние опоры ушли глубоко в песок, нос вообще лежал в яме, и задранная к небу корма не позволяла орудиям борта опуститься на нужный угол, визжа приводами, они силились сделать это, но не выходило — смятые в гофру гнезда имели свой предел, свои ограничители…

Все это пронеслось перед взглядом Антона за несколько секунд объективного времени.

Он уперся локтями в податливый, коварно осыпающийся песок; рамка целевого монитора тут же поймала очерченные термальной оптикой фигурки, а в душе все стыл червячок сомнения: может быть, ошибка, нестыковка, может, это наши?.. Там ведь должны быть наши… Пятый серв-батальон, два взвода бронепехоты…

Автомат в руках задрожал, выплевывая очередь. Группа салатных маркеров тут же распалась — один лег и больше уже не шевелился, трое других мгновенно метнулись в стороны, двигаясь странно, на четырех конечностях, словно крабы.

На пределе восприятия тепловой оптики показались новые сигналы, их было много, они двигались отдельными группами по два—три термальных всплеска, покрывая всю апертуру сканирующего луча, представляющую собой конус с исходной точкой на шлеме бойца, расширяющийся до трехсот метров на пределе восприятия.

Антон машинально перекатился, сменив позицию.

Он не видел своих. Статичный сигнал от десантного модуля, под которым алел индикатор отслеженных повреждений, выдавал лаконичный статус: «Ведение огня» — вот, пожалуй, и все, что могла сообщить ему компьютерная оптика.

Он лихорадочно переключил режим боевой системы. Каждый боец посредством телеметрических каналов связан со своим командиром и шестью товарищами, входящими в состав отделения. В случае необходимости можно переключать их данные на свой визор, определять позицию на моделированной карте с точностью до сантиметра, взаимодействовать огнем — все это было круто, правильно, очень технологично… на учениях.

Он переключился на монитор сержанта Дорина.

Картинка, вспыхнувшая в отдельном окошке визора, повергла его в секундный шок.

Густые потеки темно-вишневого цвета закрывали половину поля зрения передающей камеры.

«Кровь…» — стылым ужасом пришла догадка, и тут же в информационной строке вспыхнула подтверждающая надпись.

Статус: *Мертв*.

Оставшуюся незалитой кровью часть объектива внезапно заполнил какой-то объект; Антон не сразу понял, что это высокий шнурованный ботинок с облезлым округлым носом.

Он разросся до размеров вселенной, и передающая камера погасла.

Антон сжался — сработал эффект присутствия, и ему на долю секунды пригрезилось, что тупой, облупленный нос ботинка припечатал его собственный глаз.

В голове помутилось — система жизнеобеспечения не сумела в полной мере совладать с внезапным выбросом адреналина в кровь бойца.

Он растерялся. В ушах стоял протяжный изматывающий шум, время двигалось рывками, то необъяснимо замедляясь, то вновь срываясь бешеным ритмом секунд, пальцы впились в автомат, дрожащие от напряжения губы вытянулись в бледную обескровленную линию.

Боевой сопроцессор сам перебирал варианты, выдавая лишь окончательный результат попыток связи с бойцами — сначала отделения, а потом и всего взвода.

Статус: *Мертв*… *Мертв*… *Мертв*…

Второе отделение… Позывной командира… Не отвечает… Взводный *мертв*… — страшное по своему смыслу слово впивалось в разум, низводя его до состояния шока.

Орудия модуля, бившие до этого момента беспрерывно, внезапно захлебнулись, смолкли.

Если верить таймеру, то прошла всего минута двадцать семь секунд с того момента, как десантно-штурмовой модуль пробил гребень мерзлой песчаной дюны…

«Так не бывает…» — Мысль пришла тоскливая, кричащая, — «ведь так НЕ БЫВАЕТ!!!»

Он рывком привстал, озираясь, от чего тени в окошке теплового видения смазались, сливаясь в головокружительную карусель.

Взвод, при самых хреновых раскладах, рассчитан на сорок минут высокотехнологичного боя, а их расстреляли в упор, прямо в рампе…

Страх навалился вместе с осознанием случившегося, ударил по нервам гулкой, звенящей волной, низринувшей разум в пропасть растерянности, прокатился, словно асфальтовый каток, оставляя лишь раздавленные, агонизирующие обрывки мыслей, а танец теней на целевом мониторе становился все более невыносимым, близким и… Антон закричал, ломая правила, на той частоте, которую автоматически выбрал передатчик:

— Ребята, где вы?!!

В ответ звонко взвизгнула пуля, Антон ощутил оглушительный удар в районе правого виска, рот мгновенно наполнился горячей, солоноватой кровью, визор шлема судорожно моргнул и погас.

Он машинально начал отползать назад, и вовремя — то место, где в сыром песке остался отпечаток его тела, вдруг вздыбилось полуметровыми фонтанчиками. Очередь из крупнокалиберного импульсного пулемета перепахала гребень наносной песчаной возвышенности.

Антона выручил оглушивший его выстрел.

Страх, который безраздельно завладел им несколько мгновений назад, вдруг потонул в адреналине — пуля, которая срезала с его шлема антенны ближней связи, повредила и систему допинг-контроля.

Мускулы напряглись, по телу пробежала дрожь перевозбуждения, похожая на конвульсию, к помутившемуся секунду назад зрению внезапно вернулась резкость, из разума вымело засевшие там обрывки переживаний — с ним произошло перерождение, длительностью всего в доли секунды… оно было страшным, звериным, ненормальным, неведомым доселе. Системы жизнеобеспечения, поддерживающие десантника в бою, обычно сглаживают пиковые выбросы метаболических стимуляторов, но теперь этот ангел-хранитель заткнулся — биоинтерфейс, разорванный пулей, болтался лохмотьями, из его трубок сочились капли прозрачного как слеза раствора, а Полынин, отползая назад, вдруг в полной мере вкусил заложенную в него природой ритмику смертельного стресса…

Таймер начал отсчет четвертой минуты боя.

Адреналиновая дрожь в мышцах, вкус крови во рту, погасший визор шлема, судорожно мигающая надпись: «Сбой…», клочья тумана, плывущие мимо, кисловатый запах взрывчатки, дошедший, наконец, до обоняния, и возглас: «Ванг Шиист!», раздавшийся совсем рядом в желтовато-белой, молочной мгле, — все это объединялось в дикий фрагмент реальности, переварить который не был способен разум бойца, осознавшего, что больше нет двадцати молодых ребят, которые минуту назад стояли с тобой бок о бок в тесном проходе десантного модуля, перед открывающимся

зевом рампы, прежде чем шагнуть навстречу смерти…

Сквозь туман продавился контур человека.

Он не видел Антона, но Полынин различил его — чужого, одетого не по национальной традиции Ганио, — на незнакомце был утепленный тренировочный костюм, поверх которого болталась незастегнутая десантная разгрузка, вся в свежих пятнах крови, в руках — «Шторм-21», за спиной «ИМ-12», на голове — шлем НСС[1] с разлохмаченными обрывками оптоволокна — жуткий коктейль, с трудом воспринимающийся рассудком.

Антон понял: если он сейчас не выстрелит, то этот человек увидит его и убьет.

Как нереален, далек от этого мгновения был тот техногенный бой, вести который его обучали на тренировках.

Впереди десантных групп, перемалывая живую силу и технику противника, всегда шли серв-машины, один вес которых, варьирующийся от тридцати пяти до шестидесяти тонн, внушал мысль о том, что среди оставшихся руин могут прятаться лишь разрозненные, чудом уцелевшие и полностью деморализованные, трясущиеся от страха и желания жить единичные солдаты противника.

Сканеры боевой электроники превращали людей в зеленоватые контуры, бой — в шахматную партию, смерть — в безликую статистику гаснущих маркеров.

Ганианец услышал шум и остановился.

Антон видел его слишком четко, чтобы не заметить, как зловещая улыбка начала раздвигать тонкую линию его губ, обнажая желтоватые зубы.

Бум… Бум… Бум… — билось сердце, отдаваясь в висках глухим звоном.

Бежать?

КУДА?!

Статус: *Мертв*… *Мертв*… *Мертв*… — кричали мини-экраны.

До его сознания, наконец, дошло: ребята действительно мертвы… они лежат, раскинув руки, застыв в нелепых позах на мерзлом песке вокруг изрешеченного зева откинутой рампы, а их обмякшие тела сейчас переворачивают пинками, срывают экипировку, враги примеряют на себя скользкие от крови бронежилеты, и через секунду то же самое произойдет с ним самим…

…Ганианец начал поворачиваться — очень медленно, как в цифровом видео, воспроизведенном на слабых процессорных мощностях, — мир

вокруг превратился в страшное слайд-шоу, в центре которого внезапно оказался он, Антон Полынин, двадцатилетний парень, призванный в военно-космические силы Совета Безопасности Миров полтора года назад.

Учеба, виртуальные тренировки, какие-то мифические поединки на внутреннем плацу крейсера — все умерло, сдохло в этот миг. Реальность схлопнулась до узости поля зрения, они остались вдвоем — он и этот ганианец, одетый в тренировочный костюм, поверх которого была небрежно нацеплена окровавленная разгрузка с торчащими из клапанов глянцевитыми торцами снаряженных магазинов для «Шторма»…

Снять мутно-зеленый маркер было просто.

Убить человека — задача иного сорта.

Развязку этих секунд решил голос. Ганианец заметил оцепеневшую фигуру десантника, ствол импульсного оружия пошел вверх, и одновременно с этим он заорал, выдавая свой собственный страх:

— Аланг Шиист, марг гехуден!!!.[2]

Антон тоже закричал, что-то злое, нечленораздельное. Его палец сжал сенсорную гашетку, и автомат затрясло мелкой, вибрирующей дрожью, сжирающей боекомплект; тело ганианца вдруг задергалось, словно сквозь него пустили ток, пули рвали ткань тренировочного костюма, с глухим, тошнотворным звуком выбивая из нее красные брызги плоти…

Через две или три секунды уже мертвое, изрешеченное пулями тело мешком осело на забрызганный кровью песок. Один глаз ганианца стремительно стекленел, второй, выбитый пулей, превратился в дыру, из которой пульсирующими толчками била темная, густая кровь…

Антона скрутил тошнотный спазм.

Он уже ничего не соображал, мироздание перевернулось кверху дном. Не осталось ничего, кроме собственных чувств, спазмов, выворачивающих нутро, кроме застрявшего в сознании хрустящего звука пробиваемой выстрелами плоти, превратившегося в дыру глаза, который будет теперь преследовать его на протяжении всей оставшейся жизни — длинной или короткой, — об этом Полынин сейчас просто не мог думать.

Ноги сами понесли его прочь, куда угодно, лишь бы дальше от этого страшного места первого в жизни убийства…

Пока он бежал, увязая в песке, падая, вскакивая вновь, сквозь мутную мешанину мечущихся в голове мыслей вдруг пришло воспоминание о первом зеленоватом контуре, что мягко повалился на целевом мониторе от его первой очереди, но разум тут же отринул всякие аналогии — не было между маркером и живым человеком никакой связи. Сознание обманывало

само себя… или их учили обманывать свое собственное сознание?

Из туманной мглы внезапно выплыл черный, закопченный контур исполинской конструкции, которую окружали менее крупные, хорошо узнаваемые фигуры.

Антон остановился.

Перед ним возвышалась повалившаяся набок серв-машина. Это был тридцатипятитонный «Хоплит» усиленного штурмового образца, шагающий боевой робот с обтекаемым яйцеобразным корпусом, укрепленным на поворотной платформе. Один ступоход машины, отдаленно напоминающий увеличенную в сотни раз ногу кузнечика, был согнут в шарнирном сочленении механического сустава, второй, оторванный от поворотной платформы, лежал метрах в пяти от повалившейся набок машины, бронированный обзорный триплекс рубки управления вырван чудовищным взрывом изнутри…

Боевой серв-машине не может противостоять никто, кроме робота подобного класса, — эту аксиому Антон усвоил еще в начале службы и верил ей. Он видел шагающих исполинов в деле, правда, на полигонах безжизненных планет, но и этих впечатлений хватило, чтобы понять: там, где наступают сотни тонн сервоприводного металла, человеку не место.

Разум отказывался адекватно оценивать картину, которую видели глаза. Антон присел, тяжело дыша и затравленно озираясь. Из-под подшлемника струился пот, он отер его тыльной стороной ладони и огляделся, чувствуя, что если не отдышится, то вряд ли сможет двигаться дальше.

Взгляд по сторонам не принес облегчения. Он ничего не понимал, его мускулы дрожали, во рту солоноватый вкус крови перешел в стойкую горечь, сердце бешено молотило в груди… Откуда у ганианцев шагающие машины? Что это значит? Серв-батальоны разбиты? Куда подевались две первые десантные волны, состоявшие из тяжелых шагающих машин и бронепехоты?

Ответ на свой последний вопрос он нашел в десятке метров от поверженного «Хоплита».

«Что делать? Куда идти?.. С кем держать связь, как действовать?» — вот вопросы, которые занимали разум Полынина. Он привстал, опасаясь внезапного появления ганианцев. Ствол импульсного автомата лег на оторванную конечность титанической боевой машины. Дрожь и дурнота немного отпустили, дыхание выровнялось, оставив лишь резь в груди после бега по песку в полной боевой экипировке.

Внезапно он понял, что вокруг стоит звонкая, ненатуральная тишина.

Антон втянул носом стылый утренний воздух. От ступохода пахло маслом и еще чем-то специфичным. Посмотрев себе под ноги, Полынин увидел ядовито-зеленую лужу, от которой истекал пар, но в воздухе явно присутствовали еще какие-то тревожащие обоняние флюиды.

Озираясь, он заметил смутную фигуру, застывшую метрах в десяти от поверженного наземь «Хоплита». Издалека, сквозь дымку постепенно рассеивающегося тумана это походило на увеличенную копию человека. Бронепехота?

Антон привычно коснулся сенсора связи, но ничего не услышал, лишь легкий шорох помехи отозвался на его частоте. Антенны… «Антенны сорваны», — досадливо вспомнил он, делая шаг вперед… Фигура не шевелилась. Песок вокруг был основательно перепахан ступоходами «Хоплита», но эти следы уже начали сглаживаться… лишь ребристые обойменные лотки отстрелянного боекомплекта автоматической пушки торчали среди рытвин, тускло поблескивая своими ребристыми гранями.

Фигура впереди действительно оказалась бронескафандром. Антон осторожно приблизился, его сердце вновь застучало глухо и неровно — за первым бронированным остовом показался второй, третий… Что же они так, бросили свои надежные бронированные доспехи? Он остановился у первой оболочки, утонувшей в песке по коленное соединение механических псевдомускулов. Безоткатное орудие, закрепленное на плечевой самостабилизирующейся подвеске, выглядело усталым, отработавшим свое. Механизм перезарядки наполовину открыт, тридцатимиллиметровый ствол покрыт копотью, цвета побежалости на одноразовом индикаторе показывают предельный нагрев в тот момент, когда орудие смолкло. Ствол надо было менять…

По форме бронескафандр копировал человеческую фигуру, но был гораздо больших размеров, чем обычная экипировка, предназначенная для выхода в космос. Эта оболочка достигала от двух с половиной до трех метров в высоту, в зависимости от конструкции, и предназначалась для ведения боевых действий вне космического корабля. Цикл жизнеобеспечения замкнутый, с автономным двадцатидневным ресурсом, под слоем внешней брони спрятаны приводы механических мускулов, вооружение — одно тридцатимиллиметровое орудие с питанием обойменного типа, рассчитанное на пятьсот выстрелов, два встроенных импульсных пулемета и один ОРК — орудийно-ракетный комплекс для борьбы с планетарными машинами.

Антон обошел оболочку справа. ОРК был оторван и валялся поодаль. Признаков жизни скафандр не подавал, броня была испещрена

выщербинами, а на грудной пластине чернело опаленное пятно с тонкими лучами копоти по краям и округлой дырой посередине, в которую мог пролезть палец.

Обычно, когда боец покидает отработавшую свой ресурс оболочку, та, выпустив человека через сегменты задней части, закукливается вновь, принимая вид статичной груды омертвевшего металла.

Антон посмотрел на пятно с дырой посередине и, ухватившись за выступ бронепластин, заглянул внутрь шлема.

Лучше бы этого не делать.

Горло стиснул спазм, но он уже не мог оторвать заледеневший взгляд от обугленных останков человека, различимых сквозь мутноватый слой термостойкого бронепластика…

Никто не бросал бронескафандры — бойцы заживо сгорели внутри своих керамлитовых доспехов…

Полынин отпустил руки, оседая назад, на песок, и его тут же начало рвать, выворачивая желчью пустой желудок…

* * *

Космопорт планеты Хабор располагался в пустынной котловине, диаметром в двести с лишним километров. Выемка, образовавшаяся в результате падения крупного астероидного тела, идеально подходила для строительства космического порта.

Колониальная политика Центральных Миров осуществлялась по одной и той же проверенной веками схеме: когда картографический корабль Совета Безопасности обнаруживал ту или иную пригодную для человеческого метаболизма планету, она не заселялась немедленно. Сначала планету исследовали на наличие разумных и предразумных жизненных форм, далее, если таковых не обнаруживалось, начиналось строительство космопорта и зачатков транспортной инфраструктуры, закладывались первичные поселения, обычно плотно окружающие космический порт, и лишь затем планета выставлялась на конкурсные торги.

Обычно новоиспеченную колонию получал тот из миров Конфедерации, чье население приближалось к критически опасному уровню. По прошествии тысячелетия со времен Первого Рывка, Центральные Миры так же остро начинали страдать от проблемы перенаселения, как Земля накануне Первой Галактической войны. История повторялась, но теперь колониальная политика велась продуманно и планомерно, что исключало конфликты и обеспечивало стабильный отток

населения со «старых» миров.

Отстроенный космопорт, готовый к поддержанию эффективной межзвездной торговли, позволял новоиспеченной колонии динамично развиваться, оставаясь в тесной связи с остальной цивилизацией. Такая схема, основанная на долгосрочных капиталовложениях со стороны Центральных Миров Конфедерации, исключала деградацию нового поселения и одновременно обеспечивала метрополиям постоянный приток ресурсов с периферии, встав на ноги, колония постепенно превращалась в сырьевого донора.

Эта схема успешно работала на протяжении нескольких веков. Человечество расширяло сферу своей экспансии, на периферии крепли молодые индустриальные миры, открывались новые планеты… так продолжалось до той поры, пока десятки колоний третьей волны переселений не окрепли настолько, что в умах новых поколений начал возникать закономерный вопрос: а почему мы являемся сырьевыми придатками четырех десятков планет-метрополий?

Так родилась идея независимости Окраины.

Год от года напряжение, связанное с политическим противостоянием центра и периферии, росло, в обитаемом космосе зрел политический кризис. Консервативная политика Центральных Миров, сформулированная сразу по окончании Второй Галактической, когда миры, разоренные войной, действительно нуждались в твердой, устойчивой политической и экономической системе, стремительно устаревала. Нужно было понять, что любая планета, имеющая миллиардное население и развитую экономику, не станет довольствоваться статусом колонии — им следовало дать независимость и включить в состав Конфедерации на правах суверенных планет, но…

Колониальная политика тоже являлась бизнесом. Сложная система экономической зависимости Окраины от планет-метрополий не могла быть разрушена во имя здравого смысла. Существовали конкретные экономические интересы отдельных миров, корпораций, людей, предержащих власть, — они не желали допустить личного краха во имя изменения межзвездной политики, поэтому кризис зрел. Конфедерация казалась уже не такой пластичной, как прежде, она закоснела в своих амбициях, и в этих условиях, когда начала подниматься муть, в дело вступили третьи силы, которые дремали до этого под жестким контролем Совета Безопасности Миров и царящих в космосе военно-космических сил Конфедерации Солнц.

Когда умирает старый зверь, грозный в расцвете сил, но ставший

неповоротливым и дряхлым к старости, вокруг него неизбежно собираются падальщики, не смевшие тронуть исполина, пока он оставался в силе.

Так умирает слон, вокруг которого кружат гиены, шакалы и стервятники. Они ждут, когда огромное животное испустит дух, но не все из собравшихся на погребальный пир обладают неистощимым терпением — зверь умирает медленно, а голод подстегивает окружающих его мелких хищников, и вот кто-то из них, наиболее наглый, голодный и нетерпеливый, бросается вперед, пытаясь прокусить толстую шкуру агонизирующего исполина, чтобы урвать свой кусок мяса и отскочить…

Некоторым это удается.

Так произошло на Хаборе. Ганианцы, не подписывавшие ни одного межзвездного соглашения, не имевшие членства в Конфедерации, а значит, и своей квоты на заселение новых миров, решили, что настала их пора, — старый зверь издыхает и у него можно отгрызть кусок плоти, в виде одной или нескольких подготовленных к колонизации планет.

Они знали, что в этот мир по решению Совета Безопасности переселены с Деметры полудикие племена инсектов — деградировавшие потомки некогда могучей цивилизации древности, а значит, Хабор в этой связи находится под особой опекой военно-космических сил, но тем не менее они ударили, жестко, расчетливо…

Существовала сила, которая организовывала их планы, снабжала информацией и оружием, обучала борьбе с серв-машинами и соединениями бронепехоты.

Сила, которая еще долгое время будет оставаться за кадром исторических событий…

Хабор. Окраина космопорта. Десять лет назад.

Туман никак не хотел рассеиваться окончательно, хотя солнце Хабора уже взошло и его лучи начали проникать в естественную котловину, окольцованную горными образованиями.

Блуждая в клочьях тумана, Антон потерял счет минутам; рыхлый песок и желтоватая мгла истощили его моральные и физические силы, повсюду он видел следы жестокого боя, ноги гудели от постоянной борьбы с коварно осыпающимся песком, а разум отказывался верить в то, что выхватывал взгляд.

Разгром. Это был разгром. На протяжении километра ему попалось пять сожженных шагающих серв-машин, среди которых оказался один «Фалангер» — шестидесятитонный исполин, несущий на себе ракетное

вооружение, способное стереть с лица земли небольшой городок…

Покореженные бронескафандры он уже не считал, на это не оставалось моральных сил.

На окраину стартопосадочных полей космопорта он вышел, ориентируясь по звукам внезапно вспыхнувшей стрельбы, даже не задумываясь, что за двадцать минут, которые прошли с момента высадки, он прожил целую жизнь…

В его голове было единственное желание, которое пересиливало все иные заботы и мысли: он хотел выйти к своим, увидеть хоть одного живого бойца…

…На краю стеклобетонного поля, имевшего вид пятисотметровой вогнутой чаши, ютилось несколько складских помещений. Между ними высилось здание диспетчерской башни…

В тот момент, когда Антон поднялся на гребень пограничной дюны, песчаный язык которой, лениво шурша, стекал на уложенный руками людей стеклобетон, автоматный огонь вспыхнул с новой силой.

Он невольно пригнулся, когда над головой взвизгнул рикошет. Было абсолютно непонятно, кто и с кем вступил в огневой контакт: звук стрельбы шел со всех сторон, то утихая на несколько секунд, то вспыхивая вновь… Клочья рассеивающегося тумана ограничивали видимость, искажали направление звука, и тогда Полынин решил двигаться к группе приземистых зданий, в надежде, что разберется на месте.

Метров с пятидесяти он заметил фигуры в боевой экипировке, которые, пригибаясь, двигались вдоль невысокого бетонного ограждения в сторону диспетчерской башни.

Антон бросился к ним. Его радость была неистовой, щемящей, восторженной, он на миг даже устыдился этого чувства — как можно испытывать нечто подобное, когда твои товарищи мертвы? — но его душа уже неуловимо изменилась за те двадцать минут, пока он блуждал в тумане среди страшных свидетельств разгрома первой и второй механизированной волны десанта.

Связь не работала, и потому он просто закричал:

— Ребята, подождите!

Разномастная группа, собранная из бойцов различных подразделений, среди которых действительно было пять или шесть десантников, в этот момент залегла, прижатая огнем. Теперь Антон видел — бьют с верхних этажей башни диспетчерского контроля.

Низкий бетонный забор, призванный отделить одну складскую площадь от другой, не позволял выпрямиться, за ним можно было укрыться

только сидя на корточках. Один из бойцов, услышав крик Полынина, обернулся и тут же красноречиво замахал ему рукой, давай, рывком, не останавливаясь, сюда…

Он и так бежал что есть сил.

С башни диспетчерского контроля заметили его и перенесли огонь на одинокую фигуру десантника, пытающегося пересечь открытое пространство.

Очередь впилась в землю, поднимая полуметровые султаны в двух шагах от задыхающегося Полынина. Не выдержав, он упал, машинально перекатился и вдруг понял: нет сил, чтобы снова вскочить и бежать, тело, налитое свинцом, хотело одного — врасти в этот стеклобетон, слиться с ним…

К пулеметному огню присоединились несколько автоматов, затем в общий хор включилась импульсная винтовка: титановые шарики, выпущенные из «ИМ-12», высекали искры, оставляя конические ямки в стеклобетоне, остальные пули не испарялись, как титан, а уходили в рикошет с характерным визгом, — разнокалиберная смерть плясала вокруг, ярилась, глумясь над распластавшимся телом…

— Сюда давай! — заорал один из бойцов. — Не останавливайся, снайпер прибьет!

Видя, что Антон растерялся и пытается лишь плотнее вжаться в бетон, он выругался и коротко попросил:

— Прикройте!

Четверо десантников привстали, открыв ураганный огонь по проемам окон верхнего этажа диспетчерской башни, а боец рывком преодолел десяток метров, схватил Полынина за лямку разгрузки и бесцеремонно поволок назад, под прикрытие низенького забора, заставляя ошалевшего Антона машинально переставлять ноги.

Плюхнувшись под забор, боец шумно выдохнул.

— Жить надоело? — покосившись на Полынина, спросил он. Заметив, что Антона трясет, боец безнадежно махнул рукой и вдруг хлопнул его по плечу, осведомившись с беззлобной дружеской непосредственностью, будто не рисковал секунду назад своей жизнью ради этого трясущегося увальня:

— Курить есть?

Голова у Полынина горела как в огне. Он едва ли воспринимал обращенные к нему слова, разуму казалось, что смерть по-прежнему рвет, кромсает мерзлый стеклобетон вокруг беспомощного тела. Губы тряслись, и было неистовое желание зажать их руками…

— Курить есть, балда? — Спасший его боец в форме сержанта бронепехоты повторил свой вопрос, постучав согнутыми костяшками пальцев по шлему Полынина.

— Есть… — Антон непослушными пальцами расстегнул клапан экипировки, достав пачку сигарет. К нему тотчас потянулись руки. Полынин смотрел на лица окруживших его бойцов, все еще плохо соображая, что это происходит с ним наяву… а они уже пустили пачку по кругу, сосредоточенно прикуривали, обмениваясь короткими репликами:

— Броню вызывать надо. Без поддержки не пройдем. Там метров триста голого бетона, покрошат…

— Да вызывал уже.

— Пару выстрелов для подствольника бы сейчас…

— А вон, у бойца спроси. Слышь, ты еще полный? — Антон понял, что вопрос адресован ему.

— Да. У меня есть. — Он расстегнул магнитную липучку, и сбоку на разгрузке открылась длинная прорезь подсумка, в ячейках которого тупо блестели головки гранатометных выстрелов.

— Живем! — К нему протянулось сразу несколько рук. — Давай, десантура, не жадничай.

У Антона не хватило духа протестовать, он отдал шесть гранат из десяти имевшихся в нетронутом боекомплекте.

— Свой мужик. Жить будешь, — констатировал тот боец, который выволок его минуту назад из-под огня. — Сытников Павел, можно просто Паша… — он весело блеснул белозубой улыбкой. Его усталое лицо покрывала копоть, бронежилет в нескольких местах был порван осколками: глубокие борозды тянулись по ромбовидным пластинам из металлокевлара, словно его полоснул трехпалой лапой неведомый монстр.

— Зови его Мороком. Он у нас контуженный. Снарядом задело, когда выбирался из бронескафандра. Глюки теперь ловит, — беззлобно пошутил кто-то из бойцов. — Тебя-то как зовут?

— Антон… Полынин. Четвертый десантный взвод…

Он с трудом выдавил последнюю фразу.

— А где твой взвод?

Муть в глазах. Предательская влага, как говорят, недостойная мужчин. Пусть говорят. Значит, не были на войне, не видели, как плачут *мужики*…

— Положили всех, — пересилив себя, ответил Антон. — Прямо в рампе, при высадке. Модуль подбили.

— Хреново… — раздался сбоку хриплый и злой голос. — Вот и нас тоже встретили. Знали они, что мы будем высаживаться. Знали суки. Сдал

нас кто-то.

— Уточни, где вы высаживались? — внезапно раздался четко сформулированный вопрос.

Антон обернулся. Оказывается, среди бойцов был офицер. Галактлейтенант, бронепехота, судя по знакам различия. Выглядел он так же, как все остальные бойцы, — грязный, осунувшийся, прокопченный, но не потерявший чувства злого оптимизма, который читался в его глазах…

Антон машинально попытался отрапортовать, но лейтенант остановил его:

— Не дергайся. — Он жестом остановил Полынина. — И не вздумай вскакивать, оставь, потом где-нибудь на палубном плацу, может, и встретимся… — он невесело усмехнулся. — Так где вас накрыли?

— В двух километрах отсюда. У меня повредило электронику, расстояние приблизительное…

— Понятно… Сам-то как выбрался? — Лейтенант испытующе посмотрел на Полынина.

— Повезло, — скупо ответил Антон. — Высаживался одним из первых, успел уйти в сторону, на позицию. Увидел термальные всплески, открыл огонь, одного точно свалил, а остальные… — он опять почувствовал спазм в горле, — много их было… — Антон проглотил удушливый комок и внезапно для себя заговорил взахлеб: — Они наших… прямо в рампе… Я на связь, по телеметрии, а на мониторах только: мертв… мертв… мертв… Испугался. Начал отходить, когда орудия модуля замолчали. Потом пуля попала в шлем, срезало антенны. Они раздевали наших, я видел одного в окровавленной разгрузке…

— Убил? — спросил кто-то из бойцов.

— Убил, — ответил Антон. — Со страха убил… — признался он.

— Молодец. — Лейтенант ткнул Полынина сжатым кулаком в плечо. — Не переживай, мы тут за последние несколько часов и со страху подыхали, и жгли нас, а вот видишь — живы. Деваться некуда, втянешься. Тут, правда, бардак по полной программе, но ничего, сейчас вон ту башенку возьмем, а там станет веселее. — Он посмотрел в направлении, откуда пришел Антон, и покачал головой. — Хреново, что они сзади нас просочились. Колечко мы не смогли замкнуть, рваное оно, бой очаговый, линии нет…

— Как же так? — спросил Антон у Павла, который с сожалением затянулся в последний раз и загасил тлеющий у фильтра окурок о бетонную плиту.

— Молча. Слышал, что сказал лейтенант? Кто-то предупредил

ганианцев о том, что будет высадка и штурм космопорта. Они заранее приготовились, серв-машины пожгли прицельным огнем из лазерных орудий, которые эти дундуки из Совета Безопасности за каким-то лядом распорядились смонтировать на главной башне космопорта.

— А бронепехота? — спросил Антон, вспомнив страшную начинку выгоревшего бронескафандра.

— С РПГ[3] их… Кумулятивно-зажигательными, в упор. Мало кто выбрался, били так же, как вас, на высадке. Короче, встряли мы тут, по самое некуда… Но ничего… — он сплюнул.

В этот момент за их спинами послышался заунывный вой.

Из-за приземистого здания пакгауза появился контур серв-машины. Это был «Хоплит».

— Броня пришла, — облегченно выдохнул кто-то. — Теперь дадим этим сукам жару.

Боевая машина остановилась, согнув ступоходы за зданием склада. Очевидно, пилот, наученный горьким опытом, не стремился выходить на ровное, открытое со всех сторон поле, где его запросто могли расстрелять из гранатометов или выпустить по серв-машине управляемую ракету. Лейтенант привстал и, пригибаясь, пробежал метров десять вдоль забора. В днище машины с ноющим звуком открылся диафрагменный люк.

Взводный о чем-то переговорил с пилотом. Люк так и остался открытым, но торс машины с визгом повернулся, нацеливая две автоматические пушки на верхний этаж диспетчерского здания. «Хоплит» с ясно различимым воем сервомоторов распрямил ступоходы, приподняв свой торс над крышей пакгауза, его пушки коротко рявкнули, и машина тут же опустилась.

Снаряды легли ниже и правее, вырвав изрядный кусок бетона на уровне второго этажа и обрушив на землю чудом уцелевшую гроздь спутниковых антенн.

Заработал эскалатор перезарядки орудий, вниз, мутно поблескивая, полетели две пустые обоймы из-под снарядов.

Лейтенант что-то проорал пилоту, но из-за лязга не было слышно, что именно. Грохот обвала стих, по краю стартопосадочного поля медленно расползалось облако белесой пыли.

В наступившей вдруг тишине ответ пилота, донесшийся сквозь открытый люк в днище серв-машины, прозвучал глухо, но четко:

— Сам мудак…

«Хоплит», чуть покачнувшись, вновь начал выпрямлять ступоходы,

поднимая рубку над плоской крышей здания.

Опять раздался отрывистый лай автоматических пушек, но на этот раз снаряды легли в самое яблочко — весь верхний этаж диспетчерской башни окутали черно-оранжевые разрывы, и тут же безо всякого предварительного разъяснения задач раздалась команда взводного:

— Вперед! — Он сам, обгоняя бойцов, уже перемахнул через метровый забор и, петляя, побежал к входу в башню.

Сзади, прикрывая бегущих, заговорили крупнокалиберные зенитные установки «Хоплита». Антон, захваченный общим порывом, побежал к входу в диспетчерскую башню. Не было времени на то, чтобы опомниться, события развивались слишком быстро, а разум откровенно не был готов к их обороту.

Переваливаясь через низкое бетонное ограждение, Полынин успел подумать, что учили-то их совсем иной войне, но это уже оказалось в призрачном прошлом — тридцать минут легли пропастью, окончательно размежевав сознание на две половины, словно с того момента, как подбитый десантный модуль пробил гребень песчаной дюны, началось новое время, отсчет которого приходилось вести с нуля…

Что такое триста метров при стандартной гравитации?

Тридцать секунд надрывного бега в полной боевой?..

Нет… Это вечность… Это порванные судорожным дыханием легкие, оглушительный лай двух зенитных установок «Хоплита», черно-оранжевые оспины разрывов, густо покрывающих стену здания диспетчерской башни, чернеющий вход распахнутой настежь двери, — сознание работает прихотливо, выборочно, намертво запечатлевая в памяти одни фрагменты и напрочь игнорируя другие…

Тридцать секунд — это жизнь в жизни, это рождение нового «я», которое останется в тебе навечно… это…

Из поднебесья вдруг начал накатываться вой.

Звук был тонким, изматывающим, он мгновенно затопил разум, словно кто-то, точно осведомленный о последствиях, заорал на ухо Антону: ЭТО ЛЕТИТ В ТЕБЯ, ПАРЕНЬ!

Он споткнулся, упал, больно ударившись плечом об обломок бетонной стены, и в эту секунду перед входом в здание выросло пять полутораметровых кустистых разрывов.

Наушники шлема смягчили раскатистый рык, он не оглох, лишь ощутил, как горячее дыхание ударной волны обдало вжавшееся в бетон тело, свистящая метель осколков прошла выше, и тут же с третьего этажа здания остервенело ударил крупнокалиберный импульсный пулемет.

Пули крошили бетон разгрузочной площадки, не давая поднять головы, кто-то из бойцов вдруг истошно закричал, кровь леденела в жилах от этого звука, хотя всего мгновение назад Полынину казалось, что хуже, чем вой падающих мин, не может быть ничего…

Он неимоверным усилием заставил себя приподнять голову. До входа в здание оставалось метров пятьдесят, все пространство перед единственным подъездом усеивали обломки бетона и покореженные фрагменты антенн.

Если не прорваться туда — следующий минометный залп оставит от них лишь клочья плоти.

Хоботок огня бился в узком оконном проеме третьего этажа, крик раненого бойца оборвался, фонтанчики белесой пыли косыми строчками рвали промерзший за ночь стеклобетон…

Антон дал одну очередь, вторую, но пули лишь осыпали стену правее импровизированной амбразуры.

В этот миг он увидел Сытникова.

Паша лежал метрах в пяти от него. Первой мыслью Полынина было: убит… но нет, неестественная поза Сытникова объяснялась иначе. Прячась в мелкой воронке, которую выгрызла в стеклобетоне мина, он, перевернувшись на спину, выцеливал что-то, неестественно вывернув шею и запрокинув голову…

Пак… — граната из подствольника описала параболу и стукнулась о подоконник злополучного оконного проема, разорвавшись оранжевым комом.

Пулемет заткнулся.

Сытников вскочил, словно его подкинуло пружиной.

Никто не кричал, не отдавал команд, но сразу несколько фигур поднялись из укрытий и рывком кинулись вперед, преодолевая последние метры до входа…

Антон тоже вскочил, стремясь уйти с открытого места, пока не накатил следующий залп невидимой минометной батареи.

Первым до дверного проема добежал лейтенант. Шаг в сумрак замкнутого помещения, отрывистые вспышки коротких очередей, болезненный крик, снова очередь…

…Полынин влетел в сумрак здания, когда за спиной снова возник вой падающих мин.

ГРРАААХХ…

Он прижался спиной к надежной стене, которая ощутимо вздрогнула, принимая на себя шелестящий смерч осколков. Из-под подшлемника

ручьями струился пот, от тела валил пар, в ушах звенело… во рту разлился кисло-горький привкус пережитого стресса.

— Молодец, Паша, — раздалась скупая похвала лейтенанта.

Антон повернул голову. Их было шестеро, тех, кто прорвался. Сколько человек поднималось в атаку, он не помнил, не успел сосчитать, да и не пришло к нему еще это интуитивное чувство безошибочного счета живых и мертвых. Он слышал крик, помнил, как тот оборвался, значит, как минимум, один человек остался там, на голом бетонном поле, между забором пакгауза и этой башней.

Стены здания опять задрожали — это серв-машина вновь открыла огонь по верхним этажам. Лейтенант Дуглас несколько секунд вслушивался в ритм огня, потом, когда с верхних этажей по лестничному маршу вдруг начало выдавливать вниз клубы едкой белесой пыли, поднял руку с укрепленным на запястье коммуникатором и отрывисто произнес:

— Броня, хватит, обвалишь на нас здание. Затихни, мы начинаем зачистку! — повернувшись к бойцам, он коротко приказал: — Вперед! Двигаемся парами, Сытников, Полынин, правая сторона, Кашперо, Жевье — левые помещения, остальные со мной! Работаем!

Лейтенант первым ступил на лестничный марш. Сзади его прикрывали двое бойцов, стволы «штормов» смотрели вверх в узкое пространство лестничных переходов.

Два пролета прошли без приключений. Двери, ведущие в коридор второго этажа, были сомкнуты, блок электронного управления, вырванный из гнезда, висел на жгутах проводки.

Пока Эл Жевье возился с системой электромоторов, пытаясь восстановить цепь питания, Дуглас достал из подсумка желтый брикет пластичной взрывчатки, размял его энергичным движением пальцев и ловко вытянул в корявую колбаску неравной толщины.

— Отойди.

Жевье посторонился. Лейтенант с усилием вдавил пластид в узкую щель между автоматическими створками двери, воткнул электронный детонатор и скомандовал:

— Вниз, живо!

Все отступили на один лестничный пролет.

Сытников широко открыл рот и присел, зажав ладонями уши. Он был без шлема. Антон последовал его примеру, только уши зажимать не стал, а стиснул автомат, глядя в сумрак верхних этажей.

На втором полыхнуло пламя, ударная волна прокатилась судорогой, черный дым свило в спиралевидный вихрь. Сквозь клубы дыма и пыли

пробилось пламя — это огонь охватил косяк выбитых дверей.

Снова вверх. Створки дверей взрывом разогнуло в стороны, пластик косяка пузырился и горел, испуская едкий, вонючий дым.

Дуглас ворвался в коридор, прошил длинной очередью узкое пространство, махнул рукой, продолжая держать под прицелом пространство впереди себя.

Антон вслед за Сытниковым миновал взорванный проем, ноги оскользнулись, он посмотрел на пол и увидел какие-то бурые ошметья, с содроганием догадавшись, что это останки того боевика, что ждал их за дверью в надежде расстрелять в упор.

Двери кабинетов тянулись по обе стороны коридора. Пять по одну сторону и пять по другую. Все плотно закрыты, лишь последняя, расположенная по правую руку, сорвана с направляющих и косо висит, удерживаясь на остатках дымящегося уплотнителя. Очевидно, в то помещение угодил первый залп автоматических пушек «Хоплита».

Павел тронул Антона за плечо, взглядом указал на первую дверь.

— Гранаты есть?

— Только световые.

— Давай. Бог велел делиться.

Взяв четыре фанаты из имевшихся у Полынина шести, Павел сунул три в клапан разгрузки, а одну активировал, прижав сенсор большим пальцем левой руки. В правой руке он держал автомат. Ударом ноги выбил дверь и тут же метнул гранату в проем.

Ослепительная вспышка озарила коридор, но она являлась лишь бледным отсветом того разрыва, что полыхнул в кабинете. Сытников ворвался внутрь, длинной очередью располосовав пространство справа налево.

Пусто… Только ветер, врываясь в разбитое окно, шевелит свисающие от потолка обрывки оптико-волоконных компьютерных кабелей.

Группа, двигавшаяся по левую сторону, вступила в бой, треск автоматной стрельбы взъярился и стих, только метнулся за стенами башни короткий вскрик, завершившийся глухим шлепком разбившегося о бетон тела.

— Кашперо, что там?

— Ганианец. Пытался выбраться в окно и спрятаться снаружи на поребрике. Сам спрыгнул.

— Сам?

— Так точно… Нервы, наверное, не выдержали. Паша криво усмехнулся, сжимая сенсор второй гранаты.

Следующий кабинет.

Опять ослепительная вспышка, болезненный вскрик, автоматная очередь. Антон, двигавшийся за Павлом, увидел перевернутые столы, сваленные в кучу компьютеры, за которыми, дико крича, корчился на полу ганианец. Руками он зажимал глаза.

— Попался, сука… — Паша ударом ноги повалил его навзничь. — Возьми винтовку, — не оборачиваясь, приказал он Полынину.

Антон поднял с пола «ИМ-12» со снайперским компьютерным прицелом.

В кабинет вошел взводный. Сытников рывком поднял ганианца с пола, развернул его к лейтенанту, заставил отнять руки от лица.

Дуглас посмотрел на него и невнятно выругался.

Включив автопереводчик — систему, которая входила в комплекс компьютерной экипировки офицера, он спросил:

— Имя, возраст, гражданство, цель прибытия на планету Хабор? — Стандартные формулировки опроса звучали, как минимум, нелепо в обстановке изрешеченного пулями офиса, тем более что электромагнитные катушки, покрывавшие ствол снайперского «ИМа», были горячими от недавней стрельбы — Антон держал в руках трофейную винтовку и ощущал этот жар каждой клеточкой содранных в кровь пальцев.

Пленный молчал. Его лицо на глазах распухало, покрываясь волдырями светового ожога.

Убедившись, что внятного ответа не будет, взводный обернулся.

— Кашперо, свяжи его, пусть пока полежит. Тащить с собой нет смысла. Рот заткни, чтобы не орал, зачистим здание, там разберемся.

Паша неодобрительно посмотрел на Дугласа.

— Нет, — отрезал его взгляд лейтенант. — Понимать надо — либо сразу, либо никогда.

Сытников сплюнул.

— Пошли, — он подтолкнул Антона к выходу. Ошибался лейтенант. Ой, как ошибался, только крови еще недостало, чтобы понять это. Одна была отсюда дорога, прямиком в ад, и никакие индульгенции тут не помогут. В одну воду дважды не войдешь, то, что было «до», теперь останется прошлым, невозвратным прошлым. Их сознание уже изменилось, но из-за усталости, постоянного стресса или еще по каким-то сугубо внутренним для каждого причинам в этом не было сил признаться даже самому себе…. Два следующих кабинета по правую руку оказались пусты. В последний, пятый, за выбитой дверью которого гулял ветер, Сытников не стал бросать гранату — сразу за порогом плита пола, кренясь,

уходила вниз, стен комнаты уже не существовало, — это «Хоплит» постарался при первом залпе.

— Все, на третий этаж, — устало скомандовал Дуглас.

* * *

На третьем этаже здания гулял ветер. Врываясь сквозь обугленные дыры в стенах, он завывал меж согнутых прутьев обнажившейся арматуры железобетонного каркаса. Пахло порохом.

Антон раньше не знал этого запаха. В процессе обучения и дальнейшей службы он имел дело исключительно с импульсным оружием, которое работало на принципе электромагнитных катушек-ускорителей, разгоняющих заряд по каналу ствола без участия химической реакции окисления таких веществ, как порох.

Здесь, на Хаборе, ему впервые пришлось столкнуться с древними технологиями. Техника и вооружение ганианцев, захвативших космопорт, отличались удивительной пестротой. В ход шло все, начиная от ультрасовременной экипировки и заканчивая такими архаичными образцами, как автоматическое стрелковое оружие времен Первого Рывка.

Откуда они брали его, как пополняли боезапас, оставалось только догадываться.

Бойцы рассыпались по этажу, прочесывая помещения.

Полынин держался вместе с Пашей. Нервная дрожь по-прежнему колотила его, но это чувство перевозбуждения стало уже терпимым, привычным, в глазах больше не мутилось, а острота восприятия понемногу притуплялась, сменяясь усталостью… Хотелось хоть на минуту присесть, привалившись спиной к выщербленной пулями стене, и отдышаться…

Ворвавшись в очередное помещение, они увидели там зловещую картину: наружная стена офиса обвалилась, осев внутрь кабинета пологой грудой крупных обломков. Из-под этого оползня торчали ноги и рука человека с раздавленными в кровавое месиво пальцами, чуть поодаль, отброшенная взрывом, валялась покореженная тренога, на которой крепился крупнокалиберный пулемет неимоверно древнего образца.

Антон никогда не видел подобного огнестрельного оружия.

Паша Морок мельком глянул на засыпанный бетонным щебнем труп и сплюнул в сторону.

— Дострелялся, гнида…

Полынин сдержанно кивнул, обходя завал стороной. Хоть его желудок уже вроде бы научился сдерживать спазмы при виде разорванных человеческих тел, но лишний раз смотреть на фрагменты раздавленного

тела не хотелось, и он, обойдя завал, присел подле перевернутой треноги странного оружия. Пулемет казался угловатым и громоздким, металл его кожуха был черным, мутный глянец покрывали свежие царапины, сбоку из казенной части торчал огрызок неизрасходованной ленты, в которой тупо блестели жала снабженных гильзами боеприпасов…

— Ни хрена себе… — Сытников присел рядом, разглядывая трофейный механизм. — Это тебе не двенадцатый импульс… — он коснулся пальцем тускло-желтого заостренного жала крупнокалиберной пули. — Такая, если попадет, — хана, все кишки на себя намотает… — прокомментировал он.

— Как из них стреляют, не пойму, — недоуменно высказался Антон.

— Погоди, узнаешь, — невесело усмехнулся Павел. — Кончится боезапас к «ИМу», будешь рад и такому монстру. Пацаны пробовали, говорят, ничего, жить можно, только отдача сильная, синяки потом на плечах, да и приноровиться надо. Ладно, пошли, чего глазеть.

— Брать не будем?

— А на хрена? Видишь, у него ствол погнут. Пусть валяется, уже отстрелял свое.

— Ладно, пошли.

Они вернулись в коридор. Этаж зачистили без проблем, пилот «Хоплита», что ни говори, постарался, некоторые снаряды пробили даже коридорные стены, оставив в них уродливые, закопченные дыры.

— Антенны свалил, дундук… — зло констатировал лейтенант, разглядывая сквозь провал в полу изогнутые под разными углами покореженные крепления спутниковых тарелок, с которых свисали обрывки кабелей. — Как я теперь на связь выйду?

— А резерв? — бесцеремонно вступил в разговор Сытников, который чувствовал себя с лейтенантом на равных. — Вон Кашперо, он у нас кибернетик, или как? Пусть работает, мы прикроем.

— Дело, — одобрил лейтенант. — Кашперо, ко мне! — Он поднял к губам руку и произнес в коммуникатор: — Броня, мы закончили зачистку. Подтягивайся к зданию.

Коммуникатор сухо щелкнул, потом по громкой связи раздался вопрос:

— Зачем?

— Будешь прикрывать подступы. Мы попробуем восстановить узел спутниковых антенн, чтобы связаться с базовым кораблем высадки. Сдается мне, что эта башня — ключик ко всему комплексу порта, так что дремать нам тут не дадут.

— Понял, подхожу.

Лейтенант опустил руку и обернулся.

— Кашперо, осмотрел пункт связи?

— Да.

— Сколько понадобится времени на ремонт?

— В диспетчерской все цело. Обрыв питания, нет основных антенн, а так консоли вроде не повреждены. Если кинуть кабель от бортовой сети «Хоплита» и установить новую тарелку, то сориентироваться на корабль — нет проблем.

— У тебя никогда нет проблем… — буркнул в ответ лейтенант, обдумывая что-то свое. — Ладно. — Дуглас посмотрел сквозь выбитый дверной проем на панораму голого стартопосадочного поля. — Давай, действуй, тебе в помощь даю Жевье, вы, похоже, уже сработались, найдите запчасти и займитесь установкой тарелки, а мы пока оборудуем позиции.

Кашперо ушел.

С улицы послышался визг сервомоторов многотонной машины.

— Подгребай ближе, броня, будем брать питание для спутниковой антенны от твоей бортовой сети.

— Может, прямо в здание? — спросил по связи пилот. — Тут одной стены со стороны фасада считай что нет, как раз пройду в холл.

— Ты мне, блин, башню не завали, слон, — нервно предостерег его Дуглас.

— Дыши ровно, лейтенант. Не завалю.

— Ну, давай, только аккуратно.

Антон не смог удержаться, скользнул в соседнюю комнату, подошел к проему выгоревшего окна, выглянул наружу.

«Хоплит», завывая сервоприводами, как раз начал пятиться, задом сдавая в проем рухнувшей стены. Его рубка, которая только что покачивалась на уровне второго этажа здания, с визгом опустилась. Шагающая машина согнула ступоходы, тут же превратившись в приземистое, сложившееся вдвое механическое чудовище, похожее на камуфлированную жабу. Подвески автоматических пушек, укрепленные по бокам торса на оружейных пилонах, едва прошли в проем меж уцелевших стен.

«Как он будет стрелять оттуда!» — подумал Антон, вытягивая шею, но пилот «Хоплита» свое дело знал. Угнездившись в засыпанном обломками вестибюле здания, он опять включил приводы сервомеханизмов, выдвинув рубку чуть вперед. Из уродливой дыры показались скаты лобовой брони и оба орудия, которые получили нужный

сектор обстрела, в то время как наиболее уязвимый опорно-двигательный аппарат серв-машины оказался спрятан в своеобразном капонире, образованном уцелевшими железобетонными стенами цокольного этажа диспетчерской башни.

— Ну, теперь тут можно год держаться. — Антон вздрогнул, он не заметил, как сзади к нему подкрался Сытников. Павел сплюнул за окно. — Ты не высовывайся, — посоветовал он. — Снайпера звереют, не смотри, что площадки пустые, у них оптика не хуже твоей, достать могут и с километра, и с двух, если постараются…

Полынин кивнул, убирая голову.

— Паша, — он обернулся, исподлобья посмотрев на Сытникова. — Почему все так?

— Как? — вопросом на вопрос ответил Павел, присаживаясь на край оползня, образовавшегося на месте рухнувшего участка стены.

— Хреново. — Антон достал сигареты, протянул пачку Сытникову и сам сел рядом, чувствуя, как возбуждение последних минут сменяется на глухую, черную, свинцовую усталость.

Павел снял подобранный где-то шлем, устраиваясь таким образом, чтобы наблюдать за пространством стартопосадочной чаши, простирающейся на несколько сот метров впереди, под ними.

— Думаешь, что я много понимаю в этом бардаке? — спустя некоторое время ответил он, без вкуса затягиваясь сигаретой, ощущая лишь горечь во рту. — Что-то прогнило в датском королевстве, — внезапно изрек он цитату из неизвестного Антону древнего автора. — Данные разведки были одни, на деле оказалось совершенно иное. Вместо парадного марша с захватом террористической группы мы нарвались на грамотную оборону. Вот все, что я имею доложить…

— Думаю, ганианцы действуют двумя группами, — спустя некоторое время добавил он. — Одна напала на космопорт, вторая на базу Совета Безопасности, расположенную в двухстах километрах отсюда. Сейчас они загрузились захваченным там оружием и электроникой, навьючили все это на трофейные планетарные машины и движутся сюда.

— Зачем? Чтобы грузиться на корабль?

— Угу. Только вот их первая группа не удержала космопорт. Врезали мы им, Антон, несмотря на ту гниду, что сидит где-то в наших штабах… — с нескрываемой горечью в голосе произнес он, вспоминая тот страшный бой, что отгремел несколько часов назад, при высадке серв-соединений. — Макушку космопорта мы им разнесли, вместе с лазерной батареей и основным центром посадочного контроля, когда начал подниматься

туман. — Павел тряхнул головой, словно пытаясь отогнать от себя злой морок воспоминаний… — Никогда не забуду, как горели серв-машины… — признался он. — Перед глазами стоит. Полыхали они, как свечки… Только один «Хоплит» и уцелел…

Он помолчал, прикурил новую сигарету от тлеющего окурка и почему-то зло блеснул на Антона глазами.

— Ни хрена у них не выйдет из этого рейда, поверь. — Павел отвернулся, глядя вдаль. — Из диспетчерской башни мы их выбили, а основное здание, — он кивнул на темнеющую вдалеке уступчатую пирамидальную глыбу, — им ни к чему, там только офисы, гостиницы, залы ожидания, рестораны… Сажать свой корабль они наверняка собирались вот тут, на эту площадку, по наводящему лучу с башни, где сейчас сидим мы с тобой, — значит, ни хрена у них не вышло, сечешь? — повторил он, словно убеждал не Антона, а самого себя. — Они думали как: покрошат нас всех до одного на высадке, соберут массу современного оружия и приборов, прихватят пару штурмовых десантных модулей, а если повезет, то и «Нибелунгов» с шагающими машинами на борту, а пока наш «Светоч» выписывает параболу, их корабль быстренько сядет сюда, погрузится и — ищи ветра в поле.

Изложенная Павлом схема событий не добавила Полынину оптимизма. Из слов Морока можно было сделать один вывод — спустя час, ну максимум два — подтянутся новые силы, ведущие караван с захваченным грузом, и поймут, что башня не их, а значит, начнется остервенелый штурм…

— Это правда, что Хабор не наша колония? — спросил Антон, чтобы сбить свои мысли с темы предстоящего боя.

— В смысле? — переспросил Павел.

— Я слышал, что тут поселили этих… инсектов?

— Ну да, — ответил Сытников, неопределенно махнув рукой в сторону гор. — Там, на юге, километрах в шестистах отсюда. Наша война им по барабану, не переживай.

— Слушай, а откуда они взялись, эти насекомые? Кто они?

— Ты что, спал на занятиях по современной истории? — Сытников искоса посмотрел на Антона.

— Да нет, не спал, наоборот, вникнуть пытался, но все как-то запутанно, размыто. Деметра, Сфера Дайсона… Откуда они взялись? Почему мы раньше ничего о них не знали?

— Потому и не знали, что «взялись» не они, а мы, — раздался сзади голос лейтенанта Дугласа. Он присел рядом с бойцами и пояснил: —

Цивилизация инсектов существовала задолго до того, как люди на Земле начали осваивать космос. Сфере Дайсона больше трех миллионов лет… — Лейтенант выглянул поверх груды обломков, вслушиваясь в звуки отдаленной стрельбы, и добавил:

— Мы начали осваивать космос, когда их цивилизация уже пережила свой закат.

— Понял теперь? — назидательно спросил Паша.

— Понял, — буркнул в ответ Антон.

Усталость, накатившая после боя, казалась свинцовой. Слова лейтенанта и реплики Сытникова, разгребавшего бетонные обломки и укладывавшего их в виде бруствера, долетали издалека, достигая сознания скорее как фон, на котором текли собственные, не очень-то веселые мысли.

— Зачем им понадобилось совершать налет на Хабор? — наконец спросил Антон, отстегивая от пояса флягу с тонизированной водой.

— Кому? Ганианцам?

— Да.

— Это ты у них спроси… — лениво ответил ему Павел. — Дайка глотну, — он протянул руку за флягой.

— А может, у нас «наверху» надо спрашивать… — себе под нос пробурчал лейтенант и добавил уже громче: — Думаю, они напали на Хабор не для того, чтобы захватить и удержать в руках планету. Кто-то осведомленный продал им информацию о том, что на базах СБМ скопилось множество оружия, планетопреобразующей техники, мощного компьютерного оборудования, — ведь этот мир, до того, как он был отдан инсектам, готовили к аукционным торгам на заселение, вон и космопорт был уже готов к сдаче под ключ… — он немного помолчал, отпив из фляги Полынина, и подытожил: — А ганианцы лишены возможности закупать все перечисленное — их кланы, правящие планетой, не подписывали ни одного соглашения коллективной безопасности, и потому против них действуют многочисленные эмбарго. Вообще, для меня они — негодяи, сброд, — Дуглас вернул полупустую флягу Полынину. — Ни своей промышленности, ни толкового сельского хозяйства, если не считать плантаций, где выращивают сырье для наркоты… Единственный источник средств к существованию для ганианцев — это война по найму. Кланы Ганио поставляют отряды наемников для разных операций сомнительного толка. В основном это локальные корпоративные войны, которые постоянно идут на Окраине…

Дуглас замолчал, а у Паши с Антоном не было никакого желания задавать уточняющие вопросы — ситуация и так казалась ясна как день:

успеют Кашперо с Жевье восстановить антенны, Дуглас свяжется с командиром «Светоча», и сюда, на маленький пятачок вокруг диспетчерской башни, доставят подмогу — один—два резервных штурмовых модуля с десантниками, может, даже серв-машины, если на борту базового корабля остался их резерв, а если нет — значит, держать им эту башню до конца своими силами… а вот каким будет этот конец и каковы их имеющиеся в наличии силы, не хотелось думать… было страшно.

Видимо, мысли отражались на лице Антона как в зеркале. Заметив, что он помрачнел, Дуглас потрепал Полынина по плечу.

— Не дрейфь. Сейчас наладим связь с орбитой, вызовем подкрепление, и тогда этой банде крышка. Эффект внезапности свое уже отработал. Буду жив — доберусь до той суки, кто дал им коды управления боевыми системами лазерной батареи космопорта, — пообещал он, — а пока будем держать эту башню, чтобы не позволить им посадить корабль на площадку, загрузиться и улететь. Задача ясна?

Антон с Павлом кивнули. Чего же тут неясного?..

Глава 4

Планета Хабор. Диспетчерская башня космопорта.

Полдень миновал под аккомпанемент звуков отдаленной стрельбы, которая шла где-то в районе центрального здания порта. Очевидно, там была связана боем еще одна такая же разношерстная группа уцелевших после высадки бойцов, но выйти с ними на связь или оказать реальную помощь для лейтенанта Дугласа не представлялось возможным — он слишком хорошо понимал, что диспетчерская башня с аппаратурой наводящею посадочного луча с минуты на минуту станет ключевым звеном всего боя за космопорт Хабора, и потому не решался, да и не имел права снять отсюда хотя бы одного оказавшегося в его подчинении бойца.

Таковы были мысли лейтенанта, а Антон, закончив вместе с Павлом оборудование огневого рубежа, грешным делом подумал, что, может быть, для них все и закончится штурмом этой диспетчерской башни. Сознание, воспитанное определенными штампами, в набор которых входил и постулат о полном превосходстве военно-космических сил Совета Безопасности Миров над всеми иными законными и незаконными воинскими формированиями, подспудно надеялось, что трагедия высадки более не повторится…

Он ошибался. Цепкие иллюзии все еще находили себе место в душе и разуме, они, как прижившийся в компьютерной системе вирус, вовремя не распознанный пользователем, действовали медленно, скрытно, разрушающе.

Полынин не мог постичь масштабов катастрофы, которая в течение нескольких суток потрясла огромный участок обитаемого космоса. Находясь в одном из эпицентров событий, он мог видеть лишь свой, узкий, сиюминутный клочок реальности…

Пока они оборудовали позицию на третьем этаже здания, между ним и Сытниковым завязался разговор.

— Ты сам откуда? — спросил Павел, ворочая тяжелые обломки бетона.

— С Аллора, — ответил Антон, помогая ему возводить укрепление.

— В армию сам пошел или по призыву?

— Сам. Себя хотел проверить, да и денег заработать на учебу. Собираюсь в институт истории и археологии космоса, на Элио.

— Остатки древних цивилизаций? Рукав Пустоты? — Было

непонятно, иронизирует Павел или нет.

— Ну да. Я с детства мечтал стать археологом и попасть в Рукав, — откровенно признался Полынин. Мысли о гражданских надеждах, воспоминание о том, что присутствовало в душе *до этой высадки*, показались ему сродни… глотку воздуха, помогли на секунду отвлечься от окружавшей действительности, и томительное ожидание неизбежного боя отступило, хоть и ненадолго. — Заболел я этой мечтой еще в ту пору, когда открыли Сферу Дайсона, — он перевернул очередной обломок бетона и добавил: — Мне тогда стало понятно, что древний мир существовал на самом деле…

— А эти… — перебил его Павел. — Насекомые. Тебе не противно?

Антон пожал плечами. Не признаваться же ему, будущему космическому археологу, что он ни разу не видел ни одного живого инсекта воочию, только по сферовизору… О том, что представители этой древней цивилизации сейчас находятся где-то тут, километрах в шестистах от космопорта, он даже не задумывался. Не до того было.

— Ладно, будем считать, что это твои первые археологические раскопки. — Паша оценивающе посмотрел на возведенное укрепление и спросил: — У тебя как с боеприпасами?

— Один магазин к «Шторму» остался, — признался Антон.

— Вот и у меня негусто. Пойдем-ка, пока тут затишье, пошарим в подвалах, мне Кашперо шепнул, что тот ганианец, прежде чем «спрыгнуть», успел кое-что доложить своим. А заодно сфотографируемся на память.

— Как? — не понял его последней реплики Антон.

— Молча. Щелкнемся с тобой в лучшем виде, с видеосенсоров «Хоплита». Снимки выдаются сразу, фирма гарантирует.

* * *

Время до полудня прошло в относительном затишье, лишь вдалеке у западной и северной окраин космопорта иногда вспыхивали, но тут же утихали звуки коротких яростных перестрелок.

После штурма, поддержанного «Хоплитом», сводная группа лейтенанта Дугласа заняла здание, обеспечив себе отменную позицию в плане обороны.

По обе стороны от башни диспетчерского контроля тянулся невысокий бетонный забор, скорее символический, чем исполняющий функцию серьезной преграды. В трехстах метрах возвышались плоские крыши погрузочных терминалов, основные площади которых

располагались под землей. В полукилометре от группы складских помещений периметр низкого забора разрывали ворота, в которые вливалась одна из четырех магистральных трасс этой части планеты Хабор. Всего автострад было четыре — они разбегались под прямыми углами, начинаясь в условном центре космического порта и пересекая ровными линиями весь материк.

На территории стартопосадочных полей местные второстепенные дороги вели себя совершенно иначе: они ветвились, огибая различные комплексы сооружений, растекались парковочными площадями, снова сливались вместе — их сеть была подчинена расположению одного основного и пяти вспомогательных стартопосадочных мест.

Основной площадкой, предназначенной для взлета и посадки тяжелых транспортных кораблей, была та самая, чуть вогнутая пятисотметровая стеклобетонная чаша, окруженная приземистыми постройками грузовых терминалов, которая простиралась напротив частично обрушенного фасада диспетчерской башни.

Только сюда мог совершить благополучную посадку гипотетический корабль ганианцев. В иных местах посадка исключалась — малые чаши могли принимать только небольшие челночные корабли, а естественных, созданных природой взлетно-посадочных мест вокруг космопорта попросту не было, куда ни глянь, везде высились горы, лучшей альтернативой которым являлись заболоченные низины в четырехстах километрах отсюда.

Сборная группа бойцов, которой командовал лейтенант Дуглас, закрепилась в здании, используя время относительного затишья, чтобы превратить диспетчерскую башню и прилегающие терминалы в очаг обороны. Серв-машина, затаившаяся в пустой, частично обрушившейся коробке первого этажа, значительно усиливала этот узел.

За два часа передышки, пока Кашперо и Жевье устанавливали антенны спутниковой связи, к группе присоединилось еще пятнадцать бойцов — все из разных подразделений, потрепанных при высадке. Дуглас коротко беседовал с вновь прибывшими и распределял их по позициям на втором и третьем этажах башни, В итоге их собралось двадцать три человека — неполный взвод.

Несколько раз лейтенант пытался выйти на связь с теми подразделениями, которые, судя по звукам стрельбы, вели бои на северной и западной окраинах космопорта, но кроме отдельных, обрывочных фраз ему не удалось выловить из эфира ничего толкового.

Космопорт занимал огромную площадь в сотни квадратных

километров. Ганианцы, как бы тщательно они ни готовили эту акцию, не могли контролировать весь его периметр, каждое здание или дорогу — для этого у них было слишком мало сил. Уничтожив во время высадки основной состав десанта и серв-соединений, боевики отступили на территорию порта, считая, что теперь ситуация полностью переломлена в их сторону, остается лишь собрать трофеи и дождаться, пока подойдет тот конвой, что накануне разграбил базу Совета Безопасности Миров.

Они просчитались в одном: небольшие группы бойцов, уцелевшие в момент высадки, не разбежались по окрестностям, ища спасения.

Примером тому могла стать группа лейтенанта Дугласа: двадцать три бойца и присоединившаяся к ним последняя серв-машина не собирались спасаться бегством или сдаваться. Они готовились встретить тех, кто с часу на час неизбежно появится тут, у чаши основного посадочного поля…

* * *

Паша Морок оказался прав: в подвальных помещениях диспетчерской башни действительно находился целый арсенал, заготовленный ганианцами на случай длительной обороны этого важного участка космопорта. В основном это были морально устаревшие образцы огнестрельного автоматического оружия, изготовленные по технологии многовековой давности. О том, что произведены они недавно, свидетельствовал заводской глянец смазки.

— Смотри-ка, везде одно и то же клеймо!.. — обратил внимание Павел на маркировку, которая была вытравлена на упаковочных кофрах и на самом оружии. Оттиск был незамысловатым, но абсолютно незнакомым.

— Ладно, нечего разглядывать… — в подвал спустился вездесущий Дуглас в сопровождении пятерых бойцов. Открыв два больших кофра, он указал на пулемет и треножник к нему: — Возьмете вот этого монстра и займете позицию в грузовом терминале. Там имеются полуподвальные окна, выходящие на дорогу. Пока есть время, заложите их мешками с песком. Когда оборудуете позицию, сидите тихо, ждите сигнала — им будет выстрел из пушек «Хоплита» по головной машине колонны. Потом действуйте по обстоятельствам. Если станет слишком жарко, отступайте к башне, мы прикроем.

Бойцы принялись вскрывать кофры в поисках дополнительного боекомплекта. Паша с Антоном присоединились к ним, и в результате на третий этаж они вернулись, сгибаясь под тяжестью двух автоматов, кофра с боекомплектами и ручного пулемета неизвестного образца, снабженного для удобства стрельбы двумя откидывающимися сошками. Патрон ко всему

оружию шел унифицированный.

— Вот удивятся, гады… — задыхаясь, произнес Морок, аккуратно опуская свою ношу на расчищенный от мелкой бетонной крошки пол.

…

Никто не приказывал им захватывать здание диспетчерской башни и готовить его оборону. Всем, начиная от лейтенанта и заканчивая Антоном, для которого это был первый в жизни бой, давно стало ясно: их предали — налет ганианцев на Хабор был «одобрен» кем-то из властей предержащих в прогнившей и рассыпающейся на глазах Конфедерации, и кровавый разгром десантных подразделений при высадке — это всего лишь более мелкое предательство из той же цепи гадостных по своей сути событий, обернувшееся кровью и смертью для молодых ребят, дававших присягу Совету Безопасности Миров и Конфедерации Солнц.

Ситуация, если разобраться, — не новая.

История действительно развивается по спирали, и если учитывать весь опыт ее скрижалей, то ганианцам стоило задуматься — все кончено или все только начинается?

* * *

— Вижу колонну, пять грузовых транспортеров, семь боевых планетарных машин, четыре внедорожника…

— Огонь не открывать! Ждать сигнала. Жевье, что там, на низких орбитах?

— «Светоч» совершил разворот. Дистанция около трех миллионов километров. На границе зоны сканирования еще один корабль, опознавательные маркеры не работают.

— Кашперо, что со связью? Ты еще долго там будешь копаться?

— Еще немного. С «тарелкой» не справиться. Никак не хочет ориентироваться под нужным углом. Я ее спрятал, а теперь мешает кусок стены.

…

Первым на разгрузочную площадку вылетел, шурша покрышками, ослепительно белый внедорожник.

Антон опять почувствовал, как тело начинает трясти мелкой дрожью перевозбуждения. Мышцы «колбасило» в преддверии боя, во рту вдруг стало сухо, потом под языком появился солоноватый и уже знакомый привкус крови…

Внедорожник описал широкий круг, и на площадке из-за крайнего здания погрузочного терминала показался тупой бронированный нос

боевой планетарной машины. Два носовых орудия БПМ были расчехлены, покатая башня со спаренной зенитной установкой повернута вбок, перпендикулярно движению.

Видимо, отсутствие связи и явные разрушения башни диспетчерского контроля насторожили ганианцев, но обманчивая тишина все же убедила водителей конвоя двигаться вперед, вползая на узкий пандус автоматической погрузки, зажатый стенами двух приземистых терминалов.

В тот миг, когда головная БПМ уже выползла на площадку перед башней, а внедорожник, словно белый глянцевитый жук, начал выписывать второй круг по паркингу, грозя всему свету стволами пулеметов, торчащими из опущенных боковых стекол, произошли два события, которые начали отсчет иного времени…

В окне второго этажа диспетчерской башни внезапно показался ганианец с распухшим, обожженным взрывом световой гранаты лицом. Как он сумел освободиться от пут, оставалось только гадать, — выпрыгнув в окно, он упал, дико заорав при этом на родном языке, и мир вокруг сразу же взорвался: поверх приспущенных ветровых стекол внедорожника ударили пулеметы, осыпая здание беспорядочным, неприцельным огнем, машину занесло на развороте, и передние колеса проехали по распластавшемуся на стеклобетоне соплеменнику, который пытался привстать, протягивая руки навстречу собственной смерти.

Машина с глухим ударом переехала тело, оставив его корчиться на окровавленном бетоне со сломанным позвоночником, а в смутном сумраке обрушенного холла диспетчерской башни вдруг с ноющим визгом заработали сервоприводы спрятанного там «Хоплита».

Покатая рубка машины приподнялась над огрызком бетонных стен, и спаренные пушки, расположенные на боковых пилонах, захлебнулись звонким одновременным лаем, по четыре такта каждая.

Снаряды пробили борт БПМ, словно это был лист картона, изнутри планетарной машины ударило пламя, и покатая башня вдруг грациозно поднялась на гребне оранжево-черного сполоха, переворачиваясь в воздухе…

Выстрелы «Хоплита» послужили знаком для остальных бойцов.

Из двух окон погрузочного терминала по зажатым на эстакаде машинам в упор ударили два крупнокалиберных пулемета. Один транспортер сразу же задымил, второй резко попятился назад, пытаясь своим мощным бампером столкнуть преграждавшую путь к отступлению машину; из открывшихся люков во все стороны посыпались ганианцы, кто стреляя на ходу, кто просто дико визжа, воздух прорезали первые

автоматные очереди. Сзади, по окнам пакгауза, не разбирая, где свои, а где чужие, тремя длинными рычащими очередями ударили носовые орудия замыкающих колонну БПМ, и узкий проход между приземистыми зданиями на несколько минут превратился в задымленный ад…

…Для Антона первые секунды боя слились в сплошной, рвущий барабанные перепонки вой. Когда сознание очнулось от шока, он, стоя на одном колене, уже стрелял из трофейного автомата, ощущая, как при каждом нажатии на спусковой крючок волокончатый приклад дубасит в плечо, набивая там огромный синяк, но было не до подобных мелочей — белый внедорожник, харкая свинцом, словно заговоренный, уже нарезал третий круг по огромному пространству паркинга, и в голове Полынина все мысли сконцентрировались на этом белом пятне, скользящем в его прицельной рамке.

Он бил короткими очередями, стараясь задерживать дыхание, рядом оглушительно работал автомат Павла — Антон успел с удивлением отметить, что выстрелы Сытникова глушат его больше, чем собственные очереди, мимо лица пролетела гильза, окатив щеку жаром, и в этот миг очередь Полынина достала-таки проклятую машину — он видел, как брызнуло, разлетаясь серебристым крошевом, лобовое стекло, а палец все давил, давил на курок, вбивая пули в сумеречное нутро салона… Внедорожник потерял управление, его вдруг понесло боком, затем машина встала на два колеса, переворачиваясь на крышу, и, наконец, ее ударило о бетонный обломок, выкрошенный орудиями «Хоплита» из стены диспетчерской башни… Стойки кузова, утратившего свой мутно-белый глянец, не выдержали, начали сминаться, скольжение машины остановилось с ноющим скрежетом деформируемого металла, и вдруг она вспыхнула, жарко, весело…

Автомат вхолостую лязгнул затвором и замолчал.

Черт… патроны…

Антон схватил снаряженный заранее магазин, такой громоздкий и непривычный — не чета «Шторму» или «ИМу», замешкался, вставляя его на место, пока не догадался ударить посильнее снизу, до характерного щелчка.

Нажав на курок, он ощутил лишь беспомощную податливость спусковой скобы. На секунду пришел страх — сломалась чертова машинка, — потом вдогонку метнулась здравая мысль: передерни затвор, идиот, он механический, а не интегральный!..

Передернув затвор, Антон приподнял голову над бруствером, сооруженным из бетонных обломков. Рядом, резанув щеку острой крошкой,

ударила шальная пуля и, взвизгнув, ушла в рикошет — он машинально пригнулся, но длинная очередь, выпущенная Сытниковым, заставила его снова поднять голову.

Не так страшен черт, как его малюют…

Внедорожник, превратившийся в мятый ком металла, уже не горел, а чадил, рядом застыла планетарная машина с изрешеченным снарядами бортом и отброшенной метров на пятьдесят башней; крыша дальнего складского терминала горела, вспухая волдырями расплавленного пластика. На эстакаде косо застыли, съехав в разные стороны, два грузовых транспортера. Прикрываясь ими, среди дыма шустро переползали кажущиеся мелкими с высоты третьего этажа фигурки — все это Антон схватил взглядом, как единую, целостную картину, и автомат в его руках задрожал, посылая прицельные очереди по резво переползающим ганианцам.

Через минуту он убедился, что найденное ими в подвале башни оружие страдает одним непоправимым недостатком — у него мгновенно заканчивались патроны в магазине.

Еще раз сменив боекомплект, он понял, что снаряженных автоматных рожков больше нет.

Ганианцы, опомнившись от шока, вызванного эффектом внезапности, быстро перегруппировались, засев в дымящемся пакгаузе. Из его окон тут же ударил усиливающийся с каждой секундой ответный огонь — судя по его плотности, там засело человек пятьдесят, не меньше.

Одна подбитая планетарная машина, два сгоревших транспортера, смятый в ком внедорожник и с десяток трупов, оставшихся на площадке перед погрузочными терминалами. Неплохо для начала…

Полынин не успел до конца оценить обстановку. Справа от диспетчерской, где вдоль края стартопосадочного поля тянулась широкая дорога, огибающая бетонную чашу, внезапно заработали орудия БПМ. Он повернул голову и увидел их — пять оставшихся от колонны боевых планетарных машин, которые, обогнув здание горящего терминала, одна за другой выползали на прямую наводку, ведя огонь из башенных орудий по провалу в нижнем этаже диспетчерской башни, где ворочался, перебирая ступоходами, обнаруживший себя «Хоплит».

Эту сцену Антон запомнил на всю жизнь. От грохота орудий тряслась закованная в бетон земля, снаряды молотили по покатой броне «Хоплита», рикошетом вышибая куски стен первого этажа, здание шаталось, и казалось, что оно вот-вот рухнет, пол под ногами у Антона и Павла ходил ходуном, как при землетрясении…

— Снаряжай! — заорал Морок, хватая с пола покрытую белесой пылью длинную трубу ручного противотанкового комплекса.

Антон тут же понял его, схватил одну из уложенных вдоль стены ракет, взвел боевое устройство и сунул стартовую часть боеголовки в пусковой ствол, который уже держал на плече Сытников.

— Готов!

Антон присел, зажав уши.

За спиной Павла, жадно лизнув стену, полыхнуло пламя реактивного выхлопа, он тут же отбросил горячую и бесполезную теперь трубу пусковой установки, схватил автомат и выглянул поверх бруствера.

— Попал! — дико и радостно заорал он.

Средняя из планетарных машин горела — кумулятивная ракета прожгла броню и взорвалась внутри, детонировав боезапас.

Еще секунда, и огонь оставшихся четырех БПМ разделился — две продолжали молотить «Хоплита», а другая пара приподняла стволы, выпустив четыре очереди снарядов по позиции третьего этажа башни, откуда была выпущена ракета.

Антону, который, снарядив магазин к автомату, как раз вставал, показалось, что кто-то со всего размаха ударил его кувалдой в грудь — это кусок стены, вырванный снарядом, едва не проломил ему ребра, ударив в бронежилет.

Металлокевлар принял удар, выстоял, но Полынина отшвырнуло метра на три, ударив о стену и оставив корчиться там от боли.

Воздуха не хватало, его вышибло из легких и никак не удавалось вдохнуть вновь — ощущение было таким, что все тело парализовано, он беспомощно и бесцельно хватал воздух руками, выгнувшись, как гимнаст, безуспешно пытающийся сделать мостик…

…Сознание вернулось к нему спустя пару минут, и первое, что он увидел, — было лицо Павла, склонившегося над ним.

— Живой? — радостно прокричал тот, пытаясь своим голосом перекрыть грохот боя.

Антон со стоном сел, вытирая рот, — на губах ощущалась кровавая пена, и на тыльной стороне ладони действительно остался розовый след.

— Вроде бы… — заглатывая воздух, ответил он на выдохе.

— Тогда давай, нечего валяться! — с этими словами Сытников метнулся назад к позиции, которую разворотило двумя прямыми попаданиями снарядов.

Шатаясь, Полынин встал. В голове гудело — это была уже вторая контузия, после того удара пули, что оборвала питающие кабели его боевой

экипировки.

Боль в груди была ноющей, а значит, терпимой.

За соседней стеной, которую выстрелы башенных орудий БПМ превратили в иззубренный огрызок, раздался злой, кричащий голос Дугласа:

— Я тебе говорю, держим диспетчерскую башню, у основного посадочного места. Что? Да не знаю я, бой идет! Три планетарные машины сожгли, осталось еще четыре, по моим подсчетам, и до двух сотен пехоты. Сколько нас? Было двадцать три человека, сейчас не могу точно доложить, повторяю, идет бой! Нам поддержка нужна, мать вашу, докладывать я буду потом. Что? «Хоплит»? Его засыпало, сейчас, по-моему, на нем стоят два верхних этажа башни.

На несколько секунд в монологе Дугласа наступила пауза, а потом вновь послышался его голос, злой, надломленный:

— Спускай, что можешь! Наплюй ты на устав, гробани это посадочное место к чертям собачьим, чтобы мы знали — если подохнем, то не зря!.. Не дай им сесть на наши головы, слышишь?!.. Орбитальной бомбой в это блюдечко!.. Да, я отвечу! И тебе и остальным!..

Дальше слушать крик взводного у Антона не было ни сил, ни желания, ни времени. Пошатываясь, он подошел к развороченному бетонному брустверу, почти упал на него, опираясь локтями о выщербленный бетон, и начал стрелять по перебегающим внизу фигуркам.

Пока он валялся без сознания, «Хоплит», которого, по словам Дугласа, завалило в холле первого этажа, успел снести башню еще одной БПМ, и три оставшиеся планетарные машины, огрызаясь огнем, теперь отползали назад, за изгиб бетонной чаши стартопосадочного поля.

Под прикрытием длинных лающих очередей их башенных орудий на площадь перед диспетчерской высыпало около полусотни фигурок. Они бежали, стреляя на ходу, а засевшие в дымящем терминале поддерживали их плотным огнем, от которого на всех этажах башни повисли плотные облака едкой бетонной пыли. Пули секли стены, как хлещущий наискось проливной дождь, ответный огонь практически отсутствовал — в таком аду трудно заставить себя оторваться от пола, поднять голову навстречу летящему в тебя свинцу…

…Боковым зрением Полынин видел, как огрызаются короткими хоботками огня несколько окон на втором этаже здания, рядом с ним, матерясь, длинными очередями стрелял Паша, распластавшись в выбоине, которую проделал в их укреплении снаряд, выпущенный БПМ.

В голове стоял шум, из-за которого путались мысли, чувство страха

истончилось, оно тоже тонуло в этом общем недомогании.

У Антона опять кончились патроны.

Вслепую он пошарил рукой по сторонам, но под разбитые в кровь пальцы попадался лишь острый бетонный щебень. Движения после контузии были вялыми, замедленными, в голове застряла мысль: конец…

У Сытникова тоже кончились патроны, и он начал отползать назад, к распечатанному кофру, но там еще предстояло повозиться, снаряжая пустой магазин.

— Пулемет, — хрипло проговорил Антон, не узнавая своего собственного голоса. В голове на несколько секунд прояснилось, и он сразу понял, что и как надо делать. — Паша, бери пулемет, он полный… — Негнущимися пальцами Полынин расстегнул подсумок и вытащил две оставшиеся после зачистки здания световые гранаты.

Фигурки внизу уже подползли под самое основание диспетчерской башни. Одну за другой Антон сжал сенсоры активации гранат и кинул их вниз, прямо под стену.

Ослепительное пламя двух световых взрывов полыхнуло, словно в полдень над Хабором внезапно взошло второе, яростно-белое солнце, которое сияло несколько секунд, заставив все окружающие предметы, углы зданий, обломки бетона, искореженные остовы сгоревших машин отбросить густые черные тени…

Внезапно наступила оглушительная тишина.

Именно оглушительная, потому что стих бесноватый огонь, знойный полдень будто бы замер, словно качели в вершине амплитуды, и вдруг…

Тонкий, голосящий крик порвал полотнище вязкой тишины, и, вторя ему, заорали десятки глоток, — люди внизу тыкались друг в друга: временная слепота и боль от светового ожога открытых участков кожи превратили их на несколько минут в бестолково копошащуюся массу…

Паше не нужно было объяснять, что настал его миг. Взрыв световых гранат не коснулся Сытникова, но, мельком взглянув на его лицо, Антон испугался — оно было белым, как лист бумаги, в чертах напряжена каждая жилка, кожа плотно обтянула выступившие скулы, а в глазах — мутный, черный *морок* смерти.

Откинутые сошки пулемета с царапающим лязгом легли на огрызок стены, и вниз, в копошащуюся массу ганианцев, ударила тугая непрерывная очередь.

Антон отполз на несколько шагов и сел, прислонясь спиной к стене, подле початого кофра с патронами, пытаясь побороть накатывающуюся волнами дурноту, оставшуюся после контузии. Собрав вокруг себя пустые

автоматные магазины, он принялся набивать их патронами, обламывая ногти и окончательно сдирая кровоточащие подушечки пальцев.

Бой понемногу начал разгораться с новой силой, но пулемет Павла сделал свое дело — выкосил человек тридцать, и атака захлебнулась — те, кто избежал пули, теперь вслепую ползли назад, к тому пакгаузу, откуда возобновился вялый, прикрывающий их отступление огонь.

Первая атака была отбита…

* * *

Минут на двадцать наступило настоящее затишье.

— Жить будем… — Морок присел рядом с Антоном, откинул голову и вдруг захохотал — смех был громким, булькающим, истеричным, — это нервы понемногу отходили от кровавой пляски, что бушевала внизу минуту назад.

Антон же, наоборот, как будто набрал в рот воды и лишь продолжал монотонно набивать патронами пустые автоматные магазины, словно в этом занятии теперь заключался весь смысл его жизни.

Смех Павла оборвался так же внезапно, как начался.

— Ну, что ты, Антон, живые ведь… — он толкнул Полынина в плечо, протягивая уже прикуренную сигарету.

Антон взял ее и сказал:

— Паша, когда они полезут во второй раз, я буду снаряжать магазины и подавать тебе, а ты стреляй, чтобы без остановки. Потом поменяемся, ладно?

— Идет. Это ты верно просек. Как голова? Отходит?

— Понемногу… — Антон покривил душой. Внутри черепной коробки, казалось, ползают крупные мурашки, что-то клинило в мозгах после двух контузий, но признаваться в этом не хотелось. Не хотелось вообще ничего, кроме этой тишины — такой спокойной, благостной…

Внезапно рядом раздались шаги.

— Ну, герои, кто подпалил их гранатами, признавайтесь? — это был голос Дугласа.

«Живой…» — мысленно порадовался за него Антон.

— Полынин постарался, — с готовностью доложил Павел. — А уж потом я доделал их из пулемета. Как там со связью, лейтенант?

— Хреново со связью. «Светоч» пустой. Высылает к нам эвакуационный модуль для раненых, я запросил орбитальную бомбежку, но не знаю, решится ли командир долбануть в это блюдце. Лучше бы, конечно, решился, но не дай бог ему промахнуться на сотню метров, похоронит и

нас заодно.

— Что, хороших новостей вообще нет? — мгновенно помрачнел Сытников.

Дуглас пожал плечами.

— На выходе из гиперсферы тяжелый крейсер «Апостол Петр». Будет в районе низких орбит через двадцать часов. Хорошая это новость или плохая, разбирайтесь сами… Я пойду, спущусь вниз, посмотрю, что с «Хоплитом». Первый этаж, по-моему, окончательно обвалился, машину засыпало. Попробую пролезть в рубку, посмотрю, жив ли пилот.

— А раненых много? — вдогонку ему спросил Павел.

— Девять человек, — уходя, ответил лейтенант. — Пятеро убиты. Что с пулеметными расчетами в пакгаузе, не знаю, послал туда Кашперо, но он еще не вернулся.

Взводный ушел, оставив их одних.

Минут через десять внезапно начался минометный обстрел диспетчерской башни и прилегающих строений погрузочных терминалов. Сначала мины ложились далеко в стороне, потом огонь стал более прицельным, но ни Антон, ни Павел, одуревшие от усталости после боя, теперь уже не обращали на заунывный свист и разрывы должного внимания.

Прошло еще минут пять, и одна из мин внезапно ударила прямо в комнату, где находились Сытников и Полынин.

Антон в этот миг сидел, закрыв глаза, и поэтому его не ослепило вспышкой — он вдруг ощутил адский удар, обжигающую волну горячего воздуха, и внезапно сквозь эти шоковые ощущения в контуженное сознание ворвался крик:

— Ааааа!

Он вскочил, словно безумный, не соображая в клочковатом, черном дыму, что происходит, пока не увидел Пашу: Сытников, без единой кровинки в побелевшем лице, сидел, выпучив глаза, и орал, а ног по колено у него не было…

…Следующим звуком, который дошел до сознания Антона, был басовитый вой снижающегося к башне эвакуационного модуля со «Светоча».

* * *

— Потерпи, Паша, потерпи… — Антон тащил огрузневшее тело Сытникова к лестничному пролету. Модуль уже сел, но санитаров пока не было видно. Он сам наложил Паше останавливающие кровь жгуты,

перетянув ими обрубки ног.

Морок то терял сознание, то вновь обретал его.

— Антон… — хрипел он, пока они спускались по осыпи, образовавшейся на месте рухнувших лестничных пролетов. — Там пулемет остался наверху… Не забудь его, Антон… Слышишь, он заряженный, не забудь…

Полынин молчал, понимая, что Сытников бредит. Теперь в его жизни появилась новая цель — дотащить Пашу до модуля, чтобы Морок, не приведи бог, не умер по дороге. Где же эти чертовы санитары? Боятся они подняться в удерживающееся на честном слове здание, что ли?

Осыпь бетонных обломков закончилась торчащей из-под нее рубкой «Хоплита». Обзорный триплекс кабины был выбит прямым попаданием снаряда, изнутри серв-машины сочился едкий желтоватый дымок.

Чуть ниже, на уровне засыпанного обломками выхода из здания, лежало разорванное миной тело лейтенанта Дугласа.

В этот момент Полынин заплакал… первый раз обжигающие слезы сами собой вдруг брызнули из глаз, и не было сил удержать их — солоноватые капли тонкими змейками сбегали по щекам, прокладывая извилистые дорожки в копоти и засохшей крови…

Упираясь из последних сил, он дотащил Сытникова до выхода из здания.

Модуль стоял метрах в пятидесяти от диспетчерской башни, которая со стороны выглядела как пирамида, сложенная из накренившихся плит перекрытий и крупных обломков стен, застрявших между ними.

— Ну что смотрите! — заорал Антон на двух санитаров, топтавшихся подле откинутой рампы модуля. — Сюда давайте, с носилками, суки полусонные!

Когда Пашу укладывали на носилки, он вновь ненадолго пришел в себя.

— Антон… Ты только не дай им себя убить, ладно?.. — вдруг негромко произнес он.

Полынин склонился над ним, порывисто сдернул с шеи свой посмертный медальон с записанным на тонкой стальной пластине генетическим кодом и протянул его Паше вместе с фотографией, где они снялись вдвоем, на фоне выщербленной пулями стены диспетчерской башни.

Павел сжал обе вещи в кулаке и смотрел на Антона все время, пока носилки несли к модулю.

— Паша, ты не умрешь! — не выдержав, закричал ему вслед

Антон. — Я найду тебя, обещаю!..

* * *

Когда эвакуационный модуль, забрав десятерых раненых, взлетел, Антон еще минут пять стоял на площадке перед горой битого бетона, которая несколько часов назад была башней диспетчерского контроля.

Приказ командира «Светоча», который ему передал пилот модуля, был коротким: собрать весь личный состав и удерживать стартопосадочное поле до подхода подкреплений с борта тяжелого крейсера «Апостол Петр».

Антон оглянулся вокруг и понял, что стоит совершенно один.

Один.

ОДИН…

Может, кто и остался в живых, но рядом не было никого. Кому передавать этот приказ, кто будет его исполнять?

Антон не знал этого. Он не хотел думать над этим. Он смертельно устал. Вытаскивая Пашу, он не взял своего автомата и теперь отчетливо понял, что не полезет наверх этой страшной пирамиды, мимо засыпанного «Хоплита», мимо разорванного миной тела лейтенанта Дугласа…

Развернувшись, он пошел к приземистому зданию погрузочного терминала, куда накануне боя лейтенант отправил нескольких бойцов с пулеметом и куда, по его же словам, ушел Кашперо.

* * *

Позже, валяясь на койке госпиталя и вспоминая те страшные часы, Антон так и не смог ответить самому себе на вопрос: почему он не оглянулся вокруг несколькими минутами раньше, не понял, что остался один и не улетел вместе с Пашей, на борту эвакуационного модуля?

На этот вопрос не было ответа. Так сложилась судьба…

…Войдя в сумеречное полуподвальное помещение терминала, он сразу увидел заложенное мешками с песком окно, установленный на треноге станковый пулемет с практически нетронутым боекомплектом и понял, что бойцы, посланные сюда, отступили, когда между двумя близкорасположенными терминалами поднялся ураганный огонь.

Подойдя к окну, он попробовал, как перемещается на треноге пулеметный ствол, и выглянул в амбразуру, аккуратно выложенную из мешков, набитых оранжевым песком планеты Хабор.

По площади, низко пригибаясь, двигалось человек пятьдесят ганианцев, в сопровождении двух планетарных машин.

Они шли на штурм молчаливой пирамиды, среди нагромождения

обломков которой в данный момент держали оборону лишь трупы, во главе с мертвым лейтенантом Дугласом.

Антон прижался щекой к холодному прикладу, поймал в прорези прицела крайнего в цепи ганианца и нажал гашетку.

Пулемет заработал, зло, ритмично, выкашивая пространство площади беспощадным огнем. Промахнуться с такой дистанции по группе в пятьдесят человек было попросту невозможно, тела расшвыривало ударами крупнокалиберных пуль, словно манекены. Антон стрелял, окаменев от напряжения, не в силах отпустить теплую гашетку, пока башня ближайшего к нему планетарного танка не повернулась в его сторону и не плюнула огнем прямо в амбразуру…

Глава 5

Аллор. Ночной клуб «Орфей». Спустя десять лет после событий на Хаборе.

На несколько минут в номере дорогого борделя наступила звонкая, гнетущая тишина.

— Я искал его после Хабора… — наконец произнес Антон, не поднимая головы. — Искал и не нашел!.. — Он вытащил из кармана пальто сигареты, прикурил сам и положил пачку на стол. — Я обшарил все госпиталя, реабилитационные центры… Нигде, никто не слышал про Павла Сытникова. Он никуда не поступал. В конце концов, мне сказали, что тот эвакуационный модуль был сбит ганианцами!..

— Не сбит, а захвачен, — негромко уточнила Сара, потянувшись к сигаретной пачке.

— Где он сейчас? — глухо спросил Антон.

— Не знаю, — коротко ответила она, прикурив. — По-прежнему в плену.

Скупые слова резали его, как горячий нож затвердевшее масло, легко проникая в душу, заставляя одну за другой распадаться те защитные оболочки, которые так тщательно выстраивал Полынин на протяжении долгих десяти лет…

Пытаясь как-то смириться с услышанным, Антон несколько минут сидел, хмуро глядя в пол, но воспоминания, так долго хранимые в тайниках души, уже вырвались наружу, заставляя вновь переживать события последних лет…

…Казалось, что с того момента, как их вытащили с проклятого Хабора, прошла бездна времени, все отболело, забылось, оставив после себя лишь стойкую, непреходящую неприязнь к людям определенного сорта… но нет, стоило затронуть эти воспоминания, и они тут же вернулись, во всех своих страшных подробностях, словно все происходило только вчера…

Оказывается, ничто не кончилось тем пасмурным утром, когда остатки разбитых десантных подразделений были эвакуированы с планеты на борт тяжелого крейсера «Апостол Петр». Хабор зачищали, выкуривая оттуда остатки банд ганианцев, уже без него — для рядового Полынина война завершилась еще одним ранением и окончательной потерей сознания, спустя сорок минут после того, как планетарный танк выстрелил

по амбразуре пакгауза… А для других? Для Паши, например, если его мать утверждает, что он до сих пор в плену у этих скотов?..

Антон полностью ушел в себя, в свои мысли, практически не обращая внимания на Сару Клеймон, которая, наоборот, внимательно наблюдала за едва уловимым танцем теней, что пробегали по чертам Полынина, на доли секунд искажая их…

…Он вспоминал о том, как валялся в госпитале Форта Стеллар, потом, выписавшись, получил приличную компенсацию за участие в боевых действиях и ранение, вернулся на Аллор — расцветающий центр окраинной цивилизации.

Тут он был зачислен на курсы гиперсферных пилотов. Его давняя мечта: поступить в институт истории и археологии космоса на планете Элио обязательно требовала такой подготовки, но судьба сложилась иначе — вечером того дня, когда он с несколькими вновь обретенными товарищами «обмывал» в недорогом баре у космопорта успешную сдачу экзаменов, к ним за столик подсели двое респектабельных с виду мужчин и предложили новоиспеченным пилотам попробовать себя не на линиях транспортных перевозок, а в рискованной, но высокооплачиваемой работе на частное лицо.

Для учебы в Элианском институте нужны были деньги, и Антон согласился, хотя достаточно скоро понял, что подобная «фортуна» обманчива, а больших денег никто просто так не платит. Те двое, что подсели к ним за столик, являлись агентами Джонатана, курирующими космопорт — они постоянно просеивали контингент молодых пилотов, вылавливая из общей массы таких, как Полынин, — бывших солдат Конфедерации: все еще злых, обиженных, частично дезориентированных в обществе. Расчет был безошибочным — Роглес подбирал себе людей с определенными материальными проблемами, умеющих рисковать, лишенных обывательских комплексов и страха перед незначительными нарушениями колониального законодательства.

Рукав Пустоты быстро сделал из Полынина опытного пилота — другие там просто не выживали. Работа на Роглеса полностью затянула его в свои тенета, поглощая практически все свободное время: риск был огромным, деньги — сопоставимыми, память о прошлом быстро тускнела, вот и выходит, что не искал он толком никого из той горстки ребят, с которыми вместе погибал когда-то в руинах диспетчерской башни космопорта планеты Хабор, закрылся в собственной скорлупе, осуществил, что называется, заветную мечту — стал археологом, но *черным*, грабящим оплавленные планетные могильники древних цивилизаций…

А Паша, значит, все это время…

На лице Антона отразилась горестная усмешка.

Не искал он Сытникова по-настоящему. НЕ ИСКАЛ. Успокоился на информации, что эвакуационный модуль был сбит над Хабором, погоревал, конечно, напился, как водится… Сейчас Антон запоздало упрекал себя в этом, хотя жизнь слишком сложна, чтобы вот так одной оценкой, как сабельным ударом, размежевать ее на две половины — тут хорошо, а тут плохо…

— Они выходили с вами на связь? Требовали выкуп? — наконец, глухо спросил он, поднимая глаза.

— Нет.

— Тогда откуда вам известно, что Павел жив?

Сара Клеймон выглядела достаточно спокойно, собранно. Бог его знает, может, в ее душе все уже выгорело, отболело — десять долгих лет, прожитые с формулировкой «пропал без вести», — это испытание, которому не позавидуешь…

— Недавно мне передали весточку от него, — ответила Сара и тут же пояснила, глядя на Антона: — Если ты интересуешься большой межпланетной политикой, то должен знать, что Центральные Миры недавно образовали новую Конфедерацию, в которую, помимо людей, вошли еще две ксеноморфные расы.

Полынин кивнул. Он был хорошо осведомлен о недавних коренных преобразованиях в структуре Центральных Миров и еще лучше — об открытии нового шарового скопления, где обитали логриане и инсекты — две расы, до сих пор считавшиеся вымершими, за исключением небольших деградировавших анклавов инсектов, обнаруженных людьми несколько ранее.

Сара Клеймон вновь заговорила ровным глухим голосом:

— Военно-космические силы нового союза недавно провели акцию по расчистке некоторых участков космоса, в районах, где предполагается оборудовать точки промежуточного всплытия для новых гиперсферных трасс. В результате были ликвидированы несколько баз, принадлежащих кланам Ганио. Там освободили некоторое число заложников. Человек, который передал мне весточку от Паши, из их числа. Он разыскал меня, передал, что Павел жив, но по-прежнему находится в плену, и в подтверждение отдал вот эту фотографию и карманный компьютер, который, по его словам, Паша выкрал.

— Вы обратились с этой информацией к военным?

— Да. Я посылала официальный запрос. Они предоставили мне

списки, но фамилия Сытников не фигурирует ни среди мертвых, ни среди освобожденных. Кланы, после поражения, отступили в глубь неисследованного космоса. — Она по-прежнему говорила ровно, без лишних эмоций, хотя казалось, что именно теперь пожилой женщине настало время выплеснуть накопившееся горе — ведь рядом сидел друг ее сына…

— Как вы нашли меня, миссис Клеймон?

— Человек, который передал мне вот это, — она указала на компьютер и снимок, — сказал буквально следующее: «Вам стоит разыскать парня со снимка. Его зовут Антон, фамилия — Полынин. Он, вероятно, живет на Элио или Аллоре и занимается космической археологией. Передайте ему, что Павел жив…»

Последняя формулировка ударила по нервам — болью и надеждой одновременно.

Полынин смотрел на богатую драпировку алькова, думая в этот миг о судьбе, которая вот так настигла его, десять лет спустя, в дорогом номере борделя… Хотя, какое, к дьяволам Элио, имеет отношение место их встречи с миссис Клеймон ко всему сказанному? Паша жив, вот что главное…

Полынин взял в руки мини-компьютер, еще раз внимательно просмотрев схему, которую демонстрировал маленький монитор.

На его взгляд, это был всего лишь фрагмент, выхваченный из общей дислокации каких-то баз, а пунктирные линии, ведущие в пустоту, к срезу экрана, скорее всего, являлись началом нестандартных гиперсферных курсов, но куда они ведут, оставалось полнейшей загадкой.

— Мне важно знать, куда ведут эти линии, — словно угадав ход его мыслей, произнесла Сара Клеймон.

— Вам следовало показать это военным специалистам, — с трудом отрывая взгляд от схемы, ответил Полынин.

Сара отрицательно покачала головой.

— Я предвзято отношусь к вновь созданной Конфедерации и опасаюсь обращаться к военным, — призналась она. — Неужели ты откажешься мне помочь?

Последний вопрос можно было не задавать — он прозвучал, как оскорбительное давление, но Полынин молча проглотил это… Он сильно изменился за эти годы и научился держать удары, не обращая внимания на мелкие, обидные проколы в разговоре, когда для него становились важны не слова, а сама проблема.

— Конечно, я помогу в поисках Паши, — ответил Антон. — Но я

считаю, что глупо тратить силы на анализ сложных вариантов, пока существуют более простые.

Сара стряхнула пепел с кончика сигареты и возразила:

— К сожалению, простых вариантов нет, Антон. Базы, которые обозначены на схеме, уже не существуют, — как я уже сказала, их вычистили силы Конфедерации, чтобы наладить безопасную транспортную связь между Центральными Мирами и нашими «братьями по разуму», — она почему-то криво усмехнулась, будто инсекты и логриане были ей лично чем-то неприятны. — Остались только линии, Антон. Линии, которые ведут в неизвестность, а такой расклад исходных данных — это ведь твой конек, верно?

Полынин был вынужден кивнуть, отметив про себя, что мать Павла хорошо подготовилась к разговору.

— Паша жив, но вывезен в неизвестном направлении, я правильно понял? — подвел он итог всему сказанному.

— Да. — Сара внимательно смотрела на него. — И я хочу узнать, куда именно.

Коротко и по-деловому. Антон искоса посмотрел на нее, не понимая, в какой из моментов их разговор, так сильно задевший его поначалу, начал казаться натянутой словесной игрой. Сара Клеймон рассуждала слишком спокойно, логично, правильно расставляя акценты и точно нажимая на болевые места. Она всколыхнула его память, вынудила с головой погрузиться в воспоминания о Хаборе, словно хотела сжечь все мосты в его душе, порвать всякую связь Полынина с днем сегодняшним, заставить его жить только прошлым… Антон хмурился, молча переводя взгляд с фотографии на миниатюрный носитель информации и обратно, избегая при этом смотреть на свою собеседницу, потому что в его сознании образ старой женщины не совпадал с личным представлением о том, как должна вести себя мать, разыскивающая сына, пропавшего без вести десять лет назад.

«Впрочем, что я знаю о ней? Возможно, действия в одиночку научили ее отстранение общаться с людьми, не выдавая своих эмоций?..»

— Мне нужно время, чтобы исследовать эти курсы, — подняв голову, произнес он. — Я могу взять это с собой? — Он указал на карманный носитель информации.

— У тебя дома есть достаточно мощная машина для работы с ним?

— Конечно. Я скачаю данные в свой компьютерный комплекс и смогу произвести их анализ. Единственное, что затруднит работу в ближайшие дни, — мой вынужденный отлет с Аллора, который я не могу ни

пропустить, ни отсрочить.

— То есть? — погасив сигарету, Сара Клеймон вопросительно посмотрела на него.

— Наша очередная встреча может реально состояться только через три дня, после моего возвращения.

— Тогда зачем тебе забирать компьютер сейчас?

— У меня есть еще сутки, чтобы поработать с ним. Возможно, что-то мне удастся выяснить сразу, и тогда к следующему свиданию я уже смогу высказать свое мнение по существу.

— Хорошо. — Сара выключила мини-компьютер, вставила на место световое стило и подала микромашину Антону. — Когда мы назначим следующую встречу?

— Через трое стандартных аллорских суток, — ответил он. — Чтобы не усложнять, можем встретиться тут же, у входа в клуб, часов в семь вечера, устроит?

Она кивнула.

Антон встал, но Сара осталась сидеть в кресле.

— Вы не уходите со мной, миссис Клеймон? Я мог бы вас подвезти, у меня на паркинге машина.

— Не беспокойся, Антон. Главное, я встретилась с тобой, остальное пустяки. Я уйду позже. Мне нравится тут… Хочу посмотреть, как теперь развлекается молодежь…

Полынин на миг оторопел от такого заявления, потом пожал плечами и сказал:

— Как хотите. Всего доброго, миссис Клеймон.

— До свидания, Антон.

* * *

Он вышел из «Орфея», будучи не просто сбитым с толку необъяснимой концовкой их встречи — Полынин вдруг почувствовал себя мальчишкой, которого ловко обвели вокруг пальца.

Поведение Сары, прошедшее на его глазах стремительную эволюцию от дрожащего голоса в трубке до образа вальяжно развалившейся в кресле старухи, собирающейся остаться на ночь в борделе для богатой молодежи, с трудом находило понимание в его голове.

Полынин пересек заполнившийся различными аппаратами паркинг, сел в свою машину, но трогаться с места не стал. Облокотившись о руль, он отрешенно наблюдал за прибывающими к клубу транспортными средствами, одновременно размышляя над тем, что произошло на

протяжении этого вечера.

Едкое ощущение *неправильности происходящего* вгрызалось в душу, терзая сомнениями разум и сердце.

С одной стороны, был Паша, за которого, даже спустя десять лет, он готов был ринуться в огонь и воду, с другой — эта непонятная женщина, показавшаяся ему скверной матерью и еще более скверной актрисой.

Шли бесконечно долгие минуты, а он так и не пришел к разумному выводу относительно всего случившегося.

«В конце концов, чем я рискую, изучив эти курсы?» — подумал Антон, внезапно осознав, что уже достаточно долго сидит, погрузившись в тяжелые мысли… Еще раз взглянув на часы, вмонтированные в приборную панель «Гранд-Элиота», он словно очнулся. Надо было ехать домой, если он действительно хотел успеть что-то проанализировать до утра, потому что в десять ему необходимо появиться на площадке технического осмотра, где сотрудники космопорта будут готовить к внеочередному старту его АРК.

Он уже хотел завести двигатель, когда со стороны южной окраины города в черных как смоль ночных небесах появилась сияющая точка, тревожно осыпанная проблесковыми маячками.

Антон непроизвольно задержался на паркинге еще на несколько секунд, пока не стало очевидным, что проблесковые маячки принадлежат флайеру «Скорой помощи», который круто спикировал на посадочную площадку перед ночным клубом.

Двери «Орфея» распахнулись навстречу выскочившим из машины медикам, там возникла какая-то суета, мелькнули носилки, которые неуклюже раскладывал прямо в проходе охранник ночного клуба, а вслед за фигурами в белом, спешащими к входу в «Орфей», из флайера «Скорой помощи» уже выкатилась автоматическая реанимационная камера, похожая на прозрачный закрытый саркофаг.

Расстояние от места парковки «Гранд-Элиота» до входа в ночной клуб было невелико, и Полынин, палец которого непроизвольно задержался над сенсором зажигания, вдруг с ужасом понял, что на носилках в услужливо откинувшей свой колпак реанимационной камере выносят не кого-нибудь, а *Сару Клеймон!*..

Выскочив из машины, он бегом бросился к флайеру «Скорой помощи», который стоял в центре посадочного круга, завывая сиреной и разбрасывая вокруг себя бело-голубые проблески тревожных маячков.

* * *

Растолкав нескольких подвыпивших парней и отпихнув в сторону охранника клуба, Антон столкнулся лицом к лицу с полноватой медсестрой, которая шла за носилками.

— Пропустите! Я ее родственник! — эти слова машинально сорвались с губ Полынина.

Сару Клеймон уже укладывали в саркофаг реанимационной камеры. Медсестра окинула Антона каким-то странным, не то осуждающим, не то соболезнующим взглядом и жестом пригласила отойти в сторону.

— Там вы уже ничем не поможете, — пояснила медсестра, отведя Полынина на несколько шагов. — Кем вам приходится эта женщина? — деловито осведомилась она.

— Тетка… — не задумываясь, солгал Антон. — Что с ней?

— Сердечный приступ. В ее возрасте опасно заниматься сексуальной гимнастикой в таких заведениях.

Полынина словно окатили ледяной водой.

— Черт, я не понимаю…

— Тут нечего понимать, — оборвала его медсестра, заметив, что реанимационная камера уже вползает в ярко освещенное чрево флайера. — Раз уж вы ее родственник, то я обязана спросить: какую клинику вы предпочитаете и кто будет оплачивать ее лечение?

Мысленно выругавшись, Антон продиктовал ей свои данные. Этим вечером события стремительно затягивали его в какой-то бредовый водоворот.

Двери флайера «Скорой помощи» закрылись.

— Куда везти? — напомнила о своем присутствии медсестра.

— Давайте в ближайшую клинику, по вашему усмотрению, — ответил Антон. — Главное, чтобы она не умерла… — поспешно добавил он, ощущая, как события принимают совсем дурной и абсолютно непонятный оборот. — Вот моя визитная карточка и номер счета, на тот случай, если у нее нет медицинской страховки.

— Вы не поедете с нами?

— Нет, — ответил Полынин, который понимал, что чувства, внезапно всколыхнувшиеся в его душе, никак не соответствуют роли встревоженного племянника, заботливо сопровождающего больную престарелую тетку, которой вдруг пришло в голову порезвиться на старости лет в ночном клубе. — Но, в любом случае, пусть мне позвонят из приемного отделения на мобильный коммуникатор. Вот номер и… — он прижал к визитной карточке несколько банкнот галактического банка Стеллара, — спасибо вам, сестра.

— Все будет в порядке, не волнуйтесь.

«Скорая», завывая сиреной, взмыла в ночное небо над городом.

Антон некоторое время стоял, глядя вслед удаляющимся проблесковым маячкам, потом сел в машину и снова закурил, облокотившись о руль.

Черт побери, что все это могло означать?

* * *

Дома его ждал еще один сюрприз.

Едва переступив порог квартиры, он сразу же заметил тревожные огни на терминале домашней компьютерной сети.

Скинув пальто, Полынин прямиком прошел к своему рабочему месту. Не активируя систему, не трогая кнопок и сенсоров, он обежал взглядом узор индикационных огней.

В его отсутствие кто-то пытался дистанционно взломать домашнюю сеть. Судя по сигналам, вторжение прошло безуспешно, и теперь РИГМА занималась тотальным самотестированием.

Антон прошел на кухню, ткнул пальцем в сенсор бытавтомата с надписью «кофе», вытащил из ниши заказанный напиток и направился в кабинет, где у него был установлен еще один локальный компьютер, отрезанный как от городских линий, так и от глобальной сети Интерстар.

Иногда полезно отгородиться от внешних воздействий. За РИГМУ он сильно не переживал — сетевой терминал не хранил никакой важной информации, он служил скорее для связи с внешним миром: путешествий по сети Интерстар, электронной переписки и так далее. Все важные документы, касающиеся его настоящей работы, а также программы для их обработки Антон хранил даже не в памяти машины, а на отдельных кристаллодисках — миниатюрных носителях информации, вмещавших в себя до сотни гигабайт данных.

Сев в офисное кресло, он отхлебнул глоток кофе, прикурил сигарету и глубоко задумался, чувствуя себя далеко не лучшим образом.

Как резко все перевернулось в душе за последние несколько часов!.. Мог ли он предполагать, выезжая на встречу, что раздражение, вызванное неурочным звонком, сменится сначала потрясением от известия, что Павел жив, а потом…

Резко и тревожно зазвонил коммуникатор.

Антон вскочил, потому что трубка мобильника осталась в кармане пальто, в гостиной. У того коммуникатора был отдельный номер.

— Да? — ответил он, схватив устройство связи.

— Это Антон Полынин? — осведомился незнакомый голос.

— Да, да!

— Говорят из приемного отделения городской больницы шестнадцатого уровня. — Голос дежурного врача был по-деловому сух. — К сожалению, Сара Клеймон скончалась по дороге к нам, не приходя в сознание.

Слова администратора больницы ударили Антона, словно обухом по затылку. Несколько секунд в ушах стоял звон, во рту внезапно появился забытый солоноватый вкус крови — это адреналин хлынул в сосуды.

— Она вообще не приходила в сознание? Может быть, она говорила что-то перед смертью?

— Нет, сэр. Мне ничего не известно. В приемное отделение привезли мертвое тело — она скончалась по дороге. Вам необходимо указать адрес ее родственников или подъехать самому для опознания и оформления документов на кремацию.

— У нее нет родственников, — машинально ответил Антон. — Я подъеду сам. Диктуйте адрес.

Записав данные больницы, он вернулся в кабинет и сел на край вращающегося кресла, сцепив руки в замок.

Он чувствовал себя приблизительно так же, как выглядел: угрюмый, бледный, в руках по-прежнему зажата трубка мобильника, губы сжаты в плотную, упрямую линию…

«Что-то пошло не так…» — Внезапно вернувшееся чувство вырвалось из прошлого, оно было сродни тому ощущению, которое испытал рядовой Полынин, когда первая ракета поразила их модуль над Хабором.

За окном, пробиваясь сквозь шторы, бесновались отблески реклам, по подоконнику отчетливо барабанил зарядивший надолго дождь.

Он с усилием расцепил пальцы и набрал номер.

— Джонатан?..

— Да, это я. Что случилось, Антон? Почему ты звонишь мне по прямому номеру?

— Один вопрос, Роглес.

— Да, я слушаю, — в голосе босса просквозило неудовольствие, но Полынину сейчас было не до интонаций работодателя.

— Вчера или сегодня ты дал мой домашний телефон своей знакомой Саре Клеймон. Я хочу спросить: как давно ты ее заешь? Кто она?

На том конце связи наступила короткая пауза.

— Извини, но ты ошибаешься, Антон. Я впервые слышу это имя и

фамилию, а давать твой домашний номер кому бы то ни было не в моих привычках, ты же знаешь. У тебя проблемы? — тут же осведомился Роглес.

— Нет, все в порядке.

— Мне кажется, что ты лжешь.

— Я же сказал — нет.

— Ну смотри.

— Джонатан, у тебя действительно не было никаких разговоров обо мне с некой пожилой женщиной?

— Антон, ты мне не нравишься в последнее время. Что это за трескотня по коммуникатору? — Роглес окончательно разозлился. — Есть проблемы — приезжай, обсудим…

— Я задал вопрос, Джонатан.

— Тогда я отвечаю — нет. И не звони мне сюда по всяким пустякам.

В трубке часто запищал сигнал отбоя.

* * *

Чтобы взять себя в руки, Антон открыл встроенный в стену кабинета мини-бар и плеснул в бокал коньяка.

«Сара Клеймон…» — Он залпом выпил содержимое бокала, поморщившись от резкого запаха. Опять дешевая подделка на спирту… Надо бы узнать, у кого закупает эту дрянь администратор этажа. Коньячный спирт, чуть сдобренный ароматическими добавками, не принес удовольствия, только оглушил вкусовые рецепторы, но мысли Полынина, под воздействием выпитого, начали понемногу успокаиваться.

«И чего я так занервничал?» — подумал он, доливая до половины опустевший бокал. — «Надо мыслить здраво, последовательно. Есть ведь явный конец ниточки…»

Он сел в кресло, задумался.

У Паши была фамилия Сытников. При чем здесь Клеймон? Или он носил фамилию отца?.. Такое случается.

Данный вопрос следовало выяснить. Еще нужно было узнать, кто пытался взломать сетевой терминал его квартиры, и, конечно, необходимо съездить в городскую больницу шестнадцатого уровня.

Составив этот мысленный перечень, Антон накинул пальто, на этот раз не проигнорировав плечевую кобуру с импульсным пистолетом. Разрешение на оружие у него имелось: официально он числился охранником в одной захудалой фирме центрального космопорта Аллора.

— РИГМА, ты жива? — задал он чисто риторический вопрос, остановившись у нервно моргающего индикаторами терминала.

— Идет процесс глобального тестирования системы, — ответил механический голос.

— Кто пытался тебя взломать?

— Не установлено. Это был не взлом. Осуществлялась атака с целью перемещения массива данных на мои носители.

— Что?! Кто-то пытался закачать в тебя информацию?!

— Да.

— Откуда исходила атака? Сервер, телефонный номер?

— Передача велась с флайера «Скорой помощи», бортовой номер 784, код для связи 801.

По телу Полынина прополз медленный озноб.

«Таких совпадений не бывает…»

— Тебя пробили? — резко спросил он.

— Нет. Когда атака прервалась, моя система защиты доступа была разрушена на девяносто процентов, — сообщил синтезированный голос.

Смерть — это была единственная ассоциация, возникшая в голове Антона.

Атака с целью передачи каких-то данных прервалась в момент смерти Сары Клеймон… Еще перед началом разговора в «Орфее» он заметил, что выглядела она прескверно: если бы не макияж, можно было бы снимать ролик про покойницу, восставшую из могилы, с нею в главной роли…

«Хотя дурное самочувствие не помешало ей зацепить в ночном клубе кого-то из посетителей». — От этой мысли на душе Антона стало мерзко. Все остальное — судороги, следствие, а ведь настоящая причина ее смерти кроется отнюдь не в переживаниях за сына…

Ситуация по-прежнему складывалась препаршиво, во-первых, из-за внезапности случившихся событий, а во-вторых, из-за массы так и не нашедших удовлетворительного объяснения фактов…

— РИГМА, если обнаружишь в себе «лишние» файлы, не уничтожай, помести в карантин.

— Принято. Антон вышел.

На сердце было тяжело, в душе скребли кошки, и объяснить это состояние Антон не мог. Просто хреново, вот и все. Воспоминания о штурме космопорта планеты Хабор смешивались в душе с мыслями о Сытникове, потом очнувшийся внутренний голос опять начал нашептывать что-то о нелогичности происходящего, но Антон выдерживал этот прессинг сумбурных мыслей, лишь пока ехал в лифте.

Затыкать внутренние голоса, прятать мысли он умел.

* * *

Был второй час ночи, на улице похолодало, из вентиляционных труб небоскребов валил пар, с неба срывалась хмарь нудного дождя.

Сев в машину, он вырулил на главную магистраль уровня, влился в сияющий огнями транспортный поток и повел свой «Гранд-Элиот» к шестнадцатой больнице.

По дороге он старался в деталях припомнить свой разговор с Сарой.

Она хотела, чтобы он расшифровал истинное значение гиперсферных курсов, исходные данные о которых содержались на носителях карманного компьютера. Она искусно пробудила его память о давних событиях, заставила ощутить запоздалое чувство вины перед Павлом, а потом, после их разговора, который для нее почему-то оказался намного менее тяжелым, чем для Антона, вдруг осталась развлекаться в ночном клубе… Идиотизм какой-то…

Ладно… Отставим пока в сторону ее нравственный облик. Будем следовать логике. Что она собиралась делать с расшифрованными данными курсов? Пытаться выйти на контакт с кланами Ганио, шантажируя их знанием местоположения скрытых баз? Выторговать в обмен на свое молчание жизнь Паши?

Полынин невесело усмехнулся. Зная ганианцев, несложно было предположить, что таким ходом Сара Клеймон просто приговорила бы себя и сына к смерти.

Кланы торговались только в том случае, когда видели реальную опасность, грозящую им. А какая опасность может исходить от старухи? Ее бы элементарно вычислили и убрали, прихлопнули, как блоху…

Выруливая на площадку перед зданием больницы шестнадцатого городского уровня, Антон машинально прикоснулся к внутреннему карману пальто.

Мини-компьютер и фотография были на месте, у сердца, рядом с импульсной «Гюрзой», притаившейся в кобуре под мышкой.

Опять этот назойливый солоноватый вкус крови во рту…

Вкус близких смертей. Он не знал — чьих, но чувствовал — его «спокойная» жизнь на Аллоре, работа на Роглеса — всё кончилось этим вечером.

Что ждало Антона впереди — неизвестно.

* * *

Визит в морг на опознание тела только добавил вопросов в

мысленный список Полынина. Создавалось впечатление, что этой ночью судьба решила подбросить ему внеплановый тест на Ай-Кью.

Сара Клеймон в обнаженном виде, с тщательно удаленным макияжем производила ужасное впечатление.

Ее трудно было назвать старухой — перед Полыниным на выдвижных носилках лежало нечто сморщенное, иссохшее… не человек, а обтянутый морщинистой кожей скелет.

— Вы ее родственник? — осведомился сотрудник морга.

— Нет, знакомый, — ответил ему Антон, не находя смысла лгать. — Вы установили причину смерти?

— Вскрытия еще не было, но предварительный диагноз: обширный инфаркт на фоне прогрессирующего старения организма. Случай не такой уж и редкий.

— Вы раньше сталкивались с подобным? — Антон посмотрел на сморщенное, ссохшееся тело. — Мне кажется, что до такого состояния человека можно довести только при длительном заключении, не давая ему пищи.

— Вы ошибаетесь, господин Полынин, — ответил сотрудник морга, посмотрев на пластиковый прямоугольник, который прикрепили на грудь Антона при входе в учреждение. — Истощение — лишь следствие, настоящая причина подобного печального конца — сверхдолгий криогенный сон. Понимаете ли, каждая камера низкотемпературного сна имеет свой ресурс. У приборов есть ограниченный запас реактивов для поддержания вялых метаболических процессов в подопечном организме и контроля за их качеством. Если человека не разбудить вовремя, то гарантийный запас камеры заканчивается, и тогда организм человека начинает медленно пережигать свои, внутренние запасы, сначала жировые отложения, потом любые доступные энергоемкие вещества в клетках тканей.

«Криогенный сон?! Ни хрена себе — новость…» — Полынин не удержался от того, чтобы мысленно выругаться. Слишком много сюрпризов за одну ночь…

— А сколько может длиться такой процесс? — осведомился он, глядя на безобразное тело старухи.

Доктор пожал плечами.

— Сотни лет. Все зависит от личного здоровья пациента и конструкции криогенной камеры. Иногда, даже после длительного криогенного сна, люди выходят из своих гибернационных ячеек вполне здоровыми, внешне — молодыми, такими же, как ложились в них, но потом

наступает процесс сокрушительного старения. — Нам, например, известен случай, когда молодая девушка превратилась в старуху и умерла в течение одного года.

— Понятно… — Антон с трудом заставил себя подойти к изголовью выдвинутых из морозильной камеры носилок. Череп Сары был обрит наголо, и в районе виска был хорошо различим имплантированный в костную ткань компьютерный разъем. Его наличие не могло вызвать удивления — Антон и сам носил в височном отделе черепа такую же вживляемую еще в роддоме конструкцию, но вот внешний вид имплантанта, предназначенного для прямого нейросенсорного контакта с разными типами электронных машин, навел его на определенные подозрения.

— Нестандартная форма, верно? — заметил он, склонившись ниже.

По краю овального металлического включения в человеческую плоть шла мельчайшая вязь букв на интеранглийском.

Надпись невозможно было разобрать без увеличительного инструмента, но у Антона холодок пробежал по спине — это было *предчувствие*…

Он резко разогнулся, делая вид, что просто отдавал последнюю дань охладевшему телу.

— Нам с вами нужно соблюсти некоторые формальности и определенным образом решить ее судьбу. — Сотрудник морга явно хотел решить все имевшиеся в его ведении вопросы поскорее. — Полиция уже была, признаков насильственной смерти нет, к вам лично у них никаких претензий не имеется. Остается решить, каким образом…

Антон быстро сообразил, что за список вопросов ему предложат, и поэтому не стал дожидаться его оглашения.

— Я готов подписать документы и взять на себя расходы по кремации, — произнес он.

— Согласие на вскрытие? — доктор пристально посмотрел на Полынина.

— Думаю, нет, — твердо ответил он. — Я хочу, чтобы Сару Клеймон кремировали как можно быстрее, а урну с прахом и личные вещи передали мне. Вот моя визитная карточка. Здесь, на Аллоре, я единственный, кто знал ее.

— А родственники, дети?

— Ее сын служил со мной на одном корабле Конфедерации Солнц. Он считается погибшим на Хаборе. Можете проверить эту информацию через компьютер. Она прилетела сюда лишь потому, что я оставался

единственным, от кого она рассчитывала получить помощь.

— А признаки криогенного старения?

— Не знаю. — Антон не стал лгать. — Без комментариев. Я могу засвидетельствовать личность покойной, как Сары Клеймон, уроженки и гражданки планеты Земля, — Полынин отстегнул от выдвинутых из стены носилок статкарточку и воткнул ее в щель сканера, — что совпадает с документами, — удовлетворенно заключил он, посмотрев на экран, — поэтому я готов принять ее прах и оплатить формальные расходы. Все остальное — без комментариев.

— Хорошо, — после некоторого колебания согласился доктор. — Ее кончина не вызвана насильственной смертью, а все остальное меня не касается… — пробурчал он, поднимая взгляд на Полынина. — Вы желаете присутствовать при кремации?

— Нет, я подожду в коридоре.

— Хорошо, через полчаса я вынесу вам урну с прахом, личные вещи и все документы, свидетельствующие о ее смерти.

* * *

Сев в машину, Полынин забросил урну с прахом Сары Клеймон на заднее сиденье и захлопнул дверь. В таком не очень почтительном отношении к праху усопшей он не видел ничего кощунственного — во-первых, мертвым все равно, а во-вторых, зачем она лгала, что приходится матерью Паше Мороку?

Достав мобильный коммуникатор, он набрал номер.

— Это «Скорая»?

— Да, что случилось, сэр?

— Со мной ничего. Я хочу поговорить с кем-нибудь из бригады, выезжавшей по вызову в ночной клуб «Орфей».

— Не могу вам помочь. У них сломался бортовой компьютер на машине, и бригада получила вынужденный выходной.

— Спасибо, извините.

Антон отключился, достал сигареты, прикурил. Выпуская дым, он облокотился о руль и покосился в сторону заднего сиденья, где лежала непритязательная погребальная урна с кремированными останками миссис Клеймон.

Включив бортовой компьютер «Гранд-Элиота», он задал машине маршрут движения, а сам занялся осмотром вещей Сары.

Ничего необычного в сумочке не нашлось: пластиковая коробочка универсального косметического набора, несколько банкнот по сто

галактических кредитов, статкарточка, которую заботливо вложил туда служащий морга… Каких-то иных документов, записных книжек, авиакосмических билетов, водительских прав Антон не обнаружил, зато уловил специфический запах: так пахнут новые вещи из синтетической кожи, только что приобретенные в магазине.

Значит, Сара Клеймон прибыла на Аллор, что называется, с пустыми руками. Полынин прикурил очередную сигарету, приспустил боковое стекло, и в сухое тепло автомобильного салона тут же ворвалась влажная ночная свежесть.

Прибыла на Аллор, зная только его имя и фамилию? И сразу же нарвалась на Роглеса, своего «старого знакомого», который радушно сообщил ей все недостающие сведения, а теперь начисто отрицает это?! Интересный получается нонсенс, если рассматривать последовательность событий и вытекающих из них выводов в свете теории вероятности…

Сигаретный дым сизой струйкой уползал в щель приоткрытого ветрового стекла. Мимо мелькали яркие огни ночного города, «Гранд-Элиот» под управлением автопилота выехал на развязку пятнадцатого уровня, промчался мимо ярко освещенных витрин круглосуточно работающих супермаркетов и вновь поднялся на шестнадцатый городской ярус.

Впереди, перед многополосным съездом в крытый паркинг, показалось голографическое изображение красного креста, совмещенного со знаком технической службы.

* * *

Антон не стал съезжать внутрь. Оставив машину неподалеку от спуска, он поднял воротник пальто и прогулялся последние сто метров пешком. Импульсный пистолет он на всякий случай положил в правый карман.

Остановившись подле стеклянной будки охраны, Антон сделал вид, что прикуривает. Внутри пластиковой колбы, которые в просторечье именовали «аквариумами», никого не оказалось — значит, въезд контролирует автоматика.

Общаться с компьютерами Полынину было проще, чем с людьми, потому что у последних разные характеры, в основном — скверные (пойди поработай охранником), а железки, как правило, стремятся к стандарту, они молчаливы и послушны при верном подходе, поэтому Антон предпочитал по возможности применять знания кибернетики — психология давалась ему с трудом. Чтобы эффективно взломать машину, Антону требовалась от

силы минута, ну а чтобы «взломать» живого охранника, необходимо, как минимум, влезть в его шкуру, понять, чем он жив, завязать беседу, подобрать соответственный ключик… Обычно терпение у Антона кончалось быстро — ему откровенно не нравилось пребывать в чужих шкурах, — и в таком случае неоспоримым аргументом в беседе становился холодный ствол импульсного пистолета, приставленный к башке оппонента, а это, как ни крути, вооруженное нападение…

На этот раз Полынину повезло: охранный компьютер на техническом паркинге станции «Скорой помощи» не работал вообще. Заглянув в диспетчерскую будку, Антон среди прочей аппаратуры разглядел нехитрое устройство с фотоэлементом, которое срабатывало на свет фар определенной мощности, поднимая при этом шлагбаум.

«Хорошая у них система доступа, нечего сказать», — подумал Антон, преодолевая символическое препятствие в виде стальной балки, выкрашенной в черно-желтую зебру.

Участок ремонта был залит ярким светом прожекторов. Машин на площадке оказалось всего две, и Антон сразу признал оранжево-белый флайер с бортовым номером 119, который забирал Сару Клеймон от ночного клуба «Орфей».

Все защитные кожухи аппарата, скрывавшие под собой электронные и механические внутренности машины, сейчас были подняты, а из кормовой ниши торчали ноги и зад человека.

— Привет! — Антон облокотился о стойку, подпиравшую кожух.

Человек, возившийся в узком пространстве кормового отсека, вздрогнул от неожиданности, ударившись при этом головой о вытащенный из гнезда приборный блок.

Чертыхнувшись, он извернулся и червяком выполз наружу.

— Чего тебе? — он исподлобья посмотрел на Антона. Полынин достал купюру в сто кредитов.

— А где экипаж машины боевой? — спросил он.

— По домам разошлись. — Взгляд техника заинтересованно остановился на банкноте. — Так чего надо, говори?

Антон присел на край верстака, выбрав взглядом место почище.

— Тетка у меня умерла сегодня, — произнес он. — Бригада этой машины везла ее в больницу, там мне сказали, что боролись они за ее жизнь крепко, вот только судьба… — Он горестно покачал головой, — не смогли ничего сделать. — Полынин помял в руках радужную купюру банка Галактика-центр. — Хотелось поблагодарить парней, чтоб выпили за упокой души…

— Они и так сейчас пьют, — неприветливо прокомментировал техник. — За упокой ли, не знаю, но дома, а я тут вожусь, как проклятый, после смены. Все твоя тетушка… — Сотрудник гаража уже, видно, прикинул, по справедливости, что компенсация положена скорее ему…

— А что, сломала что-нибудь? Рукой зацепила в агонии? — Антона воротило от этой дрянной комедии, но тыкать стволом в череп ничего не подозревающего и ни в чем не повинного техника хотелось и того меньше.

— Да, если бы… — Техник присел рядом с Полыниным, не подозревая о мыслях, которые роились в голове позднего посетителя. — Сигарета есть?

Антон протянул ему пачку.

— Бортовой компьютер нам спалила твоя тетушка, — сообщил техник, щелчком выбивая сигарету.

— Это как? — удивился Антон.

— Просто. Когда человеку делают реанимацию, то сердце стимулируют через мозг, — со знанием дела пояснил сотрудник гаража. — Это раньше тыкали в грудь электрошоком, а теперь аккуратно, через височный имплант, понимаешь?

— Нет… — покривил душой Антон.

— Ну как тебе объяснить?.. У нас компьютер «знает» основные команды, которые центральная нервная система передает органам. А разъем, вживляемый еще в роддоме, — он выразительно постучал себя пальцем по виску, где располагалась мягкая прорезиненная заглушка, предохраняющая контакты импланта от попадания влаги и пыли, — позволяет временно перехватить управление нервной системой и подать импульс, например, на сердечную мышцу.

— А, теперь понял. — Антон щелкнул зажигалкой, давая ему прикурить.

— Так вот, у твоей тетки не все в порядке оказалось, не то с головой, не то с самим имплантом, ты уж извини, что я так прямо… видно, она здорово была перевозбуждена, перед тем как случился инфаркт, и получилось все наоборот. Когда к ней подключили комплекс реанимации, то не компьютер стал посылать управляющие импульсы через ее мозг, а сам вдруг начал получать информацию. У нее крутились в голове какие-то воспоминания, образовалась обратная связь, система защиты не устояла, и все пошло на фиг… — он с досадой сплюнул на пол. — Бред твоей бабушки оказался на носителях компьютера, а программы, которые там были, — стерты. Как такое вышло, до сих пор понять не могу. Всю систему, к черту, надо переустанавливать.

Слушая его, Антон машинально покусывал фильтр сигареты. Рука в кармане пальто сжала теплую рукоять импульсного пистолета.

— Да, досталась тебе работенка. И все из-за моей тетки… Слушай, а на кристаллодисках действительно ее воспоминания?

— Не знаю, ее или не ее, бред там какой-то. Я, конечно, немного полюбопытствовал, но…

— Ладно, ты скажи, мы с тобой можем договориться? — Антон мял пористую рукоять «Гюрзы», не доставая пока ствол.

— О. чем?

— Я покупаю у тебя диски, взамен ты поставишь новые, исправные, — тебе не нужно будет вычищать воспоминания моей тетушки, а я получу память о ней?

Техник некоторое время думал, потом осторожно заметил:

— Так дорогие они. Почти по девятьсот кредитов.

— Ну память-то, сам понимаешь, дороже… Тетка-то была любимая, единственная, видно, чувствовала скорую кончину, вот и прилетела навестить перед смертью, а мы толком и поговорить не успели.

— Ну если так… — парень с сомнением покосился на Полынина. — Только давай сразу, мне к утру машину сдавать из ремонта.

— Сколько испорченных дисков? — поинтересовался Антон.

— Два.

Антон вытащил руку из кармана пальто.

— Вот тебе три штуки. По полторы за диск. Устроит? По глазам было видно — не просто устроит, а очень даже устроит. Антон не сомневался, что замену проданным кристаллодискам техник найдет, не прибегая к покупке новых носителей информации, а все деньги положит в карман, ну да это его дело.

— Идет, — техник без дальнейших разговоров полез в нутро флайера «Скорой помощи», и его поспешность выдавала справедливое опасение — вдруг этот чудак передумает платить три тысячи за бредовые обрывки памяти скончавшейся старухи?

Нет, Антон не собирался передумывать. Из всего случившегося за последние несколько часов, он был откровенно рад лишь одному обстоятельству, тому, что не пришлось прибегать ни к каким силовым мерам.

После Хабора он долго не мог «влиться» в мирную, созидательную жизнь и быстро, слишком быстро для нормального обывателя терял терпение. Потому, наверное, и не любил общество, а предпочитал одиночество, общение с машинами, и работу себе выбрал в соответствии с

этим: не криминал, но где-то на грани фола, на зыбкой, порой неразличимой черте между законом и беззаконием, в черном, лишенном звезд провале, именуемом «Рукав Пустоты», где среди обломков разорванных древними катаклизмами планет кружат в гробовой тиши вакуума немые останки древних цивилизаций.

— Вот, — техник вылез из кормового отсека с двумя кристаллодисками в руках.

Глава 6

Аллор. Квартира Антона Полынина.

Домой Антон вернулся в начале четвертого утра.

«Гранд-Элиот» мягко съехал по пологому пандусу в тускло освещенное дежурными лампами пространство общественного гаража.

Автопилот загнал машину в бокс с номером квартиры Полынина. В принципе, Антон мог выйти раньше, у подъезда, перепоручив парковку автоматике, но на улице по-прежнему шел дождь, а он не хотел мокнуть, решив, что воспользуется лифтом, который вел на жилые уровни небоскреба из промежуточной технической секции.

Такое поведение Полынина разочаровало двоих, поджидавших его в тени подъезда людей.

Один из них выругался на незнакомом, режущем слух языке, второй молча толкнул напарника к дверям, под дождь.

Оба были вооружены — что-то выпирало из-под серых плащей, скрадывавших фигуры, словно балахоны древних пилигримов.

Пока они пытались сориентироваться в сумраке общественного паркинга, Полынин уже вошел в лифт и нажал кнопку нужного этажа.

Услышав легкий свистящий звук удаляющегося вверх подъемника, двое преследователей яростно заспорили на том же языке, судя по жестам, упрекая друг друга в некомпетентности. То, что они являлись дилетантами в вопросах слежки, уже не вызывало никаких сомнений. Не зная номера квартиры Полынина, они все же сумели принять одно здравое решение: продолжая переругиваться, кинулись к технической лестнице.

Расчет был прост: в эти утренние часы лифт должен еще долгое время оставаться на том этаже, куда поднялся Полынин.

Антон не видел этой суеты, образовавшейся за его спиной. Забрав урну с прахом Сары Клеймон и два приобретенных за баснословную сумму кристаллодиска, он поднялся на сто семнадцатый этаж и вошел в квартиру, которую снимал в этом доме вот уже четыре года подряд.

…Свет зажегся автоматически.

Антон скинул пальто, прошел в комнату. РИГМА все еще моргала приводами, что-то перетасовывая на своих постоянных запоминающих устройствах. Судорожное помаргивание индикаторов не понравилось Антону — он не любил, когда машина начинала жить «своей жизнью», совершая множественные операции без ведома и контроля с его стороны.

Поставив урну с прахом и два кристаллодиска на свой рабочий стол, где был установлен второй, изолированный от сети компьютер, Антон принес из кухни большой пакет из черного пластика, предназначенный для упаковки мусора, и расстелил его на столе.

Прикурив, он некоторое время сидел, вновь мысленно перебирая события этого вечера и ночи.

Все казалось ему слишком странным, необъяснимым. Полынин не мог проследить связи происходящего со своей работой на Роглеса, и, в конце концов, ему пришлось сделать определенный вывод: волна событий пришла из прошлого, она началась не тут, не на Аллоре, и, вероятно, долгие годы катилась через миры, пространство, чьи-то судьбы, чтобы вот так настичь его, десять лет спустя, прямым упоминанием о Паше Сытникове, по кличке Морок, которого он вытащил из боя на Хаборе и сам лично погрузил в эвакуационный модуль с прощальным возгласом: «Держись, Паша, я найду тебя!»

Он не любил вспоминать те дни. Слишком много крови было пролито на Хаборе из-за предательства властей предержащих, из-за тайных коррумпированных связей, что пронзали структуру старой Конфедерации… и еще очень долго выжившие бойцы, кто хоть мало-мальски интересовался политикой, не могли отделаться от чувства, что они сыграли роль марионеток, пушечного мяса в обыкновенной бандитской разборке, происходившей на каком-то недосягаемом простому смертному «высшем уровне».

Где-то назначались встречи, решались вопросы, делились сферы влияния и интересов, а там, на Хаборе, куда их кинули с орбиты, все складывалось по-другому: там лилась кровь и погибали молодые парни, там рассудок низводился до состояния полного зверского отупения, и те, кто вышел оттуда живым, навечно унесли в своих душах это страшное клеймо…

Планета Хабор. За несколько часов до эвакуации.

Это была четвертая контузия.

Взрывом Полынина отбросило от набитых песком мешков, осколки просвистели мимо, но он уже не слышал их визгливого рикошета. В глазах потемнело, мир на несколько секунд погрузился в черно-красную мглу, потом зрение вернулось, но слух нет.

Ватная, ненатуральная тишина окружила его.

Он слышал только звук биения собственного сердца — этот ритм шел

изнутри, он был глухим, медленным и неравномерным.

Стены изуродованного складского помещения качались перед глазами.

Бум… Бум… Бум… … …Бум, Бум… … …Бум…

Глухие удары сердца отзывались тупой болью в голове.

Он подполз к закопченному проему окна.

Мешки с песком, нашпигованные пулями, посеченные осколками, начали расползаться, песок беззвучно струился из прорех, собираясь на полу коническими кучками.

Ствол пулемета был горячим от недавней стрельбы.

Антон плохо соображал в этот момент. Ноги казались ватными, как та тишина, в которую внезапно погрузился разум: реальность проплывала перед помутившимся взором, словно панорама полигона в узкой прорези виртуального шлема. Ноги разъезжались, под подошвами ботинок перекатывался толстый ковер стреляных гильз.

Мыслей не было. Страха тоже. Все исчезло, словно разум перешагнул некую черту, за которой инстинкт самосохранения теряет смысл. Азарт боя прошел, наступило тяжкое отупение, усугубленное очередной контузией.

Мир действительно сузился, рамки восприятия ограничивались выщербленной амбразурой, горячим, ребристым кожухом ствола, огрызком пулеметной ленты, торчащей из казенной части глянцевито-черной машины, и ударами сердца, каждый из которых отдавался всплеском ноющей боли в районе барабанных перепонок.

Антон взялся за теплый кожух, упер приклад в отбитое отдачей плечо, повел стволом.

В поле зрения лежал покрытый воронками, засыпанный мусором участок недостроенной парковочной площадки. Метрах в ста виднелся остов сгоревшего внедорожника, того самого, который выскочил на них несколько часов назад перед началом штурма диспетчерской башни. Огонь давно погас, обгоревший кузов машины был изрешечен пулями, помят настолько, что утратил всякое сходство с первоначальной формой, превратившись в мятый, обугленный ком…

Где же эта БПМ?..

Мутный взгляд Полынина скользил по зловещей панораме руин. Слух более не мог помочь ему, не было слышно ни рева моторов, ни стрельбы, ни криков. Создавалось впечатление, что он действительно остался совершенно один.

Он посмотрел вправо и увидел троих ганианцев.

Они присели за обломком бетонной конструкции, прячась от огня.

Нет, он обманывался, кто-то еще держался на территории космопорта.

Звуки исчезли, но взгляд фиксировал фонтанчики пыли и бетонной крошки, выбиваемые пулями. Кто-то вел огонь с третьего этажа правого крыла главного административного здания. Может, это был такой же, как он, полумертвый, оставшийся в полном одиночестве боец, а может, их там уцелело несколько человек, а возможно, это Кашперо, который ушел проверить данный терминал и канул в неизвестность, кто знает?..

Ганианцы, присев, выжидали момент для очередной перебежки, понимая, что сейчас они находятся вне досягаемости для тех, кто еще удерживал правое крыло административного здания. Двое курили, сплевывая на бетон, третий возился с заклинившим от частой стрельбы механизмом подствольного гранатомета.

Полынин посмотрел на свое оружие.

Огрызок ленты, выползая из коробчатого магазина, тускло блестел желто-красными жалами крупнокалиберных боеприпасов. Трассеры… Значит, ленте конец, в недрах магазина едва ли осталось с десяток патронов. Трассеры для того и снаряжались последними, чтобы их зримый росчерк предупредил бойца — пора менять боекомплект.

Нечем его менять. Все закончилось… патроны… надежда… вера… осталась лишь злость…

Он плотнее приложился к прикладу, повел стволом, ловя в прицеле спину ближайшего ганианца, и нажал на спуск.

Ребристый кожух ствола задрожал, на срезе пламегасителя затанцевал злой язычок огня, ритмично замолотил механический затвор, очередь трассирующих пуль резанула по спинам ганианцев, отшвыривая тела, кроша камень, высекая искры рикошета.

Это длилось всего с десяток секунд, затем пулемет вздрогнул и затих… кончились патроны в ленте, только курился сизый дымок, истекая из казенной части и продолговатых прорезей горячего кожуха.

«Ни хрена… Не пройдете вы здесь… Ни хрена не пройдете…»

Антон отпустил бесполезную теперь машину. Пулемет, установленный на треноге, понурил ствол, словно понимал — все, не резать ему больше кинжальным огнем этот участок маленького фронта, и неизвестно, чьи руки в следующий раз коснутся его натруженных механизмов, придет ли кто, чтобы вновь вставить в него непочатый боекомплект, и задрожит ли он снова, преданно работая в усталых, покрытых ссадинами руках?

Вряд ли…

Антон несколько секунд сидел, привалившись плечом к разорванным мешкам с песком. Время текло медленно, ненатурально, ток крови в

контуженном сознании становился все болезненнее, небритая щека ощущала ноющий холод, исходящий от полимерной оболочки набитого песком мешка, на котором была нанесена трафаретная надпись:

«Гуманитарная миссия Совета Безопасности Миров.
Сахар. Масса 50 кг…»

Сидеть тут, ожидая, пока ганианцы ворвутся в здание, не было смысла. Нужно идти к своим, в правое крыло.

Он с трудом поднялся на ноги, огляделся. Стены полутемного помещения скалились сотнями выщербин, оставшихся от пуль, верхняя часть мешков превратилась в лохмотья, пол покрывал густой слой гильз.

Трупы на парковочной площадке темнели без счета, может, там осталось человек пятьдесят, может, больше, кто их считал? Антон посмотрел на треногу, на опущенный ствол и не решился бросить машину просто так. Ощущая саднящую боль в содранных пальцах, он снял кожух, вынул затвор и положил его в карман. Все… Теперь ты больше не будешь стрелять.

Шатаясь, он вышел из посеченного пулями склада.

В коридоре ему попалось несколько тел, разорванных взрывом. В стене зияла уродливая дыра, на полу лениво догорали пузырящиеся осколки облицовочного пластика.

Не чувствуя ни душевной боли, ни каких-то иных эмоций, он обшарил трупы, нашел два выстрела для подствольного гранатомета, полупустой магазин и разряженную батарею питания от «ИМ-12», сунул все в клапан разгрузки и пошел дальше.

Бум… Бум… Бум…

Кровь продолжала глухо ломиться в виски, стирая все иные проявления внешнего мира.

Ты останешься здесь… Ты никогда больше не увидишь ни открытого космоса, ни иных планет, не будешь любить и ненавидеть, плакать или смеяться… Твой труп потом небрежно перевернут, обшарят карманы и клапана разгрузки, вытащат все ценное, потому что на погребение павших, на сопереживание смерти уже не осталось сил.

Несколько часов назад такие мысли показались бы ему кощунством, но теперь в его душе все изменилось.

Остались ошметья личности, порванные в клочья, словно внутри него рванула граната. Эти окровавленные обрывки самосознания еще инстинктивно пытались сблизиться, сползтись, срастись вновь в единое

целое, но даже если это удастся, что выйдет в конце концов? Криво собранный, покрытый шрамами, уродливый призрак души? Пусть даже так… отболит, срастется, а что дальше? Как поведет себя этот зомби, сшитый из кусков разорванной личности? Чем он будет жить? Какой смысл найдет в последующем существовании?

Эти совершенно ненужные сейчас мысли, не имеющие никакого отношения к реальности, скользили по поверхности оглушенного разума, не оставляя зримого следа.

«Потом» не будет… Есть только данный миг, есть узкий кусок реальности, есть последняя капля жизненных сил, чтобы идти и снова убивать… до последнего патрона, до судорожного, похожего на всхлип вздоха перед тем, как сжать сенсор единственной оставшейся гранаты, которая лежит в кармане, приготовленная *для себя*…

Он не хотел попасть к ганианцам живым. Антон смог сражаться, он выполнил свой долг, он и его товарищи взяли этот чертов космопорт и держали его, сколько могли, но уже ясно — никто не придет на помощь, никто не спустится с небес, кроме злых ангелов, что собирают души, растерянно обретающиеся подле истерзанных пулями тел…

Коридор кончился сорванной с петель дверью.

Он не испытывал отчаяния. Была обида, но и та прошла.

Как долго тянется этот миг, зажатый между прошлым и будущим… Ему *не повезло* выжить. Зажаться в угол, взорвать себя последней гранатой, чтобы оборвать эту звенящую муку, чтобы больше не ломилась кровь в виски глухими болезненными ударами пульса?

Глухота начала медленно проходить.

Мир звуков возвращался, невнятно проявляя себя каким-то гулом.

Антон прижался к исковерканному взрывом косяку, выглянул из проема дверей.

Боевая планетарная машина стояла в нескольких метрах от него. Ее двигатель работал, издавая протяжный, воющий гул, траки гусениц были измазаны бурым, осклизлым налетом перемолотой плоти, на катки намотались какие-то тряпки — не то окровавленные куски обмундирования, не то перемешанные с одеждой фрагменты тел.

Покатая башня БПМ повернулась с невнятным, идущим издалека визгом сервомоторов, спаренное автоматическое орудие дернулось, приподнимаясь в вертикальной прорези, и задрожало, осыпая снарядами угол правого крыла космопорта.

«Сейчас, ребята… Сейчас я заткну эту сволочь…»

Антон лег на землю и пополз. У него не осталось ничего, кроме

полупустого магазина к «ИМ-12», десантного ножа и последней, предназначенной для себя гранаты.

Он прополз несколько метров и вдруг вспомнил, что в правом подсумке есть еще два выстрела для подствольника, снятые с изодранного осколками трупа. Устройство этих гранат было простым: в передней части цилиндра располагался детонатор, который срабатывал при соприкосновении боеприпаса с препятствием. Никаких дополнительных зарядов для создания реактивной тяги не было, граната в стволе «ИМ-12» разгонялась за счет вихревого электромагнитного поля.

Лежа на земле, всего в пяти метрах за кормой планетарной машины, Антон осмотрелся.

Пехоты он не заметил. Никто не прятался за броней. БПМ стояла за грудой щебня, над укрытием возвышалась только покатая башня машины, и два орудия продолжали вести огонь, очевидно, прикрывая ползущих по площади ганианцев.

Антон подполз сзади, привстал, обжигая руки о жалюзи заднего радиатора, из щелей которого вырывался раскаленный воздух, достал две гранаты для подствольника и сунул их в щель поворотного круга, которая шла на стыке покатой башни и самого корпуса.

Сделав это, он сполз по заднему скату брони, и в этот миг БПМ начала поворачивать башню, перенацеливая свои пушки.

Один из подствольных зарядов попал между шестернями привода. Раздался глухой взрыв, башню заклинило, внутри машины должно быть контузило экипаж, потому что огонь тут же стих. Антон отполз еще на несколько метров, оглянулся. Планетарная машина не стреляла, в башне открылся люк, оттуда показалась голова ганианца без шлема.

Почему же не сдетонировала вторая граната?

Заметив его, ганианец что-то заорал. В кормовой части БПМ открылся еще один люк, оттуда полоснула очередь, бок Полынина обожгло болью…

Он вскрикнул, судорожно переворачиваясь на спину. В руке уже была зажата последняя граната. Во рту появился солоноватый привкус крови… и тут он впервые испытал это нереальное чувство…

Что-то, видимо, необратимо нарушилось в его голове из-за многократных контузий. Он инстинктивно сжался в комок, ожидая хрусткого, болезненного удара рвущих тело пуль, но избыточный, предсмертный выброс адреналина в кровь внезапно превратил окружающий его мир в медленно изменяющийся стоп-кадр…

В первое мгновение эта перемена ошеломила Антона.

Справа от него на глазах вырастал десятиметровый султанчик

бетонной пыли, слева протянулась цепочка из пяти таких же, но уже опадающих белесых всплесков, зрение было размытым, предметы теряли свои очертания, превращаясь в расплавленные контуры, он сам двигался так же медленно, как весь окружающий мир, но мысли…

Его контуженного разума не коснулось замедление реальности.

Б… у… м…

Это был удар сердца. Звук растянут, словно замедленное, хрипяще-тянущее воспроизведение на неисправном магнитофоне, Антон прожил его, как целый отрезок жизни, успев поразиться нереальной медлительности ощущений, потом его сознание переключилось на черный провал открывшегося десантного люка, огонек, мерцающий в нем… и рука с гранатой медленно поползла вперед, *продавливаясь* сквозь загустевший воздух… пальцы разжались, отпуская в полет глянцевито-черный, одетый в рифленую рубашку шарик гранаты: она прочертила в воздухе размытую дугу и канула в темном чреве БПМ…

Взрыв грянул, вернув не только привычную скорость событий, но и слух. Адский грохот, слепящее пламя, вырвавшееся из нутра планетарной машины через оба люка, трескучий раскат детонирующих внутри БПМ боеприпасов, и башня с двумя стволами спаренного орудия, оторвавшись от корпуса, плавно подлетела вверх, переворачиваясь в раскаленном воздухе. Взрывная волна ударила в грудь Антона, опрокинула навзничь, швырнула его на обломки бетона…

Еще одна контузия… Какая по счету?.. Боль, располосовавшая бок, заставила онеметь половину тела. Полынин понял, что ранен, но эта мысль опять прошла стороной.

Он лежал на дымящейся груде щебня, уже не человек, но еще не труп… Лицо Антона, покрытое копотью, искаженное гримасой боли, выражало не радость победы, а лишь страдание… Он уже был вне игры, но у него не осталось шанса по своей воле полностью уйти, исчезнуть из этого адского мира, захлопнув за собой дверь…

Чернота навалилась на него, вязкая, как смола, обветренные, искусанные, распухшие губы еще жадно хватали горячий воздух, а разум проваливался в опустошенную черноту, словно та вспышка, предшествующая броску гранаты, выжрала из организма все силы, сожгла последний неприкосновенный запас его клеток, и теперь нервная система могла сделать только одно: включить последний, крайний механизм самозащиты — кому.

Аллор. Квартира Полынина.

Он провалялся в госпитале почти год.

Реальной памяти о том, кто и как вытащил его с Хабора, у Полынина не было, в сознании сохранились лишь клочки воспоминаний, оставшиеся от тех последних минут… Или, может, часов?.. Подорванная планетарная машина ганианцев часто навещала его в бреду, особенно в госпитале… Он видел ее почерневшую корму, развороченные жалюзи, под ними открытый люк и свесившееся из него тело, порванное осколками. Особенно ярко запомнился затылок мертвого ганианца, обмотанный дымящейся, тлеющей тряпкой… а на фоне этого зловещего силуэта тут же вспоминалось свое собственное ощущение полнейшей беспомощности перед надвигающейся *судьбой*… Еще память выталкивала из своих глубин кучу бетонного гравия, дым, сочащийся из-под нее, кровь, сначала обильно заливавшую простреленный бок, и боль, которая временами парализовывала половину тела, пресекая его слабые потуги уползти куда-нибудь, и все это, в субъективном восприятии Антона, длилось вечность…

На самом деле посттравматическая память Полынина хранила в себе от силы пару минут сознательных мучений, после которых наступила спасительная чернота…

Погасив его сознание на Хаборе, она окончилась лишь много месяцев спустя, в реанимационном отсеке космического госпиталя, базировавшегося на орбитах Форта Стеллар — центральной военной базы Конфедерации Солнц…

…Очнувшись, оттолкнув воспоминания, Антон почувствовал, что опять начинает сползать в эту пропасть. Мышцы напряглись и дрожали, во рту появилась сухость, сквозь которую пробивался солоноватый вкус крови.

При выписке из госпиталя ему сказали, что мозг после пяти контузий может повести себя совершенно непредсказуемо. Антону сулили провалы в памяти, необоснованные вспышки ярости и прочее, прочее, а он просто запер на замок определенный сорт воспоминаний и не выпускал их оттуда. Все. Нет этого прошлого и никогда не было…

«Хрен там! Никуда оно не делось».

Он налил себе коньяку, выпил, опять ощутив тот же эффект: словно рядом хлопнул несильный взрыв имитационной гранаты. Сознание оглохло, затормозилось на несколько секунд, а потом все резко вернулось на круги своя — никакого опьянения, лишь сухая горечь во рту, перебившая вкус крови.

И то ладно…

Антон вернулся за стол, попутно с раздражением отметив, что РИГМА по-прежнему пашет свои жесткие диски. Было очень похоже на то, что домашний сетевой терминал все-таки словил вирус, от которого никак не может избавиться.

Вспомнив о поломке реанимационного компьютера «Скорой помощи», Антон решил, что хватит глючить, пора заняться делом, тем более до рассвета оставалось всего два часа, а на десять у него назначена техническая проверка корабля перед предстоящим внеплановым вылетом в Рукав Пустоты.

Если бы не вырвавшиеся из закоулков памяти воспоминания о Хаборе да упоминание о Паше, плюнул бы он на все это дело и продолжал жить своей, ставшей уже привычной жизнью: рискуя в разумных пределах, получая нормальные деньги за этот риск и не переступая собственных моральных норм. Он никого не грабил, не убивал и не насиловал, а что до нарушения административных и этих мифических «научно-археологических» установлений, так он в Рукаве Пустоты еще не встретил ни одного «очкарика» из института археологии космоса — там, среди дикого и непредсказуемого коловращения сорвавшихся со своих исконных орбит планетарных масс, встречались лишь такие, как он, — отморозки с контуженной башкой… Другие туда попросту боялись соваться…

Размышляя таким образом, он смотрел на четыре предмета, разложенные на рабочем столе: карманный компьютер, который передала ему Сара Клеймон, урну с ее прахом и два кристаллодиска, в недавнем прошлом составлявших постоянное запоминающее устройство реанимационного компьютера флайера «Скорой помощи».

С чего начать?

Он протянул руку, взял урну с прахом, аккуратно отвинтил крышку и высыпал содержимое на заранее приготовленный полиэтиленовый пакет.

В комнате сразу неприятно запахло жженой костью.

Антон не был брезглив. Он стал разгребать кучку праха, пока под пальцы не попал твердый предмет. Вытащив его, он убедился, что это именно то, на что он рассчитывал: височный имплант, который, вопреки всему, не сгорел и не расплавился в адской топке крематория.

Еще в морге Антон заметил, что устройство, вживленное в височную область черепа Сары Клеймон, резко отличается от современных образцов как по своей форме, так и по материалу, из которого оно было исполнено. Этот факт, вкупе с обнаружившимся «криогенным старением» покойной, как раз и навел его на твердое убеждение, что миссис Клеймон никак не

могла быть матерью Павла Сытникова, а значит, лгала ему.

Ссыпав прах назад в урну, он прошел в ванную комнату, где промыл найденную деталь под струей горячей воды, потом решил пожертвовать недавно приобретенной новой зубной щеткой и прошелся ею по поверхности импланта, снимая темный налет окалины, пока не проявились те самые мелкие буквы, что привлекли его внимание в морге.

Насухо вытерев очищенную деталь, он вернулся к рабочему столу.

Было пять часов утра. Он обратил внимание на этот факт из-за шума, который доносился с лестничной площадки. На этаже располагалось двадцать квартир, двери которых выходили в квадратный холл с обставленной искусственными цветами лифтовой шахтой посередине. Кому из соседей пришло в голову бузить в столь ранний час, Полынин не знал. Он просто удивился этому шуму, так как подобные эксцессы случались крайне редко.

Их дом располагался в дорогом, престижном районе города, и категория жильцов подобралась соответствующая: тихие, уважающие покой благополучные семьи…

Укладывая очищенный имплант в объемный компьютерный сканер, Антон усмехнулся собственным мыслям. Черт его знает, что за «благополучие» кроется за стенами соседней квартиры… Жизненный опыт говорил как раз об обратном: чужая душа — потемки, и ничего нельзя утверждать наверняка. Если из-за смежной с соседями стены доносятся приглушенные звуки Моцарта, это еще не значит, что тучный розовощекий мужчина, поселившийся там несколько месяцев назад, просто музицирует, а не затеняет фоном бессмертной классической музыки какое-нибудь непотребство, типа избиения жены или стонов снятой на ночь малолетки…

В голову лезла какая-то чушь. Просто кто-то, подвыпив, возвращается домой не в силах нормально уложить ладонь в углубление сканирующей пластины дверного замка…

Крышка сканера закрылась, чавкнув уплотнителем. Осветился экран монитора, и в его стереообъеме появилось увеличенное изображение височного импланта, который до недавнего времени носила Сара Клеймон, назвавшаяся матерью Паши Сытникова.

Надпись, едва различимая невооруженным глазом, теперь читалась вполне отчетливо.

«Земля. Родильный дом номер семнадцать, южный мегагород».

Дальше шла дата:

«31 сентября 2463 года».

И еще строкой ниже:

«Сара Ф. Клеймон. Гражданство Земного Альянса»

Несколько секунд Антон немо смотрел на гравированную надпись, потом перевел взгляд на строку, отражающую данные по исследованию материальной структуры предмета.

Компьютер утверждал, что имплант изготовлен из особого сплава, в названии которого Полынин узнал лишь один известный ему компонент — титан.

Он встал, прикурил и отошел к окну.

Небо над городом робко розовело.

Итак, «безутешная мать» Паши Сытникова родилась на Земле без малого полторы тысячи лет назад… Это утверждала надпись на ее импланте.

«Люди столько не живут», — подумал Антон, глубоко затянувшись сигаретой. — «Но человек может пролежать в криогенной камере полтора тысячелетия», — тут же мысленно поправился он, — «при исключительных обстоятельствах, конечно…» Безобразное, обвальное старение Сары Клеймон как раз говорило в пользу такого вывода.

С какой целью она пыталась выдать себя за мать Паши? Каким образом и главное — где пересеклись их пути? Как к ней попал мини-компьютер со схемой криминальных связей ганианских кланов, и зачем она везла его на Аллор, Полынину?

Одна загадка тут же порождала несколько новых.

Он вернулся к рабочему столу, за компьютер.

Покосившись сквозь открытый дверной проем на РИГМУ, он с удовлетворением заметил, что сетевой терминал, наконец, угомонился, диски «уснули» — значит, его электронная домохозяйка оттестировалась, и в случае необходимости можно будет использовать ее сетевые мощности для поиска информации в Интерстаре.

«Сколько у меня зацепок?» — подумал Антон, глядя на экран компьютера. Произведя мысленный подсчет вариантов, он взял два купленных кристаллодиска и принялся снимать кожух со своего «неприкосновенного» компьютера.

Отложив в сторону крышку, он подключил оба кристаллодиска в резервные разъемы на материнской базе, потом инициировал их и

перезапустил систему.

Все вроде бы сработало нормально. Оба диска «прижились» в системе, по крайней мере сообщений об ошибках при загрузке не поступило.

Понятие «осторожно» при операциях с компьютерными файлами — это абстракция, понятная программисту, а Антон являлся всего лишь грамотным пользователем. С его уровнем подготовки развитие ситуации могло пойти лишь двумя путями: если машина работает адекватно, а информация читаема — все будет в порядке. Если информация повреждена или хуже того — заражена, — пишите письма. Антон мог бы потратить несколько часов на медленную проверку массивов информации, размещенных на приобретенных дисках, при помощи специальных программ, но в его распоряжении оставалось очень мало времени, перед тем, как нужно будет одеваться и ехать в космопорт.

Открыв каталоги новых дисков, он увидел там небольшой список, состоящий из трех стандартных видеофайлов разной длины. Об этом свидетельствовали их расширения. Обратив внимание на размеры отдельных записей, он подумал, что это, скорее всего, какие-то фрагменты, обрывки видеозаписей.

Интуитивно он был прав. Интерпретировать мысли человека в оцифрованный видеоряд научились достаточно давно, еще в период Первой Галактической войны. Автором устройства являлся Джедиан Ланге, один из первых «хозяев» Форта Стеллар. Превратить изобретенный им мыслесканер в нечто большее, чем устройство для виртуальных допросов, а позже, после запрещения данной практики, в инструмент для «грязного» выкачивания информации, помешал низкий порог чувствительности этого программного средства. Механизм человеческой памяти на поверку оказался намного сложнее, чем процесс записи и чтения информации в аналогичном компьютерном устройстве. Как в формировании долгосрочных воспоминаний, так и в их активации, «считывании», в человеческом организме участвуют очень тонкие биохимические процессы, в которых решающая роль отводится нескольким биологическим стимуляторам, примером одного из которых является адреналин.

Почему мы ярко помним одни эпизоды своей жизни, имевшие место очень давно, и совершенно не помним, что ели вчера на завтрак?

Ответ кроется в механизме работы памяти. Все текущие события хранятся в ее «оперативном» отделе, откуда удаляются по мере устаревания и ненужности. Существует несколько механизмов перехода информации из оперативной памяти человеческого мозга в постоянную, но Джедиану

Ланге удалось полностью разгадать лишь один из них: так называемую флэш-память, сравнимую с фотовспышкой. Этот вид запоминания информации основан именно на адреналине — когда его уровень в крови человека резко превышает определенную норму, то по центральной нервной системе поступает команда: Print Hear! — печатать сейчас! — и в долгосрочную память укладывается «снимок» события, воспоминание, связанное с какой-то неординарной ситуацией.

Прибор Джедиана Ланге умел читать именно флэш-память. При допросах человеку вводили постепенно увеличиваемые дозы специального стимулятора, и под его воздействием мозг извлекал из долгосрочной памяти те картинки, что были записаны им ранее, на том или ином уровне насыщения крови адреналином.

Позже прибор запретили, но в упрощенном варианте он сохранился. Например, в медицинской практике его применяли при диагностике комы, когда с пострадавшим было невозможно общаться напрямую, из-за бессознательного состояния последнего. Очевидно, что среди софтового обеспечения аппаратуры флайера «Скорой помощи» присутствовал именно такой программный пакет. Медики честно боролись за жизнь Сары Клеймон, но препараты, призванные «завести» остановившееся сердце, сработали, в том числе, и как пороговый стимулятор вспышечных воспоминаний, которые автоматически принялся записывать бортовой компьютер, а когда места на первом носителе не осталось, «умная» машина пошла писать поступающие данные на второй диск, где располагалась система, которая в конечном результате и оказалась загробленной…

Все вроде бы получалось логично в цепи рассуждений Полынина, за исключением одной неясности — почему компьютер флайера позволил уничтожать свои системные файлы, заменяя их на видеообразы, полученные из памяти умирающей Сары Клеймон?

Ответ напрашивался сам собой: либо у бортового компьютера по непонятной причине была отключена защита стержневых программ, либо ее кто-то сломал за те несколько секунд, которые предшествовали смерти Сары Клеймон…

Антон опять покосился на РИГМУ. Очередь до домашнего терминала еще не дошла, но им следовало заняться как можно скорее — пробить защиту домашнего компьютера в квартире Полынина пытались именно с флайера «Скорой помощи».

«Ладно… РИГМОЙ займусь чуть позже».

Щелчок, и первый файл видеозаписи открылся в отдельном оперативном окне.

Несколько секунд Антон ошалело смотрел на экран.

Ну и ну! Вообще-то после Рукава Пустоты «дыхание прошлого» уже не удивляло Антона — некоторым находкам, которые проходили через его руки, насчитывалось по миллиону лет и больше, но то были *чужие* артефакты, а на открывшейся его глазам видеозаписи была запечатлена… Земля! Земля полуторатысячелетней давности!..

Полынин даже предположить не мог, что его так сильно заденет внезапно материализовавшееся на экране прошлое. Темные, мрачные века, самое начало Великой Экспансии — волны безумного исхода, которая разнесла споры человечества по множеству миров…

Это было безошибочное узнавание места и времени. Сомнений быть не могло: глазами юной Сары Клеймон он созерцал небоскребы, вершины которых укутывали облака свинцово-серого смога, зловещее марево истекало из ущелий улиц и застилало своей пеленой окна верхних этажей зданий… Он видел лазерные вензеля Всемирного правительства Джона Хаммера, начертанные тончайшими нитями лазерных лучей на зыбком экране постоянно меняющих конфигурацию ядовитых облаков, отчего начальные буквы словосочетания «Земной Альянс» казались пляшущими, кривляющимися и хохочущими в отравленных небесах… Затем в поле его зрения попал выпуклый борт какого-то космического корабля, фрагмент трапа и надпись… — надпись! — на блестящей, глянцевитой, еще нетронутой космосом керамлитовой броне:

«Колониальный транспорт „Бристоль“.»

…

Картинка погасла, но тут же сменилась новой.

Тусклый, рассеянный, желтый свет.

Колпак криогенной камеры, поднявшийся лишь на половину своего хода, — он нависает над головой, словно матовая могильная плита. За ним видны стены отсека, все в потеках ржавчины, которая наросла на облупленных балках каркаса, будто короста, в некоторых местах свисая рыжей бахромой.

В компьютере внезапно включилась аудиосистема: Полынин услышал хриплое, прерывистое дыхание, отчетливый звук монотонно капающей воды, тихий скрип раскачивающейся где-то на невероятной высоте, оторванной от основания металлической секции.

Желтый свет едва разгонял мрак, освещая несколько квадратных метров площади, но само помещение, судя по эху, которое порождал

каждый звук, было огромным, исполинским, пустым и гулким.

Полынин сидел, не смея оторвать глаз от монитора.

Он интуитивно понял, *где* очнулся разум Сары Клеймон.

Она пыталась выбраться из криогенной камеры, которая была установлена внутри огромного, разделенного на решетчатые палубы двухкилометрового «яйца» — такую форму и конструкцию имели все грузопассажирские модули колониальных транспортов эпохи Первого Рывка.

Его внимание привлекла рука, уцепившаяся за борт криогенной камеры. Это была морщинистая рука старухи. Длань человека, который проспал весь свой биологический ресурс, и то, что Сара вообще очнулась от ледяного сна, показалось Полынину чудом: резиновый уплотнитель камеры на его глазах раскрошился от слабого усилия, которое прилагали пальцы старухи, пытаясь уцепиться за него.

«Нет…» — Антон не обдумывал данный вопрос, он просто интуитивно знал ответ на него: «После стольких лет криогенного сна не просыпаются!..» Когда металл превратился в ржавый прах, резина — в хрупкую крошку, а истощенные мышцы присохли к костям, как может человек, потерявший в своем сознании полторы тысячи лет, не просто восстать из бездны криогенного сна, а выбраться из неизвестной точки пространства к обитаемым мирам, где царит иная эпоха, и найти среди миллиардов людей его — Антона Полынина?

Естественно, Сара Клеймон не приходилась матерью Паши Сытникова. Она не являлась никем — просто телесная оболочка, вырванная по чьей-то воле на последней стадии медленного умирания из ледяных объятий криогенного сна. Она была зомби, вопрос только в том, чья воля руководила до последней секунды этим дышащим на ладан телом?

Очевидно, что видеофрагменты не могли дать Антону вразумительного ответа. Они занимали огромный объем на кристаллодисках из-за высокой детализации видеоряда, всего фрагментов было три, и последний, самый короткий, также не прояснял суть дела, скорее, добавлял загадочные потусторонние интерьеры к запутанной мозаике обрывочных воспоминаний…. Участок равнинной местности был покрыт глубоким слоем оранжевого песка, на котором виднелись оплывшие следы гусеничной техники. Среди них присутствовала четкая цепочка исполинских четырехпалых следов, оставленных ступоходами боевой шагающей машины.

У близкого горизонта, ограниченного пологой дюной, рос кустарник странного серо-металлического цвета, правее виднелось нагромождение

наполовину утонувших все в том же рыжем песке решетчатых конструкций и край исполинской, поставленной на ребро плиты, которая, очевидно, запирала вход в некий тоннель.

Все…

На этом предсмертные воспоминания Сары Клеймон, записанные бортовым компьютером флайера «Скорой помощи», обрывались.

* * *

Некоторое время Антон сидел, в задумчивости разглядывая последний стоп-кадр, по-прежнему отраженный в глубинах объемного монитора.

Похоже на свалку отработавшей свой ресурс техники… Или это фрагмент поверхности неизвестной на сегодняшний день планеты, колонизированной людьми в темную эпоху Первого Рывка? Если это так, то ржавые остовы техники ясно говорили в пользу деградации, а то и полного вымирания человеческих поселений.

«Да, но при чем тут следы шагающей боевой машины, явственно пропечатавшиеся в песке?» — размышлял Полынин, продолжая анализировать статичное изображение испещренного оплывшими неровностями участка песчаной почвы. Серв-машины, конечно, не новинка технологий, — они были сконструированы еще в эпоху Первой Галактической войны, но, судя по дате на импланте Сары Клеймон, она покинула Землю в период так называемого Первого Рывка, когда до противостояния Земного Альянса и Свободных колоний оставалось еще без малого четыреста лет.

Значит, второе пришествие людей в мир, колонизированный транспортом-невозвращенцем, состоялось уже после двадцать восьмого века космической эры, и пришли они отнюдь не с миром. Полынин отлично знал что серв-машины, следы которых он видел на песке, являлись самыми смертоносными образчиками боевой планетарной техники…

Странный узелок завязывали эти видеовоспоминания, вкупе с событиями последних суток и его личной памятью, разбуженной упоминанием о Паше Сытникове.

Его размышления прервал предупреждающий сигнал таймера.

Взглянув на часы, Антон понял, что исследования придется прервать — через два часа он должен попасть на площадку технического осмотра в седьмом секторе космопорта. Без технической визы ему попросту не разрешат старт с планеты, а за состояние корабля, по взаимной договоренности с Джонатаном, отвечал лично Антон. Вообще, все, что касалось обеспечения вылазок в Рукав Пустоты, висело на Полынине.

Роглес просто предоставил ему корабль, за использование которого удерживал арендную плату, а также без разговоров, по негласному обязательству, скупал все, что привозил Полынин, производя расчеты по фиксированным ценам. Схема получалась несколько кособокая, с точки зрения справедливости, — ведь в глазах сотрудников полицейского управления и инспекторов колониальной администрации Аллора Антон Полынин являлся «черным археологом», контрабандистом, а господин Роглес — уважаемым коллекционером, респектабельным гражданином, владельцем сети антикварных магазинов, которые пользовались хорошей репутацией у посещающих Аллор туристов…

…Отключив приобретенные у техника «Скорой помощи» кристаллодиски от материнской базы компьютера, Антон вернул на место пылезащитный кожух.

Пора было ехать, но он еще не решил, что делать с РИГМОЙ и тем мини-компьютером, который достался ему от Сары Клеймон. Следовало также решить, как поступить с прахом несчастной женщины, проспавшей свою молодость в ледяной тиши криогенной камеры…

…Внимание Антона опять привлек доносившийся с площадки шум. Он непроизвольно прислушался и вздрогнул. Было похоже на ругань двух мужчин, которые спорили на… ганианском!

Полынин мгновенно ощутил, как напряглись его мышцы. Реакция была рефлекторной, неосознанной — тело и разум слишком хорошо впитали гортанные звуки подобной речи еще на Хаборе. Срока давности тут просто не существовало, организм реагировал на Ганианский язык как на стимулирующий к бою раздражитель рефлексов.

Однако годы, прожитые в среде «цивилизованных» миров, все же смягчили эту реакцию, добавив в нее толику рассудка, пусть запоздалой, но *осмысленности*… В руинах офисных зданий космопорта планеты Хабор голос ганианца, раздавшийся в непосредственной близости, вызвал бы мгновенный перекат и огонь на поражение…

«Спокойно, Антон… Ты на Аллоре… Тут не идет война…»

В голове все равно мутилось в такие секунды. За прожитые на Аллоре десять лет у Полынина было два или три подобных случая внезапных встреч с ганианцами, и каждый раз он ловил себя на полной потере контроля над рассудком — кровь вдруг начинала бешено ломиться в виски, напоминая о давних контузиях, и ему стоило немалых усилий, чтобы взять себя в руки, пройти мимо, не дав воли своим яростным, кровавым воспоминаниям…

…Встав из-за подковообразного рабочего стола, он бесшумно

прокрался в гостиную, попутно вытащив импульсную «гюрзу» из плечевой кобуры, висевшей в открытом шкафу-купе поверх пальто.

Ему не требовалось прибегать к дверному «глазку», чтобы увидеть происходящее в холе этажа. В гостиной, которая являлась центральным помещением квартиры, смежным со всеми остальными комнатами, был установлен соединенный с РИГМОЙ домофон, имевший отдельный дисплей и свою аудиосистему.

Присев на подлокотник кресла, он повернул монитор экраном к себе. Видеокамера, встроенная вместо дверного «глазка», обладала широким фокусом: в поле ее зрения находился весь холл.

В нескольких шагах от его квартиры действительно стояли двое ганианцев — представителей этой планетной национальности можно было легко отличить по смуглости кожи и особенности черт лица.

— Шаранг… — голос, передаваемый с внешних микрофонов, вмонтированных в панель дверной облицовки, звучал приглушенно — Антон намеренно снизил громкость воспроизведения, зная, что звукоизоляция квартир, несмотря на утверждения рекламных агентов, оставляет желать лучшего. — Негидр компьютер задаги!.. Аланг черхоле лагрете полиц![4]

Тихо клацнул активированный интегральный затвор «гюрзы».

«Не меня ли вы ищете, суки?» — пришла злая и вполне обоснованная мысль. Слишком много совпадений, напоминаний о прошлом за прошедшие с момента звонка Сары Клеймон несколько часов. Антон шкурой чувствовал, как вокруг него поднимается непонятная *возня*.

Желание было таким: распахнуть дверь квартиры, одному, который стоит ближе, пулю в башку, сразу, наповал, второму, пока его «джалави» оползает на пол, — два выстрела: в правое плечо и в колено, затем рывок, с ударом в зубы, чтобы захлебнулся криком, и тут же оба тела волоком в квартиру, долой с посторонних глаз.

Мертвого в угол, подальше от двери, чтобы кровь не натекла в холл этажа, а с раненым потолковать, спросить: чего надо под моими дверями, кому Полынин воткнулся внезапной занозой в задницу и при чем тут Ганио, покойная Сара Клеймон и числящийся без вести пропавшим Паша Морок?..

Нервы Антона были напряжены до предела, и, вероятно, ситуация разрешилась бы именно таким способом, как подсказывал инстинкт, не вмешайся в течение событий РИГМА.

Полынин достаточно хорошо знал свою электронную домохозяйку,

одновременно исполняющую роль интерстаровского сетевого терминала, чтобы не ожидать от нее каких-либо действий. Два человека, эмоционально спорящие у дверей квартиры, никак не входили в ее компетенцию — она не должна была обращать на них ровно никакого внимания до тех пор, пока они не пытаются позвонить в дверь или того хуже — сломать ее.

На этот раз все вышло иначе.

Антон, уже готовый действовать, внезапно увидел, как дверь его квартиры автоматически приоткрывается, и тут же аудиосистема РИГМЫ заговорила визгливым, истеричным женским голосом:

— Милый, ты забыл свой полицейский жетон и пистолет! Сколько раз тебе напоминать, они лежат в верхнем ящике шкафа! Капитан опять наложит на тебя взыскание за опоздание на службу!

«Фрайг…» — Антон резко развернулся, посмотрев на монитор домофона.

Обоих ганианцев как ветром сдуло. Очевидно, они прекрасно знали интеранглийский и совершенно не желали сталкиваться нос к носу с опаздывающим на службу блюстителем порядка.

Дверь квартиры Полынина захлопнулась.

— РИГМА, какого черта? — Антон повернулся к терминалу. — С каких это пор ты начинаешь брать на себя дополнительные функции?

— Все в порядке, Антон, — ответила машина своим обычным синтезированным голосом. — Мне показалось, что ты собираешься убить человека. Это аморальный поступок, преступление.

— Это не твое дело!

— Ты опаздываешь, Антон. У тебя осталось совсем мало времени, чтобы добраться до космопорта.

Глава 7

Планета Аллор. Южная окраина мегаполиса

Только заведя двигатель «Гранд-Элиота» и вырулив с площадки крытого паркинга, Антон начал понемногу успокаиваться. Мышцы, наконец, расслабились, назойливый шум в голове понемногу стих.

Чертова железка. Он был зол на РИГМУ, хотя теперь, успокоившись, понимал, что никто не погладил бы его по шерстке за необоснованное нападение на двух граждан планеты Ганио, а тем более за убийство, которое он вполне мог совершить в том состоянии.

Влившись в транспортный поток, он подумал, что хватит щекотать себе нервы, и передал управление машиной автопилоту. Был утренний час пик, и ощущение от езды напоминало нечто среднее между садомазохизмом и полигонными испытаниями трансмиссии на предел живучести. В таких условиях лазерные дальномеры бортового компьютера — это единственное средство сэкономить нервные клетки.

Раз уж не пользуешься пневмопоездом, то, попав в пробку, не сетуй на судьбу, а попробуй потратить вынужденное бездействие с толком, пока бортовой компьютер твоей машины обменивается электронными матюками и лазерными уколами с соседними авто.

Расслабившись, Полынин вытащил из гнезда трубку мобильного коммуникатора, включил инфракрасный порт и соединился с интерстаровской сетью Аллора. Дисплей бортового компьютера «Гранд-Элиота» тут же разделился на два оперативных окна. Пока машина медленно двигалась со скоростью транспортного потока в сторону космопорта, Антон решил произвести небольшой поиск.

Искать в сети упоминания о Саре Ф. Клеймон стало бы глупой и накладной затеей. А вот справиться о колониальном транспорте «Бристоль» было в его ситуации вполне логично.

Антон надеялся получить дату старта этого корабля с Земли и вероятный вектор входа в гиперсферу, но, к его удивлению, информация оказалась намного более подробной.

«Бристоль» — высветился результат поиска в оперативном окне — колониальный транспорт «Первой Волны», стартовал из Солнечной системы 2342 году. Внесен в графу «невозвращенцев».

Далее следовали технические данные по массе корабля, мощности его силовых установок, направлению вектора разгона, относительно

гравитационных полей Солнечной системы.

Стандартная справка, за одним исключением — текст на этом не заканчивался, к нему имелось дополнение:

«12 февраля 3698 года картографическим крейсером „Терра“, порт приписки — планета Кьюиг, была обнаружена потерянная колония в системы звезды А-34723 по универсальному каталогу. При сближении с планетой крейсер потерпел аварию в результате столкновения с окружающими ее астероидными обломками. Двое оставшихся в живых членов экипажа: первый помощник капитана Илья Матвеевич Белгард и внесенный в штат в качестве рожденного на борту пассажира Антон Велюров („Надо же, тезка“, — подумал Полынин) сумели выйти на связь по гиперсферным частотам спустя пять лег после катастрофы.

По данным детальной проверки, установлено, что планета была колонизирована транспортом „Бристоль“, числившимся в категории „невозвращенцев“. За данной колонией сохранено исторически присвоенное ей при колонизации название „Деметра“ (вот тут Полынина обдало жаром), подробную справку смотри по ссылке „Деметра“, конфликт двух цивилизаций».

Антон машинально нашел сигареты и прикурил, продолжая читать поступающие на экран строки, хотя и без уточняющей справки знал, что представляет собой знаменитая Деметра — планета, на которой люди несколько веков вели войну на взаимное истребление с расой инсектов. Это был мир, где волею судьбы оказались изолированы и противопоставлены друг другу две космические расы, где состоялся *первый* контакт между двумя цивилизациями.

Единственным откровением для Полынина стал тот факт, что со стороны людей Деметру колонизировал именно «Бристоль» — тот самый колониальный транспорт, на котором полторы тысячи лет назад покинула Солнечную систему Сара Клеймон.

Связь. Тут должна присутствовать конкретная связь между колонией, которую после вторичного обнаружения расселили — деградировавшим остаткам цивилизации инсектов предоставили для проживания мир Хабор, а уцелевшей к тому времени горстке людей дали возможность эмигрировать на любую освоенную планету по своему выбору.

Итак… Деметра, Хабор, где воевал Полынин, но уже не с инсектами. а с захватившими космопорт бандами ганианских наемников, и, наконец, сама планета Ганио, проклятый мир, «Колыбель Раздоров», откуда по всей

обитаемой Галактике расползались ростки терроризма…

Антон отдал команду:

«Построить пространственную схему».

Взглянув на результат, он понял, что интуитивно выбрал правильное направление поиска. Вот они три ярких маркера, вытянувшиеся ровной линией на небольшом удалении друг от друга: Ганио, Хабор и Деметра. Теперь становился вполне понятен смысл нападения на космопорт Хабора — пользуясь развалом Конфедерации Солнц, кланы Ганио предприняли тогда попытку создания собственного космического государства, а значит… значит, и Деметра, по логике, должна была подвергнуться нападению с их стороны!..

Интересная мысль.

Полынин даже усмехнулся ей. Существовал еще один нюанс в истории этой загадочной, парадоксальной планеты, где однажды перекрестились пути двух цивилизаций: там помимо инсектов и людей действовала еще одна сила — созданная колонистами, а затем прочно забытая ими в результате деградации, брошенная на произвол судьбы компьютерная сеть несостоявшегося города-мегаполиса.

Расселением Деметры занимался Совет Безопасности Миров. Полынину не были известны причины, по которым компьютерную сеть, оставшуюся на планете, официально признали «самоорганизовавшимся интеллектом» — то есть *мыслящим существом*, автоматически подпадающим под действие параграфов «Закона О Правах Разумных Существ».

Факт тем не менее оставался налицо — Деметру закрыли для посещений, а компьютерной сети позволили развиваться, видимо, в рамках какого-то эксперимента, — ограничив зону ее влияния поверхностью планеты, где она безраздельно властвовала, пытаясь инициировать эволюцию кибернетических механизмов.

Все эти данные были почерпнуты Полыниным из собственной памяти. Когда он служил в ВКС Совета Безопасности, их особо инструктировали относительно Деметры, околопланетное пространство которой в ту пору контролировал космический флот Людей Сферы — еще одного человеческого анклава, заселившего в период Первого Рывка территорию покинутого искусственного мира древней цивилизации инсектов, известного сегодня под названием Сфера Дайсона, которое дали ей люди.

Глядя на смоделированную компьютером схему построения трех планет, Антон не мог не признать — после удара по Хабору Деметра

становилась слишком лакомым куском для ганианцев, вознамерившихся десять лет назад возродить существовавший в период Первой Галактической войны космический Халифат.

«Интересно — ударили или нет? А если да — то достигли ли своей цели?»

«А может быть, Пашу держат как раз там, на Деметре?» — эта мысль обожгла его разум мгновенной интуитивной догадкой.

Антона вдруг залихорадило. Если принять эту мысль на веру, то все остальное находит объяснение: Паша, пытаясь подать весточку о себе, вполне мог вытащить из криогенной камеры колониального транспорта «Бристоль», чей основной модуль, без сомнения, до сих пор ржавеет там, на Деметре, эту состарившуюся колонистку. Существовала тысяча причин, по которым кто-либо из колонистов после посадки и разгрузки транспорта оставался спать в вечном холоде анабиозной ячейки, — здесь все зависело от условий на поверхности колонизируемой планеты, адекватности работы автоматики и, конечно, тех людей, которые были разбужены первыми и приняли на себя руководство колонией.

Антон размышлял над выстраивающейся цепочкой фактов, не испытывая от этих умственных выкладок никакого удовольствия, только возродившуюся душевную боль да еще саднящее чувство полуосознанной тревоги…

«Жив… Паша жив, хоть и находится в плену, — вот что главное, от этого нельзя отвлекаться, все остальное — сопутствующие обстоятельства…»

У Сытникова не было ног — их оторвало на глазах Полынина, значит, сам Павел не мог сбежать — слишком проблематично для калеки вырваться из плена, а вот помочь в этом Саре Клеймон — мог вполне. Только Паша знал, что после службы Антон мечтал осесть на Аллоре и заняться поисками артефактов в Рукаве Пустоты. К тому же у Сытникова остался посмертный медальон Полынина с меткой генетического кода, а имея этот ключ, несложно отыскать человека даже среди сотен обитаемых миров… Выходит, прилетев на Аллор, Саре Клеймом было достаточно обратиться в любой справочный компьютер, чтобы найти Антона…

«Стоп!..» — мысленно оборвал себя Полынин. — «Если все так просто, зачем, спрашивается, Сара Клеймом избрала путь наибольшего сопротивления и пошла в своих поисках по цепочке антикварных магазинов, вышла, наконец, на Роглеса, а уже через него — на меня? Потеряла запись моего кода, переданную Павлом?» — Его мысли лихорадило от переизбытка внутренних вопросов. — «Вполне может быть,

тогда моя давняя высказанная Паше мечта: стать космическим археологом и исследовать Рукав, осталась единственной зацепкой в поисках Сары Клеймон…» Антон знал Джонатана — Роглес был сентиментален в мелочах, как большинство жестоких, властных людей — старой женщине, потерявшей сына, он не отказал бы в безобидной информации в виде телефонного номера…

Все складывалось и не складывалось. Антон чувствовал, что начинает мысленно вязнуть в обилии загадок. Роглес почему-то отрицает свое участие в этом деле — это раз. Во-вторых, зачем Сара представилась матерью Павла, почему не рассказала правду? Третье: как выбралась она с Деметры и попала на Аллор? И, наконец, четвертое: топтавшиеся под его дверью ганианцы явно зашли в подъезд не пописать… Кого они искали? Полынина или ее — Сару Клеймон?

* * *

Все утро Антон вынужденно посвятил обслуживанию корабля и только к полудню, когда ушел технический инспектор и началась заправка АРК активным веществом, необходимым для работы генераторов низкочастотного поля, Полынин, вконец измотанный, почувствовал себя относительно свободным от тех обязанностей, которые накладывала на него работа.

В другой день Антон, добравшись домой, завалился бы спать, запрограммировав РИГМУ таким образом, чтобы разбудила его часов эдак через восемнадцать, как раз перед стартом, но в сегодняшних обстоятельствах отдых переходил в разряд недостижимых благ, и потому, сев в машину, Полынин первым долгом проглотил капсулу стимулятора — уже четвертую за прошедшие сутки.

Он знал, что организм рано или поздно отомстит за такое хамское отношение к себе, но сегодня выбирать не приходилось.

Ближайшее к космопорту кладбище располагалось в десяти километрах от стартопосадочных полей, за городской чертой, и Антон повел машину туда, двигаясь наикратчайшей дорогой…

…Выбор ритуальных услуг, предложенный ему для ознакомления, оказался невероятно длинным.

— Она была уроженкой Земли, — осведомил Антон администратора, который сидел за компьютером, вопросительно глядя то на посетителя, то на скромную погребальную урну, которую Полынин держал в руках. — Мне нужно место, где я мог бы упокоить ее прах, — терпеливо пояснил Антон, сдерживая раздражение, вызванное медлительной тупостью

сотрудника погребальной конторы. — Вот свидетельство о смерти. — Он протянул администратору необходимые бумаги.

Тот бегло просмотрел их и опять взглянул поверх монитора на Полынина.

— Гражданская панихида? Христианский обряд?.. Назовите религию, которую исповедовала покойная?

— Думаю, она была атеисткой, — ответил Антон.

— Хорошо, раз вы не хотите пользоваться иными услугами, кроме предоставления места, вас сопроводит наш сотрудник.

«Нашим сотрудником» оказался робот андроидного типа, который печально всхлипывал своими сервоприводами при каждом тактовом движении рук и ног, что, наверное, должно было соответствовать атмосфере тихой грусти данного места…

Идти пришлось недалеко, всего метров триста по бетонированной дорожке с номером восемнадцать. Андроид, следовавший впереди, остановился у круглой стеклобетонной плиты с растительным барельефным орнаментом, в центре которой было расположено отверстие, соответствующее диаметру основания стандартной погребальной урны.

— Сэр, если вы взяли какие-то личные вещи покойной, которыми она особо дорожила, то можете положить их в углубление, сверху поставить урну с прахом, а я загерметезирую стык и вырежу на плите любую надпись, по вашему усмотрению.

Полынин покосился на сумочку Сары Клеймон, которую он прихватил из машины и держал в руке.

Это была единственная вещь, которую он мог положить в могилу, как предлагал андроид. Наклонившись, Антон положил сумочку в углубление, прижал ее ладонью, чтобы сверху поместилось основание урны, и вдруг почувствовал под дешевым кожзаменителем какой-то твердый, шарикообразный предмет, который, видимо, был вшит под подкладку.

Полынин вздрогнул, еще раз медленно провел ладонью полакированной поверхности искусственной кожи.

Да, выпуклость явно ощущалась…

— Я передумал. — Он вытащил сумочку из углубления, поставил в выемку урну с прахом и сказал, обращаясь к человекоподобной машине:

— Напиши на плите просто: «Сара Клеймон».

Большего он сделать не мог. Возможно, решив свои проблемы, он вернется сюда, чтобы мысленно сказать ей какие-то слова, а сейчас Полынин молча постоял секунд десять, потом развернулся и пошел назад, к оставленному на стоянке «Гранд-Элиоту».

* * *

Дав задание автопилоту возвращаться домой, он вспорол синтетическую подкладку сумки и вытащил на свет маленькое устройство в виде горошины, снабженной двумя упругими усиками антенн.

Усмешка на секунду исказила губы Полынина.

«Значит, я зря грешил на Роглеса. Джонатан тут был абсолютно ни при чем».

Откинувшись на мягкую спинку водительского кресла, Антон внезапно расхохотался. Этот взрыв нездорового веселья был вызван мыслью о том, что Роглеса, который считал себя «крутым мужиком», просто использовали, как фишку на игровом поле, — подслушали имя, оценили степень влияния на Антона и двинули его авторитет в нужном направлении.

Он вспомнил дрожащий голос Сары Клеймон: «Антон, не вешайте трубку, ваш номер дал мне господин Роглес, он сказал, что я должна попытаться переговорить с вами…»

Звонок Сары последовал сразу же за его резким разговором с Джонатаном. А устройство, которое он только что извлек из-за подкладки сумочки покойной Сары Клеймон, было предназначено для прослушивания так называемых «закрытых» линий статкома.

Антон не стал разворачивать машину, чтобы вернуться к бренным останкам и сказать ей пару мысленных слов немедленно, не дожидаясь свободной минуты.

Нет. Это пустая трата моральных и физических сил. Теперь становилось очевидно — она прибыла на Аллор, заранее зная, где живет и чем занимается Антон Полынин. Единственное, что требовалось миссис Клеймон, а вернее — той силе, что управляла ее бренным телом, — это повод для встречи с ним. Прослушав разговор по статкому, она сразу смекнула, кто из двоих разговаривающих босс, а кто подчиненный, и, перезвонив через пять минут, прикрылась авторитетом Роглеса, настояв наличной встрече.

«Интересно, почему она сразу не использовала в качестве прикрытия Пашино имя?» — с горечью подумал Антон. Что за психология преобладала в подчиненном сознании Сары, если она пренебрегла таким весомым для Полынина стимулом, как связанная кровью боевая дружба, а предпочла использовать «господина Роглеса» вместо сочетания — «я мать Паши Сытникова». И почему использовала его впоследствии?

Вопросы. Одни вопросы без ответов, и еще чувство слепой ярости:

кто-то играл им, двигал его чувствами, нажимал на болевые точки души, побуждая к тем или иным действиям, и этот «кто-то» постоянно ухитрялся оставаться в тени, вне поля зрения Антона. Это здорово злило его и мешало сосредоточиться, уловить истинную суть окруживших его проблем…

«Гранд-Элиот» мягко скатился по пологому пандусу в крытый гараж.

Поставив машину на охрану, Антон воспользовался тем же лифтом, что и накануне ночью.

В холле этажа было тихо, тепло и уютно. Никаких следов присутствия тех двоих, кого утром спугнула РИГМА.

Он открыл двери квартиры. Свет приглушенно вспыхнул, как только он переступил порог, и в мягком сиянии потолочной панели Антон увидел большую, уже подсохшую лужу крови на полу.

В коридоре его квартиры, у стены стоял один из двух ганианцев, которые утром топтались подле дверей Полынина. Упасть ему не давали пять пластиковых штырей, пригвоздивших успевшее окоченеть тело к стене. Крови на полу натекло много, черты смуглого лица были искажены мукой агонии. Пластиковые штыри, с характерными, чуть скругленными краями, если Антону не изменяла память, входили в устройство автомата для сушки полотенец.

«Гюрза» уже была в руках у Полынина. Посмотрев направо, он увидел, что дверь ванной комнаты, расположенная напротив, открыта… Сушилка для полотенец, закрепленная на стене, выглядела необычно — декоративный кожух автоматически поднят, механизм подачи плечиков выполз наружу, в положение «технический осмотр».

По загривку Полынина прокралась медленная дрожь… «Какой умный бытовой прибор… Пришпилил незваного гостя к стене своими выдвижными плечиками, просто выстрелив ими, как из арбалета… Да еще не забыл распахнуть в нужный момент двери ванной…»

Антон перешагнул через лужу крови, готовый открыть огонь в любую секунду. Его нервы были напряжены до предела.

Второй ганианец лежал в гостиной — его руки и ноги торчали из-под «кровати для гостей», которая входила в стандартный набор встроенной мебели любой квартиры и в сложенном виде имитировала фрагмент стены.

«Интересно, почему это нехитрое устройство не опустилось, как обычно, а упало, словно плита, позабыв при этом про свои выдвижные ножки-амортизаторы?» — Мысленный вопрос подразумевал только один ответ: всеми бытовыми агрегатами квартиры управлял терминал домашней компьютерной системы, чье поведение еще утром показалось ему, мягко говоря, неадекватным…

— РИГМА, ты утром говорила мне, что убийство — это аморальный поступок, верно? — произнес Антон.

В квартире висела гробовая тишина.

Он повернул голову, посмотрел на сетевой терминал. Несколько носителей информации работали, об этом свидетельствовали трепетные огоньки индикации. Внутри РИГМЫ шли в данный момент процессы перезаписи или обработки каких-то данных.

Антон убедился, что на кресле в гостиной нет следов крови, и сел, широко расставив ноги.

Тишина.

Антон сидел, свесив руки между колен. Импульсная «гюрза» смотрела стволом вниз. Лицо Полынина словно окаменело, не отражая никаких чувств, но на самом деле в его душе шла в этот момент серьезная борьба.

Он ненавидел, когда его использовали вслепую, но еще больше он не любил, когда какой-либо из компьютеров его квартиры вдруг ни с того ни с сего начинал своевольничать, щелкать носителями информации, включать разные приборы…

— РИГМА! — еще раз требовательно обратился он к машине.

Тишина.

Терминал никак не реагировал на голос хозяина.

«Значит, пробили все-таки…» — решил про себя Антон, подумав в этот момент о программных вирусах.

То, что набитый микрочипами сфероид, составляющий ядро сетевого терминала, хранит в себе уже не домашнюю сервисную оболочку, предназначенную исключительно для выхода в сеть Интерстар и управления бытовыми агрегатами четырехкомнатной квартиры, Полынин заподозрил еще накануне утром, после первой вольности РИГМЫ, спугнувшей двух топтавшихся под дверями квартиры ганианцев, но в тот момент у него не оказалось лишней минуты, чтобы заняться заглючившей вдруг машиной…

Он покосился на трупы.

Судя по всему, РИГМА до последнего момента осуществляла контроль над бытовой техникой квартиры…

«Почему она перестала реагировать на голосовой ряд?» — Антон не сводил глаз с терминала, на котором по-прежнему судорожно моргали несколько алых огоньков.

Неадекватное поведение РИГМЫ могло означать только одно: виртуальная атака, которой накануне подверглась его электронная домохозяйка, была, вопреки утверждениям тестовых программ, вполне

успешной, и на ее носителях прижилось какое-то постороннее программное обеспечение. Полынин знал, что современные электронные вирусы отличаются высокой степенью зловредности и неуловимости, а люди, их создающие, уже много веков не преследуют таких наивных целей, как обыкновенная пакость соседу по офису. Теперь редко кто невинно забавляется, отправляя на домашний компьютер коллеги письма, содержащие скрытые похабные картинки, которые выползают на экран в непредсказуемый для пользователя момент. Нет, эти детские забавы канули в Лету много веков назад — современные виртуальные войны носят характер глобальных межпланетных сражений, противостоят в которых, как правило, огромные корпорации, производящие компьютерную технику и программное обеспечение к ним; идет конкурентная борьба с использованием любых, самых грязных приемов дискредитации соперника по бизнесу, и «черные программисты» — это не миф, а конкретные люди, состоящие на содержании тех или иных компаний. Выпускаемые ими в сеть вирусы «корежат» сетевые терминалы самым серьезным образом, и чаще всего поврежденные машины приходится просто утилизировать, заменяя их на новые.

Антон криво усмехнулся своим мыслям, подумав, что некоторые реалии дикого бизнеса, процветающего на планетах Окраины, могут довести рядового пользователя, случайно попавшего в жернова виртуальных разборок, до полного отчаяния…

…Его взгляд упал на лужу крови, которая по-прежнему источала неприятный сладковатый запах, вытягивающий нервы в тонкую напряженную нить.

«А так ли все просто?» — подумал он, глядя на побуревшее пятно неправильной формы.

Антон слишком устал, его реакция притупилась, логика уже не срабатывала в сумасшедшем калейдоскопе последних событий…

«При чем тут программные вирусы, ведь РИГМУ атаковали с виртуальной линии флайера „Скорой помощи“…»

«Сара… Это она вселила что-то в мою машину!»

И тут же пришла иная мысль:

«Колониальный транспорт „Бристоль“… Деметра… Там сейчас хозяйничает загадочный искусственный интеллект…»

Дьявол…

Даже электронной реакции не хватило бы на то, чтобы заметить, как он вскинул руку и выстрелил четыре раза подряд, без остановки…

Терминал домашней компьютерной системы судорожно моргнул

огнями и погас. Все кабели питания были перебиты четырьмя точно направленными выстрелами.

Не вставая с кресла, Полынин достал коммуникатор и набрал номер Роглеса. С трупами ганианцев нужно было срочно что-то делать. Ему необходимо договориться с Джонатаном, потому что никто, кроме него, в данный момент не мог прикрыть Антона от неприятностей.

В трубке коммуникатора зачастили гудки.

«Занято… Черт… Как некстати…»

Он полез в карман за сигаретами. Рука укололась обо что-то острое; он машинально вытащил этот предмет и понял, что держит в пальцах «жучок», настроенный Сарой Клеймон на закрытую линию статкома его босса.

Действуя скорее интуитивно, нежели осознанно, Антон отщелкнул заднюю крышечку коммуникатора, коснулся двумя контактами обнажившейся схемы и указательным пальцем другой руки включил автоматический набор номера.

Через секунду в коммуникаторе, вместо сигналов «занято», послышался голос Джонатана:

— …Я не знаю. — Роглес продолжал начатый разговор, не подозревая, что его могут подслушивать. — Просто его поведение кажется мне странным. Думаю, он что-то скрывает, у парня наверняка неприятности.

— А может, у него крыша поехала?

Полынин сразу узнал второй голос. Он принадлежал «правой руке» Роглеса, Говарду Хорну, с которым у Антона никогда не ладились отношения. Хорн был, по его мнению, просто жадным до денег и к тому же неумным скотом. Роглес держал его при себе для самых грязных дел, в которые Антон попросту не был посвящен. Он вообще предпочитал не лезть в дела, не касавшиеся его лично, прекрасно понимая, что артефактами из Рукава Пустоты бизнес Джонатана не ограничивается.

— Думаешь, его промах в прошлом поиске может повториться еще раз? — раздался в трубке вопрос, заданный Роглесом.

— Не думаю, а уверен. Ты слишком привязываешься к людям, босс. Сколько можно держать при себе одного и того же парня? Его «промахи» за последний год становятся системой, не находишь? Пора устроить ему промывку контуженных мозгов, а то мне кажется, что Полынин несколько оборзел в последнее время.

«Дьявол…»

Разговор шел о нем. Хорн давно уже косился на Полынина, и Антон

прекрасно знал об этом.

Обращаться в такой момент к Джонатану с проблемой двух «левых» трупов было, по меньшей мере, самоубийственно… Антон покосился на обесточенный терминал РИГМЫ и впервые пожалел о сделанном. Четыре пули, всаженные в терминал, естественно, не повредили центральный блок, а лишь обесточили его и перебили интерфейсы управления домашними агрегатами, но доказывать это полиции будет очень тяжело. Они не станут разбираться, действительно ли «заглючила» РИГМА, а «повесят» трупы ганианцев на него, предположив, что он сначала убил их, а потом намеренно расстрелял квартирный терминал, чтобы списать все на электронику…

— …Вот что, Хорн, — раздался в трубке голос Роглеса, — Полынина не трогай, но от предстоящей вылазки я его отстраню. Пусть вместо него полетит Шайгалов, он уже давно не был в Рукаве, а с Антоном я потолкую.

— Мягкий ты, босс. Жестче надо с людьми, а то они начинают зарываться.

— Не тебе судить. Полынин тем и ценен, что работает давно. А сбои и проблемы бывают у всех. Ладно. Позвони Шайгалову, пусть готовится. Антона я вызову к себе вечером, там и потолкуем.

«Все… Полный облом…»

Антон, не меняя позы, отпустил контакты, прижатые большим пальцем правой руки к обнаженной микросхеме. От полета отстранен, в квартире два трупа, терминал теперь полиции для тестирования не предъявишь… Да и под «крышу» Роглеса при существующем раскладе соваться бесполезно — если и прикроет, то потом в такой оборот возьмет, что взвоешь…

Что же делать?

В голове крутились четыре обрывочных образа:

«Паша…»

«Бристоль''…»

«Деметра…»

«Сара Клеймон…»

Валять дурака тут, в квартире с двумя трупами, дожидаясь полиции или Хорна с его костоломами, — последнее дело.

Похоже, у него оставался единственный, хотя и очень болезненный шанс выпутаться.

Встав, Антон аккуратно снял кожух РИГМЫ, вынул набитый схемами и кристаллодисками полуметровый шар, который, собственно, и был ядром компьютерного терминала, потом прошел в кабинет и проделал то же самое

со своей личной электронной машиной.

Приняв решение, Антон действовал четко, без каких-либо сомнений.

Спустя пять минут, собрав самое необходимое из вещей, он вышел из квартиры, плотно затворил дверь и спустился в гараж.

— В космопорт, — коротко приказал он бортовому компьютеру «Гранд-Элиота», бросив шар с «мозгами» РИГМЫ на пассажирское сиденье.

Порывшись в карманах, он понял, что в пачке стимулятора осталось всего две капсулы.

Посмотрев на часы, Антон подумал, что как раз успеет к окончанию заправки низкочастотных генераторов.

Часть вторая. Деметра

Глава 8

Планета Деметра. Сутки спустя после событий на Аллоре.

Этим утром над единственным материком планеты пошел снег.

Где-то в ближайшем перелеске выла одичавшая собака. Вой был долгим, протяжным и тоскливым — так зверь приветствовал белые пушистые снежинки, что, кружась, падали с небес на обезображенную землю, укрывая тонким белым саваном уродливые подробности, оставшиеся на холмистых равнинах после многих столетий пребывания тут людей, инсектов и машин.

Потом хмурые небеса расколол басовитый звук, и пес осекся, подавившись очередным переливом своего воя.

Черная точка, окруженная напряженной аурой свечения, пробила облака и начала снижаться над неровной, припорошенной снегом землей.

Прошло несколько минут, сияние погасло, точка потеряла стремительность снижения и стала медленно укрупняться, постепенно приобретая вполне характерные, узнаваемые контуры автоматического разведывательного корабля класса «Тайфун». Эти неприхотливые и надежные космические аппараты, способные как к гиперпространственным прыжкам, так и к полетам в атмосферах планет, широко применялись в звездных системах, освоенных людьми.

АРК, выдвинув короткие крылья, совершил плавный разворот над синеющей кромкой леса и начал снижаться, намереваясь совершить посадку на плоскую, частично обвалившуюся поверхность унылого цоколя, похожего на основание недостроенной пирамиды.

Серый параллелепипед с наклонными стенами высотой в двадцать метров и плоской крышей, на которой кое-где возвышались руины зданий второго уровня, являлся давно заброшенным людьми зародышем несостоявшегося города-мегаполиса…

Планетой, над поверхностью которой появился АРК, была знаменитая и загадочная Деметра…

…

…Время и многочисленные войны между людьми и инсектами, некогда бушевавшие тут, изрядно потрудились над наклонными стенами городского основания.

Таких цоколей, разбросанных по разным мирам, насчитывались сотни. Во времена Первого Рывка, когда колониальные транспорты массово

покидали Землю, одна из промышленных корпораций, производившая оборудование для будущих колоний, разработала универсальный подход к проблеме выживания первого поколения колонистов.

Как бывало уже не раз, к делу подключили военные технологии. На Земле, пережившей к тому моменту четыре мировые войны, имелся богатый опыт постройки самодостаточных городов-убежищ с замкнутыми циклами жизнеобеспечения. Естественно, колониальный транспорт не мог унести на своем борту комплектующие конструкции для постройки подобного города, но подавляющее большинство стартующих из Солнечной системы космических кораблей несли на своих грузовых палубах машины, которые могли возвести город-убежище непосредственно на месте, из материалов, добытых уже на новой родине.

Так было и на Деметре. В идеале, если процесс посадки и разгрузки протекал нормально, без сбоев, то в результате первичной деятельности машин, которые начинали свою работу сразу после откупоривания первых грузовых шлюзов, примерно через пять—шесть месяцев, в непосредственной близости от зоны посадки вырастала огромная серая коробка с наклонными стенами двадцатиметровой высоты.

Цоколь — а именно так именовался в технической документации этот геометрически правильный образчик урбанистической архитектуры, имел несколько подземных этажей. Его стены из армированного бетона толщиной в метр могли противостоять любым, даже весьма агрессивным условиям внешней среды; внутри бетонного укрытия строительные машины формировали тоннели-улицы, прокладывали систему коммуникаций, строили служебные и жилые помещения, а также возводили две подземные оранжереи, где высаживались наиболее неприхотливые образцы земной флоры, изолированные от внешней среды колонизируемой планеты.

Последним и самым главным этапом строительства являлся монтаж общей компьютерной сети цоколя, которая управляла заглубленным в кору планеты ядерным реактором и всеми городскими коммуникациями.

Далее, по замыслу оставшихся на Земле инженеров, начиналось непосредственное пробуждение колонистов, которые в период машинного строительства продолжали пребывать в состоянии сверхглубокого криогенного сна внутри бронированной сферы совершившего посадку колониального транспорта.

Теоретически данная схема должна была работать на любой планете с кислородосодержащей средой. Неважно, какие формы имела местная органическая жизнь: мощные стены цоколя надежно предохраняли от

вторжения извне, внутри функционировали замкнутые циклы жизнеобеспечения, с автономным ресурсом, рассчитанным на тысячи лет, так что очнувшиеся от криогенного сна пассажиры колониального транспорта могли сколь угодно долго разбираться, как следует жить дальше в том мире, куда их занесла капризная судьба.

На многих планетах так и происходило, с незначительными отклонениями в сторону тех или иных технических решений, — на Дабоге, например, куда совершил посадку колониальный транспорт «Беглец», такой цоколь оказался полностью заглубленным под землю, из-за царивших на планете гигантских жизненных форм; на Кассии, колонизированной с борта «Кассиопеи», процесс пробуждения колонистов, из-за ошибки бортового компьютера, был инициирован одновременно с активацией законсервированных машин, и потому единого цоколя там не вышло, — общины людей, разделившись по национальному признаку, поделили между собой планетопреобразующую и строительную технику, создав множественные очаговые поселения, благо тот мир был приветлив к пришельцам и не требовал метровых стен для защиты от каких-либо монстров.

Существовали примеры и более плачевные — на некоторых мирах при их вторичном посещении находили недостроенные конструкции, либо просто котлованы, обросшие давно омертвевшей техникой, а неподалеку — разъеденные эрозией модули колониальных сфер, с аккуратно уложенными на борту замороженными трупами.

Космос многолик и разнообразен, но неизменно схож в своей жестокой бескомпромиссности к тем, кто вторгается в его просторы, пытаясь освоить новые жизненные пространства, — отсюда и многообразие конечных результатов, множество историй, которые имеют одинаковое начало, но совершенно разные развязки.

На тысячах планет существуют миллиарды различных сред обитания, некоторые из них действительно смертельны, иные, наоборот, — благосклонны к людям, но, так или иначе, именно в зависимости от прессинга планетных биосфер на протяжении веков формировались *новые цивилизации*, имевшие у своих истоков людей, отправившихся с Земли в одну и ту же историческую эпоху.

Деметра, колонизированная экипажем транспорта «Бристоль», являлась, в смысле природных условий, далеко не худшим вариантом из того списка, что предлагал космос вторгшимся в него поселенцам.

Однако у этой планеты существовал один недостаток, который фактически сводил на нет все остальные плюсы, — Деметра уже была

колонизирована несколько миллионов лет назад представителями иной, совершенно не похожей на человечество расы — инсектами.

Патовая ситуация, возникшая на планете после появления «Бристоля», объяснялась тем, что конструкция колониального транспорта предполагала только одну посадку. Возможности повторить попытку поиска планеты или возвращение на Землю исключались.

Несмотря на вынужденное соседство двух абсолютно чуждых друг другу цивилизаций, конфликт между людьми и инсектами возник не сразу, а по прошествии нескольких десятилетий после благополучной посадки «Бристоля».

Колония Деметры развивалась вполне успешно на протяжении двух поколений: машинами был построен и запущен в эксплуатацию зародыш города-мегаполиса, но люди, пробуждавшиеся небольшими группами, по мере постепенного ввода в эксплуатацию внутренних ресурсов урбанистического кусочка Земли, выстроенного на бесплодной, песчано-глинистой равнине, в большинстве своем не одобрили выбора автоматических систем и не стали продолжать стройку, возводя на плоской поверхности цоколя новый этаж города, а предпочли расселяться по прилегающим территориям, основывая небольшие форпосты в тех местах, где растительность оказывалась богаче и существовала возможность эффективного земледелия. Эта жажда освоения новых территорий привела пионеров Деметры к черным, давно покинутым городам-муравейникам инсектов.

Они возвышались по другую сторону горного хребта, как вечные памятники навсегда канувшей во тьму веков цивилизации. Так, по крайней мере, показалось первым исследователям черных городов, но они жестоко заблуждались — инсекты по-прежнему обитали на Деметре, но это были уже не оседлые городские анклавы, а кочующие племена, деградировавшие в своем развитии.

Людям потребовалось время, чтобы связать между собой многочисленные орды отвратительных насекомых, обитающих по ту сторону горного хребта, и покинутые жителями загадочные, величественные черные города. К самим инсектам первые поселенцы относились по-разному: кто-то не обращал на них внимания, кто-то откровенно сторонился «мерзких тварей», основываясь на инстинктивном отвращении человека к определенным видам насекомых, обитавших на Земле, но была также и третья категория людей, которые пошли в своих чувствах дальше отвращения или равнодушия. Сообразив, что деградировавшие потомки великой и непонятной цивилизации сохранили

изрядную долю интеллекта, их стали приручать, используя в разных вариантах — начиная от чернорабочих на зарождающихся латифундиях и заканчивая откровенным «одомашниванием» в качестве тягловых животных.

Люди, осваивавшие Деметру, не учли многих нюансов в своем общении с инсектами. Они считали их в лучшем случае существами, равными по сообразительности собаке или лошади, почему-то напрочь забывая при этом о черных городах, которые высились коническими горами в южной части материка.

На самом деле запустение, царящее в них, являлось не следствием полнейшей деградации современных поколений инсектов, а данью сложным процессам, протекающим внутри их цивилизации.

Как выяснилось позже, индивидуальный разум у каждой отдельно взятой инсектоидной особи просыпается только в отрыве от основной массы «муравейника». Стоило изолировать малочисленную группу инсектов, отделив их от копошащейся, вечно кочующей в поисках пищи и тепла массы насекомых, и они спустя невероятно короткий срок обретали свое «я», которое, несмотря на новорожденную индивидуальность, сохраняло все основные знания — генетически передаваемую память «муравейника».

Этот удивительный механизм приспособляемости, выработанный эволюцией не на Деметре, а на исчезнувшей много миллионов лет назад планете, которую предки современных инсектов разобрали, используя как материал при постройке Сферы Дайсона — уникальной, существующей поныне конструкции, внутри которой заключена тускло-красная звезда, сыграл роковую роль в развитии взаимоотношений между людьми и насекомыми.

Оторванные от общей массы кочующих орд группы, «прирученные» людьми, обрели ту самую индивидуальность: прозрели, заметили, наконец, что планету, которую их предки колонизировали миллионы лет назад, оккупировал новый вид разумных существ, притязающих на полный контроль Деметры и использование их в качестве слуг или рабов…

Так начался конфликт, который, в принципе, мог и не состояться, будь в составе трехсоттысячного отряда колонистов больше ученых и меньше выходцев из городских трущоб земных мегаполисов.

Война между людьми и инсектами на изолированной от остальной цивилизации Деметре продолжалась многие сотни лет. Горный хребет, поделивший единственный материк планеты на две неравные части, стал границей между двумя биологическими видами, линией фронта, на которой

никогда не прекращались стычки враждующих сторон.

Вспыхнувший конфликт, как было выяснено впоследствии, радикально изменил образ жизни кочующих инсектоидных орд. Они достаточно быстро вернули себе изрядную долю интеллекта и личной эмоциональной свободы для каждого члена сообщества — это включился еще один, заложенный в них эволюцией механизм выживания вида: инсекты попросту отреагировали на изменение условий внешней среды, которое потребовало от них более осмысленных и решительных действий, чем беззаботное кочевье по традиционным местам кормежки и размножения.

Начавшееся противостояние год от года усугублялось, втягивая в себя практически все население обеих популяций. Что люди, что насекомые вновь остановились в своем развитии, работая, каждый по-своему, исключительно «на войну».

Несколько раз орды инсектов вторгались на занятые колонистами равнины, подкатываясь к самим стенам цоколя, который так и не вырос в полноценный город, а лишь обветшал за прошедшие века.

Цивилизация людей на Деметре, втянувшаяся в конфликт, развивала только производства, помогающие в борьбе с насекомыми. В немногих зданиях, которые успели выстроить на поверхности цоколя еще в довоенную эпоху, потомки колонистов вели теперь полуказарменный образ жизни. На минус первом уровне городского основания, куда в ту пору имелся свободный доступ, усилиями военных специалистов были созданы примитивные заводы по производству и ремонту огнестрельного оружия, а немногочисленные поселения, основанные вне стен укрепленного цоколя, теперь пустовали, постепенно превращаясь в руины.

Колония схлопнулась, коллапсировала до размеров города-крепости, где, спустя восемьсот лет после посадки «Бристоля», проживало едва ли десять—пятнадцать тысяч человек.

Весь парадокс заключался в том, что и инсекты, которых было неизмеримо больше, чем людей, не могли стать победителями в затянувшейся войне. Равнины, простирающиеся с «человеческой» стороны горного хребта, обладали умеренным, прохладным климатом и совершенно не подходили для их метаболизма: насекомым были необходимы влажные, теплые места обитания, а их на Деметре можно было найти только по другую сторону хребта, намного южнее покинутых черных городов.

Казалось бы, в таких условиях война должна была прекратиться сама по себе — людей осталось слишком мало, чтобы претендовать на жизненные пространства по ту сторону гор, а инсектам совершенно не

подходили прохладные ареалы обитания, где зимой выпадал снег, но существовало одно обстоятельство, которое опять-таки сводило на нет все объективные причины для стихийного прекращения конфликта: обе расы вкусили яда ненависти друг к другу.

Война, идущая на протяжении многих сотен лет, стала образом жизни, впиталась в быт, превратилась в *смысл существования* для новых поколений как людей, так и разумных насекомых.

Окончательному взаимоистреблению двух рас помешало вторичное открытие Деметры картографическим кораблем «Терра», приписанным к планете Кьюиг.

Обитаемая Галактика узнала, что на территории затерянной колонии идет многовековое противостояние двух рас. К этому времени уже была открыта покинутая инсектами и разрушенная временем Сфера Дайсона, на территории которой, восстанавливая древние коммуникации, давно и прочно обосновались люди, заброшенные внутрь исполинской конструкции волею гиперсферы и двух галактических войн. Инсектов же считали в ту пору полностью вымершими, поэтому вторичное открытие Деметры, где реально сохранились потомки древней галактической расы, получило широкую огласку и соответствующий резонанс. Советом Безопасности Миров было принято срочное решение о расселении враждующих сторон.

В ходе разрешения конфликта внезапно выяснился еще один нюанс: оказывается, не только древние расы способны оставлять после себя артефакты, но и люди в ходе своей экспансии уже перешагнули тот качественный и количественный порог, за которым человечество стало оставлять зримые следы своей неудержимой поступи по звездным системам спирального рукава родной Галактики.

Одним из таких *артефактов* — свидетельств пребывания на планете разумной, но покинувшей ее расы, стала компьютерная сеть Деметры.

Поначалу это было обычное с точки зрения древних земных технологий единение сетевых компьютеров и связанных с ними исполнительных механизмов, обслуживающих атомный реактор цоколя и все коммуникации исполинского зародыша несостоявшегося мегаполиса. Земные инженеры проектировали сеть с многократным запасом прочности, понимая, что едва очнувшиеся от криогенного сна, дезориентированные в обстановке нового мира люди вряд ли захотят сразу же включиться в рутинные процессы управления и текущего ремонта коммуникаций созданного для них машинами убежища. Чтобы избежать этого и развязать руки первым поколениям колонистов, в недрах цоколя была спроектирована компьютерная сеть, которой передоверялись все рутинные

функции управления самодостаточным комплексом первоначального убежища.

По своей сути сеть являлась одной гигантской машиной, *кибернетическим организмом*, состоящим из тысяч мелких исполнительных узлов, взаимосвязанных единым центром автоматического управления.

Над Деметрой тихой поступью крались годы, десятилетия, века…

Люди, работая на войну, постепенно деградируя в своих знаниях и возможностях, просто забыли о существовании сети. Они жили на поверхности цоколя, опасаясь спускаться в его давно заброшенные недра, не задаваясь вопросом: откуда в их домах берутся свет и тепло?.. А внизу, под толщей многометровых бетонных перекрытий в сумраке давно необитаемых помещений постепенно развивалась иная жизнь.

Компьютерная сеть, в основу которой был заложен принцип самодостаточности, имела четкую базовую программу: во что бы то ни стало поддерживать функции вверенных ее заботам сооружений, коммуникаций и агрегатов.

Город ветшал, выходили из строя обслуживающие и ремонтные механизмы, доставленные еще с борта «Бристоля», приходили в негодность энергоцентрали, системы водоснабжения, — в ведении компьютерной сети оказались тысячи километров ветшающих трубопроводов, кабелей, подземных трасс, которые требовали ежедневного обслуживания… Жарко дышал расположенный неподалеку от центрального узла сети ядерный реактор города, но на фоне постепенного разрушения функций, упадка возможностей оставалась неизменной *господствующая* над сетью, заложенная еще на Земле программная цель.

Со стороны людей не ощущалось никакой помощи и заботы — они вели свою войну, прочно забыв о существовании сети, пользуясь поставляемыми ею благами, такими, как энергия и тепло, не задумываясь, откуда они берутся, страшась заглядывать в мрачные недра цоколя…

Неизвестно, на каком из отрезков своего восьмисотлетнего «хозяйствования» компьютерная сеть Деметры осознала собственное существование, но факт налицо — она научилась мыслить, проявлять некую творческую инициативу, заточенную все в те же узкие рамки основной задачи. Сеть стала подменять одни агрегаты другими, использовать устройства не по прямому их назначению — она *выкручивалась*, пытаясь сохранить целостность и функциональность цоколя, и в результате этого появилось нечто, эквивалентное человеческому самосознанию.

Она мыслила, а значит, существовала…

В недрах цоколя начали появляться новые образчики кибернетических механизмов, сконструированные из останков старой, отслужившей свое техники. Сеть сделала еще один шаг вперед, создавая себе подобных, — она стала *матерью* и в конечном итоге присвоила себе это имя, выбрав его из обширного человеческого лексикона, как термин, наиболее отражающий ее изменившуюся сущность.

«Мать…»

Под этим именем о компьютерной сети Деметры узнала обитаемая Галактика.

Искусственный интеллект, развившийся за бездну столетий из обычной самодостаточной сети города-мегаполиса.

Двадцать лет назад, еще до развала Конфедерации Солнц, *Мать* заявила о своем существовании и получила юридический статус. Совет Безопасности Миров, расселив людей и инсектов, оставил за ней право вести собственный образ существования, ограничив ее свободу изуродованной поверхностью Деметры.

Чтобы народившийся в недрах мрачных веков изоляции компьютерный разум, не скрывающий своей неприязни к людям, как к существам «единожды солгавшим», бросившим его на произвол судьбы, не посягал на дальнейшую пространственную экспансию, Деметру окружили плотным кольцом орбитальных охранных комплексов, с борта которых осуществлялась не только блокада околопланетного пространства Деметры, но и наблюдение за теми процессами, что протекали внизу.

После расселения людей и инсектов Деметру постепенно начала захватывать кибернетическая жизнь: *Мать*, получив, наконец, долгожданную свободу, освободившись от забот по поддержанию в исправном состоянии коммуникаций цоколя, начала бурное саморазвитие.

За ней пристально наблюдали. Эксперимент не имел никаких аналогов, он был не просто любопытен — на глазах людей зарождалось нечто совершенно особенное, поэтому компьютерной сети не препятствовали в ее саморазвитии, наоборот, по ее запросу на поверхность Деметры свозили множество отслужившей свое кибернетической техники, чтобы *Мать* имела достаточное количество исходного материала, для построения своих детищ, среди которых она упорно пыталась инициировать нечто, схожее с процессом эволюции органического мира.

Так было вплоть до развала Конфедерации Солнц.

После падения галактического сообщества и тех потрясений, что едва не привели к Третьей Галактической войне, никто уже не вспоминал о

Деметре.

Мать опять была брошена, предоставлена самой себе, и единственным ограничением, сдерживающим ее в рамках планеты, оставалось теперь несоответствие ее собственного программного обеспечения с тем, которое существовало на большинстве современных компьютеров. *Мать* оказалась попросту несовместимой ни со своими современными аналогами, ни с межзвездной сетью Интерстар, — она являлась реликтом мира кибернетического, словно некий устаревший, ржавый автомобиль с двигателем внутреннего сгорания, случайно очутившийся среди стремительного движения современных скоростных магистралей…

…Чем она занималась сейчас, спустя двадцать лет после расселения Деметры, не ведал, наверное, никто…

Борт «Тайфуна». За несколько часов до точки гиперпространственного перехода в системе Деметра.

Немая чернота окружала корабль, затемняя экраны внешнего обзора.

На пульте АРК работали секции гиперсферных приборов, но даже отсюда, из «Великого Ничто», была доступна внепространственная связь со станциями гиперсферной частоты, расположенными подле обитаемых миров. Часть аппаратуры общечеловеческой сети Интерстар, находящаяся в аномалии, постоянно работала, осуществляя прием и передачу данных по каналам ГЧ.

Закончив изучение доступных материалов по Деметре, Антон посмотрел на панель связи. Стоило ли звонить Роглесу *отсюда* ради каких-то объяснений?

Он стартовал с Аллора глубокой ночью, за восемнадцать часов до запланированного Джонатаном времени, и курс, заложенный Полыниным в бортовой компьютер «Тайфуна», вел отнюдь не к Рукаву Пустоты.

После некоторых сомнений он все же коснулся сенсора активации, потом ввел код станции ГЧ и номер абонента. Антон не любил, когда за его спиной оставались явные долги.

Несколько секунд в коммуникаторе стояла тишина, затем раздалась серия тоновых импульсов — это защитная система на том конце связи пыталась определить, откуда исходит звонок.

— Да? — раздался, наконец, раздраженный голос.

— Роглес, это Полынин. Не терзай свой компьютер, я в гиперсфере.

Тоновые сигналы прекратились.

— Слушаю тебя, — наконец совладав с собой, произнес Джонатан. — Что это за фокусы, Антон? Ты понимаешь, что я тебе башку откручу?

— Не открутишь. Я не собираюсь возвращаться на Аллор. Не ломай себе голову относительно причин происходящего, Роглес, они тебя не касаются. — Антон старался говорить кратко и по существу. — АРК я верну при первой возможности. Посмотри мой счет, куда ты переводил деньги за работу. Там осталось ровно сто тысяч. Это за мой прошлый промах.

— Хочешь выйти из игры?

— Я уже вышел из нее, — палец Полынина коснулся сенсора «отбой».

В голове плавала черная муть. С Аллором покончено, о Рукаве Пустоты тоже можно забыть. Осталась только немая пустота на экранах да собственные мысли…

Его взгляд зацепился за темную сферу РИГМЫ.

В рубке АРК оставалось очень мало свободного от приборов места, и он пристроил набитый схемами шар между двумя выступами пульта, для надежности заклинив его запасным фрагментом облицовки.

Рука Антона потянулась к темной сфере, пальцы нашли спаренный разъем магистрального интерфейса и главного кабеля питания. Оглянувшись, он отыскал глазами соответствующее гнездо на резервной панели бортового компьютера АРК и вставил штекер.

На терминале, в который он включил РИГМУ, осветилось несколько сиротливых огней.

Внутри самой сферы тут же с готовностью заморгали индикаторы жестких дисков.

— РИГМА?

Ответа не было. Опять внутри замкнутого электронного контура шло непонятное перемещение данных — по судорожному морганию индикаторов было видно, как внутри сферы байты данных перетекают с одного встроенного носителя на другой и… более ничего. Никакой реакции на кодовое слово, никаких попыток снестись с тем терминалом, куда он включил бывшую электронную хозяйку своей квартиры.

Рука Антона отключила кабели, и сфера РИГМЫ опять потемнела.

Рисковать не стоило. Неизвестно, чем закончится этот процесс перемещения данных и что в конечном итоге родится из него? Гиперсфера была не лучшим местом для подобного рода экспериментов.

Безуспешная попытка включить РИГМУ вернула мысли Антона к событиям последних суток, полностью перевернувшим его жизнь.

Хабор научил его одному правилу: «бей первым и тогда останешься

жив».

Размышляя здраво, он отложил трудоемкий процесс анализа пресловутых гиперсферных курсов. Их интерполяция нужна была *кому-то*, но не ему.

В мыслях Антона из всех аллорских событий соткалась иная логическая нить.

Воспоминания Сары, записанные компьютером «Скорой помощи», дали ему ссылку на колониальный транспорт «Бристоль» и Деметру. Двое ганианцев, появившихся у его порога вслед за Сарой Клеймон, указывали на участие в деле тех же сил, что действовали на Хаборе десять лет назад, а фотография, полученная от миссис Клеймон, и разговор в ночном клубе давали слабую надежду на то, что Паша до сих пор жив, если его именем пытались спекулировать…

Спасти друга — вот цель, которую преследовал теперь Антон, а силы, попытавшиеся манипулировать им на Аллоре, могли катиться к дьяволам Элио…

Простая логика безмерно усталого человека, в душе которого были одновременно разбужены и надежда, и дремавшая долгие годы ненависть…

…Ощущая резь в глазах и глухой ток крови в налитой свинцом голове, Антон посмотрел сначала на показания приборов, потом на панель бортового хроно.

До точки гиперсферного всплытия в системе Деметра оставалось еще пять часов…

«Спать…» — вот единственное желание, которое высказал в этот момент его измученный разум.

* * *

Провальный сон Полынина был нарушен назойливым сигналом с пульта.

Он открыл глаза, не соображая после черного, больше похожего на потерю сознания сна, где он и что происходит вокруг?

Тоновый сигнал, исходящий из недр панели автопилота, продолжал выводить свою назойливую трель, узор световой индикации датчиков пульта АРК отразился в сетчатке широко открытых глаз Антона, и, наконец, реальность начала находить отклик в его очнувшемся сознании.

Гиперсфера…

Он всплывал.

Корабль в автоматическом режиме выходил в трехмерный континуум по пеленгу гиперсферного маяка планеты Деметра.

Руки и ноги затекли от неудобной позы — спать пришлось прямо в противоперегрузочном кресле. Оценив данные с пульта, Антон встал, сделал несколько движений, разминая затекшие мышцы, и прошел в крохотный тамбур уборной, откуда, секунду спустя, донеслись звуки журчащей воды…. Сигнал с пульта управления поторопил его вернуться в кресло пилота.

Загадочная планета, откуда на Аллор прибыла Сара Клеймон и где обитала самоорганизованная компьютерная сеть, должна была вот-вот появиться на экранах обзора.

Антон не впервые слышал о ней — еще на Аллоре в неформальной среде общения до него доходили самые невероятные слухи об уникальной электронной системе, властвующей над Деметрой, о ее отношении к людям, а особенно — к незваным гостям.

Конечно, большинство слухов было сильно преувеличено, а то и вовсе не соответствовало действительности, но в среде контрабандистов бытовала одна история, которая с годами как-то не обрастала мхом преувеличенных подробностей: говорили, что много лет назад одной юной особе по имени Беатриче Блейз удалось не только благополучно проскользнуть на поверхность Деметры, миновав окружающие планету охранные устройства, но и вывезти оттуда какой-то невероятный зародыш новой кибернетической жизни.

В таких историях, по мнению Антона, всегда трудно отделить вымысел от правды, но несомненным среди множества баек оставался лишь один факт — орбита Деметры не зря пользовалась славой абсолютно «гиблого места». Дыма без огня не бывает — данному утверждению Полынин верил абсолютно…

* * *

Поднимая свой корабль из бездны «Великого Ничто» в точке гиперсферного всплытия, отмеченной подпространственным маяком Деметры, Антон ожидал встретить тут все что угодно — начиная от кораблей, принадлежащих кланам Ганио, и заканчивая патрульными судами Флота Сферы — подразделения военно-космических сил Сферы Дайсона, о котором рядовые обыватели имели лишь смутное представление.

Не сбрасывал он со счетов и загадочную *Мать* — тем более что стандартная точка гиперсферного всплытия располагалась всего в двадцати тысячах километров от поверхности планеты, практически на границе ее стратосферы, а значит — в зоне непосредственного влияния компьютерной

сети планеты.

К сожалению, распределение гравитационных полей системы складывалось таким образом, что данный участок пространства являлся единственным, энергетически выгодным коридором всплытия — в любом ином месте кораблю потребовалось бы втрое больше энергии на переход в трехмерный континуум.

Полынин поднимал корабль осторожно, манипулируя ручным управлением, как в той пещере, куда он попал во время прошлого неудачного поиска.

Учитывая, что в системе могут оказаться патрульные корабли, Антон был готов совершить серию микропрыжков на границе двух метрик — практика в Рукаве Пустоты научила его многим нестандартным приемам навигации, а АРК, оборудованный специально для экстремальных условий Рукава, давал ему возможность проскользнуть незамеченным через большинство мыслимых препятствий.

План Полынина был прост: удерживаясь на границе двух пространств, он оценит близлежащие объекты и…

…На экранах масс-детекторов постепенно начали вырисовываться смутные контуры расположенных в трехмерном космосе физических тел. Первым на тактическом мониторе появились вполне узнаваемые формы охранных орбитальных станций — они имели округлую форму и располагались по периметру экватора планеты, окольцовывая Деметру, словно бусы…

«Порванные бусы…» — машинально отметило сознание.

Да, действительно, четырех звеньев орбитальной блокады, ближних к точке гиперсферного всплытия, явно не хватало — вместо сфероидов, опутанных ажурной сетью антенн, компьютер АРК уже выстраивал сложный танец кружащих в пространстве обломков.

Антон остановил процесс всплытия.

Автоматически заработали сенсоры дальнего обнаружения: гиперсферный локатор обшаривал зыбкую границу двух метрик в поиске энергетических возмущений, которые неизбежно создавались любыми материальными телами.

Каждая секунда такого «промедления» выкачивала из бортовых накопителей АРК огромное количество энергии, но Полынин вынужден был ждать.

Наконец данные от сенсоров дальнего обнаружения начали поступать на монитор. Прочитав результаты сканирования, Антон понял, что никаких иных объектов, кроме давно заброшенных станций слежения,

установленных тут много лет назад еще Советом Безопасности Миров, в радиусе трех миллионов километров попросту нет. Никто не патрулировал ближние подступы к Деметре.

Ему было трудно оценить такую новость, как «хорошую» или «плохую». Скорее всего, она показалась *странной*.

Взгляд Антона переместился к иной группе приборов, которые фиксировали ближайшее окружение:

«Внимание! Пространство в точке окончательного всплытия блокировано множественными материальными объектами. Угроза „совмещения“ составляет девяносто процентов».

Пора было принимать решение. Нырнуть назад, в гиперсферу, и уйти в зону, свободную от обломков, означало истратить дополнительную энергию, в то время как стандартный коридор был фактически пройден — оставалось чуть повысить напряжение генераторов, и корабль вытолкнет в трехмерный континуум…

«…Десять шансов на выживание из ста для „черного археолога“, пять лет промышлявшего в Рукаве Пустоты, считай, что торная дорога…»

Антон дождался, пока наиболее крупный обломок минует точку всплытия, и резко увеличил напряжение генераторов.

АРК буквально «выпрыгнул» в трехмерный континуум, материализовавшись в нем в течение двух секунд… и все же в кормовой части корабля что-то глухо хлопнуло — это какая-то мелкая частица, из числа кружащих в пространстве обломков, «совместилась» с массой «Тайфуна».

Корабль тут же закрутило, поволокло в сторону, увлекая в хаотичное вращение поперек оси симметрии; с ревом предупреждающих сигналов включился автопилот, заставив жидкотопливные дюзы аварийной коррекции плеваться в разные стороны мгновенными вспышками реактивных выхлопов, на экранах внешнего обзора, вытянутых в круговой триплекс, несколько раз промелькнула облачная атмосфера, укрывающая Деметру — на ее фоне скользили крупные фрагменты разрушенных орбитальных конструкций, а на аварийном табло повреждений назойливо мигала надпись:

«Потеря ста сорока килограммов массы в районе задних атмосферных стабилизаторов. Разгерметизации корпуса нет».

«Повредило кормовую плоскость…» — машинально отметил Антон,

сосредоточившись на облаке обломков, в которое попал его корабль при выходе из гиперсферы.

Многолетний опыт навигации мгновенно подсказал: пространственное положение фрагментов не совпадало с орбитой станций слежения — значит, тот, кто торпедировал четыре звена орбитальной блокады, потрудился предварительно переместить двухкилометровые сферы с таким расчетом, чтобы образовавшиеся от них обломки наглухо перекрыли стандартную точку гиперсферного всплытия системы Деметра.

Кинув взгляд на обзорные экраны, Антон успел заметить, что, как минимум, несколько кораблей уже попали в расставленную ловушку — среди обломков явно прослеживались не только фрагменты разрушенных станций контроля… вот, например, мимо промелькнула деформированная, но еще узнаваемая носовая часть транспортного корабля класса «Элизабет-Сигма», за ней, словно выводок утят, спешащих вслед матери, в пространстве вытянулась длинная цепочка грузовых контейнеров… вообще, здесь болталось столько обломков и разного высыпавшегося из трюмов кораблей барахла, что дюзы коррекции, которыми управлял автопилот, не смолкали ни на секунду — автоматика честно пыталась уклониться от всех угрожающих столкновением предметов, будь то огромный фрагмент станции или крохотный кусочек пластика, не различая степени их потенциальной опасности, — поэтому корабль лихорадило, он рыскал из стороны в сторону, сжигая драгоценное топливо…

Нужно было выбираться из этого бардака, и Антон, позволив автоматике еще раз отстреляться короткими выхлопами дюз правого борта, взял управление на себя.

* * *

Вырвавшись из роя обломков, АРК Полынина оказался в пределах верхних слоев атмосферы. Датчики, расположенные на обшивке «Тайфуна», недвусмысленно сигналили о начале нагрева, вследствие соприкосновения брони с молекулами воздуха.

Он ждал Тягучие секунды уплывали в бесконечность, но активных засечек в полусфере поискового радара так и не возникло.

Никто не стремился на перехват его корабля. «Уповали на тот рой обломков?»

Ловушка действительно показалась Антону вполне эффективной. Его «Тайфун» вырвался из нее с минимальными потерями, но АРК Полынина был конструктивно приспособлен к полетам среди хаотично перемещающихся масс Иной же корабль автоматически попадал в

положение много худшее: если его не разбивало обломками станций, то, стремясь выйти из-под удара, он неизбежно оказывался ниже парковочных орбит и был вынужден либо совершить аварийную посадку на планету, либо просто сгореть в атмосфере Деметры — окончательный исход напрямую зависел от массы гипотетического корабля, его скорости и количества полученных в момент всплытия повреждений.

«Интересно, кто автор этой западни?» — подумал Антон, позволяя автопилоту включить режим аварийного торможения. — «Пресловутая Мать или все-таки ганианцы?»

Первое показалось ему лишенным смысла — интуиция склонялась в пользу ганианских наемников. Их стиль. Зачем компьютерной сети Деметры уничтожать любой всплывающий в системе корабль — ведь она имела свой юридический статус и «обитала» на планете вполне законно. Нельзя забывать и о том, что упомянутый искусственный интеллект, хоть и был признан разумом, но разумом *машинным*, а значит, в его основе неизбежно лежала функция рациональности.

По мнению Антона, рвать в клочья всплывающие корабли — это, как минимум, нерационально. Такая неоправданная жестокость скорее присуща людям, а если выбирать из конкретного списка, то ганианцы вполне подходили под авторство.

«Для собственных кораблей у них наверняка есть иная точка всплытия, менее удобная в плане навигации, более энергоемкая…» — подумал Антон, — «ну а любому постороннему кораблю, чей капитан сунет нос в систему Деметры, пользуясь стандартными навигационными базами данных, это местечко — просто распахнутые ворота в ад…»

Все вроде бы складывалось в пользу его версии, но отсутствие патрульных судов настораживало…

…Удаляясь от парящих в космосе обломков, его корабль снижался, интенсивно тормозя двигателями планетарной тяги. Антон сознательно позволил автопилоту избрать самый экстремальный из всех режимов — меньше шансов, что собьют…

Низкие орбиты, которые АРК проскочил ярким, ослепительно сияющим болидом, не принесли дополнительных неприятностей, но Антон, превозмогая растущие перегрузки, продолжал сидеть в напряженном, изматывающем ожидании следующей каверзы…

Однако прошло полторы минуты, а в зоне сканирующей аппаратуры так и не появилось ни одного объекта, который спешил бы наперехват незваному гостю.

Молчал эфир. Немо плыли по своим орбитам нетронутые

разрушениями станции контроля.

Когда истекла третья минута торможения, Полынин был вынужден признать, что по всем признакам околопланетное пространство Деметры мертво, статично, и это показалось ему зловещим и удивительным.

«Где же противодействие со стороны пресловутой компьютерной сети?» — думал он. — «Где корабли Флота Сферы, о которых так много говорили в прессе? Тоже кружат среди обломков, в точке гиперсферного всплытия?..»

«Тайфун», отработав секциями планетарной тяги, выпустил короткие, скошенные атмосферные крылья, переходя в горизонтальный полет на турбореактивной тяге.

Секунды проходили все в том же томительном, напряженном ожидании. С высоты в три тысячи метров Антон мог наблюдать лишь густые клубящиеся облака, чей слой располагался на высоте в один километр.

Бортовые вакуумные орудия АРК, на которые Роглес исхитрился получить разрешение, как на обыкновенные противометеорные пушки, были готовы открыть огонь в любую секунду. Полынин был уверен, что вот сейчас из-под клубящихся облаков навстречу ему вырвутся наконец прикрывающие планету средства обороны… но нет.

Приборы, сканирующие пространство сквозь ватный слой облаков, сообщали лишь о том, что над поверхностью Деметры в данный момент идет обильный снегопад…

* * *

Еще раз задействовав двигатели планетарной тяги, Антон заставил свой корабль совершить «нырок», спикировав под густой покров облачности, и вновь стабилизировал АРК в горизонтальном полете, переключившись на режим турбореактора.

В обзорные экраны мело снегом, крупные хлопья косыми росчерками летели навстречу видеосенсорам, внизу смутно просматривались контуры холмистой равнины, посреди которой, словно оброненный великаном серый кирпич, лежал, наполовину утонув в песках и снегу, огромный цоколь несостоявшегося мегаполиса.

Разглядеть его было довольно сложно, несмотря на стокилометровую протяженность самого сооружения, — снег летел пустой пеленой, скрадывая понятия «верха» и «низа», размывая контуры рельефа, и Полынину пришлось переключиться на режим компьютерного видения.

На отдельном информационном экране сразу проступило множество

подробностей ландшафта, проплывающего под днищем «Тайфуна».

Антон увидел, что расположенная внизу равнина, помимо естественных холмов, была изрыта какими-то траншеями, рвами, котлованами, среди которых кое-где попадались проплешины голого бетона размером с футбольные поля, и везде, если верить показаниям сканеров, присутствовал металл. Массы металла, на земле, под землей, даже в чахлом лесу с кривобокими, больными от избытка оксидов железа деревьями, и там прятались груды металлолома, словно вся поверхность холмистой равнины на глубину до пяти метров представляла собой одну огромную свалку… либо давно заброшенный полигон, где медленно ржавела завезенная для испытаний техника.

Просмотрев эти данные, Полынин сосредоточился на другой группе приборов.

Автоматика уже успела проверить все доступные сканированию диапазоны связи, и итоговые показания бортового компьютера упрямо свидетельствовали, что в эфире Деметры царит полная радиотишина. Датчики тепловой активности, способные обнаружить термальный всплеск от зажженной спички на расстоянии в десяток километров, демонстрировали на суммирующем экране лишь общий тепловой контур цоколя, в глубине которого жарким пятном растекся размытый отпечаток работающего реактора. Все остальное пространство в радиусе действия сканеров имело статичный, бледно-салатный фон.

Нейтральные показания приборов лишь усилили внутреннее напряжение Антона. Он не ожидал, что единственным активным источником тепла, перемещающимся над данным участком Деметры, будет его собственный корабль…

Никто не пытался ни вступить в контакт с пилотом неожиданно появившегося АРК, ни противодействовать его маневрам.

«Странно…» — подумал Антон. — «Пусть я ошибался относительно ганианцев, но куда же в таком случае подевалась пресловутая компьютерная сеть с ее раздутой человекофобией?»

Не доверяя этой обманчивой тишине, Полынин заставил АРК сделать еще несколько кругов над мертвым с виду цоколем. На его ровной поверхности при помощи компьютерных систем просматривалась занесенная снегом и песком планировка коммуникаций второго яруса недостроенного мегаполиса. Среди полустертой временем сетки городских улиц кое-где высились иззубренные руины давно заброшенных зданий, видимые невооруженным глазом.

Картина складывалась унылой, удручающей. Казалось, что жизнь

навсегда покинула это место… хотя определить наверняка, что конкретно скрывают припорошенные снегом бетонные перекрытия, приборы АРК не могли — датчики фиксировали лишь общий температурный фон исполинской постройки да яркое пятно реактора, спрятанное в глубине подземных уровней…

Завершив третий круг над огромным серо-белым прямоугольником, Антон решил, что проявил достаточно осторожности — если кто-то и скрывался внутри мрачной постройки, то появление «Тайфуна» не вызвало никакой зримой реакции со стороны этой гипотетической силы.

Посадку логичнее всего было производить тут, прямо на верхнюю плоскость огромной бетонной коробки, благо ширина улиц и минимальное количество зданий второго яруса только способствовали такому маневру. Рука Антона потянулась к панели автопилота.

В душе на протяжении вот уже нескольких минут крепло недоброе чувство. Ему все более начинало казаться, что в его понимание ситуации вкралась какая-то ошибка…

Роглес бы сказал проще: «Опять промахнулся, Полынин?..»

Выбрав точку в центре заброшенного города, где шесть проспектов сливались в огромную площадь, он повел АРК на посадку.

Через минуту выпущенное автопилотом шасси взметнуло мерзлый песок, смешанный со снегом; «Тайфун» несколько раз подпрыгнул, поймав литыми колесами выступы поребриков, спрятанных под нанесенным ветром песком, и, прокатившись еще около сотни метров, остановился, взвизгнув тормозами.

Антон бросил беглый взгляд на приборы.

Анализатор атмосферы показывал норму, допустимую для дыхания через маску, сканеры тепловых датчиков молчали, игнорируя фоновое тепло, на полусфере радара ни единой засечки…

Антон не спешил. Несколько минут он терпеливо высидел в кресле, не отрывая рук от сенсорных рычагов наведения бортовых вакуумных орудий, но вокруг по-прежнему стояла мертвая тишь… Медленно кружа, падали крупные хлопья снега, лишь где-то вдалеке, наверное, у того самого кривобокого леса, заунывно выла одичавшая собака.

У него постепенно начало складываться ощущение, что этот мир действительно мертв — если тут и были ганианцы, то они ушли, иначе сел бы он на поверхность цоколя без единого выстрела с их стороны?

Медленно падающие хлопья пушистого снега вызывали в его душе чувство досады. Антону казалось, что он провел абсолютно верную логическую нить между давними событиями на Хаборе и Деметрой,

появлением на Аллоре Сары Клеймон и тем фактом, что она являлась пассажиркой колониального транспорта «Бристоль». Все эти звенья легко соединялись в логическую цепь, но лишь при одном непременном условии — на Деметре должны располагаться базы ганианцев, на одной из которых содержали Павла…

…С тихим потрескиванием статики заработали электромагнитные «дворники», смахивая с видеосенсоров налипающий на них снег. Молчаливыми уступами возвышались руины зданий.

Его окружало безмолвие цоколя и медленно падающие снежинки…

Он вспомнил иссушенное, обезображенное криогенным старением тело Сары Клеймон и резонно напомнил себе, что где-то неподалеку этот же снегопад ложится на такую же безмолвную, *мертвую на вид* сферу колониального транспорта «Бристоль»…

Тишина и медленно кружащий снег не должны обмануть его — ведь Сара Клеймон очнулась тут, на Деметре, и фотографию, отданную им Паше, она могла получить только здесь.

«Просто кто-то наблюдает и ждет…» — эта мысль прокралась вдоль позвоночника, заставив руки расстегнуть замки страховочных ремней…

На самом деле все было гораздо сложнее, чем казалось Антону.

Глава 9

Планета Деметра. Цокольный этаж города-колонии.

Выбравшись из кабины АРК, Полынин осмотрелся.

Справа темнели припорошенные снегом уступчатые руины многоэтажных зданий, слева ветер стлал колючую поземку, наметая сугробы у низких огрызков стен. Главные проспекты заброшенного города уходили в шести разных направлениях, но его интересовали не руины второго яруса, а ближайший спуск вниз, в недра цокольного этажа.

Где-то тут, под толщей мрачных стен, расположен компьютерный центр давно покинутого города.

Если сеть Деметры по-прежнему функциональна, то она должна владеть исчерпывающей информацией о событиях, происходивших на подконтрольной ей территории. В том факте, что заброшенная сфера колониального транспорта по-прежнему находится под присмотром компьютерных систем, Антон не сомневался. Он по инерции мыслил теми же категориями, что и инженеры, которые проектировали кибернетические сети много веков назад.

Единение электронных составляющих цоколя создано человеком и *обязано* подчиняться своим создателям. После благополучной посадки на поверхность планеты Антон только утвердился в этом мнении.

Тишина, царящая вокруг, свидетельствовала, что слухи о могуществе мифической сети сильно преувеличены. Да и существовала ли она на самом деле? Сто, двести, ну пусть даже тысяча компьютеризированных узлов цоколя, объединенных в сеть, никак не ассоциировались в его рассудке с *мыслящим существом*.

Увязая в снегу и песке, наносы которого заставляли ноги тонуть в них по самые щиколотки, он добрался до руин и вошел внутрь полуразрушенного здания через обычный дверной проем.

Это был какой-то административный комплекс. За дверями открылся сумеречный вестибюль с двумя рядами подпирающих верхнее перекрытие колонн, по обе стороны которых, изгибаясь во тьму, уходили лестничные марши с вычурными перилами.

Пол, свободный от песка и снега, был покрыт облупившимся пластиковым паркетом с геометрическими узорами.

Покидая АРК, Антон облачился в боевую экипировку пилота — нечто среднее между скафандром и легким защитным костюмом. Дыхательной

маской он пока что не пользовался, но все встроенные в экипировку анализаторы окружающей среды активировал на максимальную чувствительность, чтобы случайно не пропустить зоны химического, бактериологического или радиационного загрязнения.

Шестнадцатый «импульс» — укороченный штурмовой вариант знаменитой «ИМ-12» — он держал на отпущенном ремне, стволом вниз, не снимая пальцев правой руки с удобной пистолетной рукоятки оружия, так, чтобы в любой момент быть готовым открыть огонь навскидку.

Пока что вокруг стояла гробовая тишина, а в здании это ощущалось особенно остро — стихло завывание ветра, колючий танец снежинок сменился таинственным, прохладным сумраком давно заброшенных помещений.

«Давно ли?..»

Эта мысль обожгла разум, как только он включил плечевые фонари, осветившие один из дальних углов огромного вестибюля.

Под изгибом лестницы пол покрывала щедрая россыпь стреляных гильз, стена и часть ступеней были выщерблены пулями, и, если приглядеться, то на полу можно было различить протянувшиеся цепочкой овальные пятна засохшей крови, которые вели от тупика под лестницей к началу ступеней.

Антон прошел к тому месту, где кто-то держал оборону. Подняв одну из гильз, он посмотрел на маркировку, идущую по ободу, вокруг наколотого затвором капсюля, и опять почувствовал, как нервный холодок крадется вдоль спины, — это незамысловатое клеймо в виде двух букв «Д» и «Б» он запомнил на всю жизнь: им были маркированы кофры с оружием, которые они с Пашей Мороком вскрывали в подвале диспетчерской башни на Хаборе.

Тогда сочетание двух букв казалось полнейшей загадкой, а теперь?

«„Д“ и „Б“… Деметра… „Бристоль“?!.. Так понимать эту аббревиатуру?»

Полынин сунул гильзу в карман и развернулся в направлении сектора обстрела, который открывался из тупика под лестничным маршем.

Рассеянный свет фонарей выхватил из сумрака разбросанные по полу вестибюля фрагменты серв-механизма, изуродованные автоматическим огнем. Подойдя ближе, Антон понял, что это куски корпуса и часть деформированного, разорванного автоматной очередью манипулятора от какого-то кибернетического устройства.

«Итак… Люди и машины?»

Стоило выяснить, кем являлся раненный тут человек. Пятна крови на

полу высохли, побурели, но, если вспомнить, что люди покинули Деметру более двух десятилетий назад, то данные следы крови можно было признать свежими.

Вместо того, чтобы искать спуск в подвал, Антон начал медленно подниматься по плавно изгибающейся лестнице, ведущей к балкону второго этажа. Пятна крови попадались через каждые две—три ступени, потом они вдруг превратились в сплошную и широкую бурую полосу, будто у человека кончились силы и последние десять—двенадцать ступеней он преодолевал ползком, оставляя обильный кровавый след.

Поднявшись на балкон, Антон увидел труп, в двух шагах от которого, привалившись к посеченной пулями стене, стоял корпус андроида, прошитый несколькими автоматными очередями.

Человек лежал на полу, широко раскинув руки. Его голова была запрокинута, остекленевшие глаза широко открыты, в правой руке он до сих пор сжимал автомат — видно, пытался приподнять оружие в последнем усилии, но не смог…

Полынин присел рядом с телом.

Кровь опять глухо и ритмично принялась ломиться в виски — судя по чертам лица, перед ним лежал ганианец!..

«Значит, я не ошибся… Они были тут… Были!..»

Ему потребовалось некоторое время, чтобы справиться с подкатившими к горлу чувствами. На миг показалось, что его рывком вышвырнуло назад, в прошлое, на Хабор…

Усилием воли он вернул в рамки рассудка свое распоясавшееся вдруг воображение.

Тишина… Она по-прежнему царила в пустом здании, обволакивая его со всех сторон.

Успокоившись, Антон попытался разжать окоченевшие на пистолетной рукояти оружия пальцы, но не смог — зима на Деметре началась полтора месяца назад, и труп изрядно промерз. Следов тлена на открытых участках кожи не было, значит, смерть наступила уже в период холодов, около полутора месяцев назад — как раз в ту пору, когда, по расчетам Полынина, очнулась от сна Сара Клеймон.

«Слишком много совпадений во времени…» — машинально отметил он.

Не сумев разжать пальцы, он отодрал примерзшую к полу руку мертвого ганианца и с хрустом повернул негнущуюся конечность, чтобы увидеть клеймо, проштампованное на прикладе автоматического оружия.

Две буквы: «Д» и «Б», заключенные в овальную рамку… Автомат был

произведен на том же самом конвейере, что и оружие, использованное ганианцами десять лет назад при нападении на Хабор!..

Антон готов был поклясться, что правильно угадал значение букв, а значит…

По телу опять проползла знакомая дрожь, оканчивающаяся стягивающими кожу на затылке крупными мурашками, — ощущения были сродни тем, что испытывал он десять лет назад перед самой высадкой…

Полынин понял — захват Деметры был первичной акцией кланов Ганио, а уже потом они осуществили налет на Хабор.

Антон отпустил руку мертвеца, и разряженный автомат глухо стукнул о пластиковый паркет.

Из информации, полученной посредством сети Интерстар, он знал, что единственным видом производства, который поддерживали люди на Деметре на протяжении восьми веков существования колонии, было изготовление автоматического оружия и боеприпасов, необходимых для ведения бесконечной войны с инсектами.

После эвакуации людей существующие производства никуда не делись, они автоматически перешли в полноправное ведение компьютерной сети цоколя.

Но как ганианцам удалось овладеть Деметрой? Неужели действительно все сведения о независимости обитающего тут машинного разума, его ненависти к людям и неограниченных возможностях сети — всего лишь сказка, миф?

По фактам выходило именно так. Иначе каким образом кланы Ганио оказались полноправными хозяевами планеты, о которой ходило столько зловещих слухов?

«Найду ли я ответ? Узнаю ли правду?» — подумал он, покосившись на прошитый автоматными очередями корпус человекоподобного робота.

Из клейма на оружии становилось ясно — ганианцы базировались тут десять лет назад, перед атакой космопорта планеты Хабор. Они имели в своем распоряжении местные производства, а значит, контролировали заброшенный цоколь вместе с его компьютерной сетью. Станции Совета Безопасности к тому времени уже опустели, вследствие краха всей системы Конфедерации в целом, а никаких более поздних данных по Деметре в сети Интерстар Антон не нашел — обитаемой Галактике, раздираемой межпланетными противоречиями, стало не до этой свалки металлолома.

Полынин посмотрел на труп ганианца, потом на человекоподобного робота. Десять лет кланы Ганио правили тут, а полтора—два месяца назад внезапно покинули Деметру, отступив под натиском машин?

Так все-таки сеть Деметры и ее потенциальные возможности — это миф или правда?

В данный момент он не мог ответить на заданный себе вопрос. Единственное, что Антон видел и мог утверждать наверняка: недавно тут произошла схватка людей и машин, в результате чего система Деметры опустела, а на планете Аллор появилась умирающая от обвального дряхления организма Сара Клеймон, по непонятной пока причине представившаяся ему как мать Паши Морока…

…

Оставив труп ганианца лежать на прежнем месте, Антон вернулся в мрачный холл полуразрушенного здания и начал осмотр прилегающих помещений.

Технический спуск вниз, в недра цокольных этажей, отыскался достаточно быстро. В полу одной из комнат он заметил квадратный люк, который легко поддался усилиям десантного ножа, откинувшись вверх с протяжным скрипом ржавых петель.

В темноту уходила влажная от конденсата вертикальная лестница, перекладины которой покрывала бахрома ржавчины.

Из открывшегося отверстия тянуло прохладным сквозняком, который нес незнакомые, тревожащие обоняние запахи затхлых подземелий.

Закинув за спину шестнадцатый «импульс» и опустив на лицо забрало мягкого шлема с дыхательной маской, Антон полез вниз, в черноту.

* * *

Первый уровень, на стенах которого изредка попадалась маркировка «минус один», или просто «А», носил следы жестоких разрушений.

Спустившись по вертикальной лестнице, Антон оказался в бетонном тамбуре, из которого вели четыре выбитые взрывами двери. Стены бетонной коробки щедро покрывали выщербины от пуль.

Несколько минут он стоял, напряженно вслушиваясь в тишину, но та была глухой, мертвой…

Гильзы, рассыпанные по полу, хрустели под ногами, как гравий.

Чувства, которые пробуждал в душе этот звук, толкали разум назад в прошлое, все глубже и глубже…

Антон встряхнул головой, словно отгонял от себя злой морок назойливых воспоминаний.

«Нужно идти, а не стоять тут, подобно пугливой девице…»

Мысленный окрик подействовал. Когда вокруг нет никого, полезно бывает пообщаться с самим собой.

Сообразуясь со стандартной схемой цоколя, которую высвечивал компьютерный планшет, он решительно повернул направо, где должен был располагаться спуск к уровню «Б».

Плечевые фонари Антон выключил. Термальная оптика работала меж прохладных стен достаточно четко, чтобы он мог ориентироваться в кромешном мраке, не привлекая к себе внимания двумя яркими столбами света.

Картинка окружающего, проецирующаяся на лицевое забрало мягкого шлема, чем-то напоминала фрагмент скверно исполненной виртуальной реальности. Зеленоватые стены смыкались в близкой перспективе, образуя прямые отрезки коридора, видимость составляла не более пяти метров. Инфракрасные прожектора испускали незримые тепловые лучи, которые подсвечивали контуры окружающих предметов, но их мощность все же оставляла желать лучшего — пятиметровый радиус обзора вынуждал Антона идти в постоянном напряжении, и, как выяснилось вскоре, — не зря.

Двигаясь в избранном направлении, он осмотрел две примыкающие к коридору комнаты. Обе выглядели одинаково и носили явные следы недавнего пребывания тут людей. Вдоль стен стояли койки, повсюду были разбросаны вещи, на длинном столе валялось несколько перевернутых пластиковых мисок. Сомнительно, чтобы тут обитали ганианцы, скорее эти помещения являлись казармами для рабов. Осмотрев двери, Антон нашел подтверждение своим выводам в виде установленных снаружи бесхитростных, но мощных засовов.

Миновав длинный коридор, он вышел в обширный зал с низким потолком. На компьютерной схеме данное помещение было обозначено значком промышленного производства, и действительно, схема не лгала — в зеленоватом сумраке проступили очертания остановившегося конвейера, над которым, словно изломанные руки, нависли давно не работающие лапы автоматических манипуляторов. По изначальному замыслу инженеров, тут должна была производиться пластиковая мебель, но профиль производства был изменен очень давно: подойдя вплотную к конвейерной ленте, вдоль которой тянулись рабочие места для ручной сборки, Антон смог убедиться, что автоматические манипуляторы пришли в негодность много веков назад. Металлические части покрывала короста ржавчины, шланги и приводы были оборваны или отсутствовали вообще. На низких столах, расположенных вдоль ленты транспортера, стояли контейнеры с комплектующими деталями для сборки знакомого ему автоматического оружия.

Бегло осмотрев участок примитивного производства, Полынин пошел дальше. Неосознанные, но недобрые предчувствия копились в душе, торопя к переходу на следующий уровень подземелий. Нужно быстрее спуститься вниз, к главному управляющему центру мрачной постройки, только там он мог снять интересующую его информацию с электронных носителей компьютерных систем цоколя.

В конце цеха он увидел взорванный участок стены.

Остановившись, Антон пытливо всматривался в картину, которую выдавала термальная оптика, но зеленоватые контуры окружающего казались размытыми, нечеткими — все предметы имели приблизительно одинаковую температуру, и в таких условиях инфракрасное видение больше раздражало, чем несло конкретную информацию.

Отступив на несколько шагов, он включил плечевую подсветку.

На уцелевшем фрагменте стены, в которой имелся дверной проем, в свете фонарей проступила нанесенная от руки надпись:

«Участок изготовления боеприпасов. Соблюдать осторожность».

Древний интеранглийский говорил о том, что надпись на стену нанесли люди, которые жили на Деметре в период войны с инсектами.

Видимо, ганианцы просто возобновили брошенное производство, используя тут ручной труд рабов. Соблюдая осторожность, Антон подошел к обвалившемуся участку стены. Оглядевшись, он увидел помятые, издырявленные контейнеры, россыпи целых и разорванных патронов, два поваленных набок пресса для штамповки гильз и…

Дыхательная маска не позволила ему уловить стойкий запах тлена, витавший в этом помещении, поэтому, увидев полуразложившиеся останки нескольких человек, он невольно вздрогнул.

Взглянув на датчик температуры окружающей среды, он понял, что на уровне «А» значительно теплее, чем наверху, примерно десять градусов выше нуля.

По обрывкам одежды становилось ясно, что тела принадлежат рабочим — тряпье, укрывавшее останки, впору было назвать лохмотьями…

В следующий миг внимание Полынина отвлек возникший в сторожкой тишине подземелий шум.

Он погасил прожектора, машинально отступив за мощную станину какого-то неимоверно древнего станка.

Дверь, сохранившаяся во фрагменте стены, открылась, протяжно взвизгнув ржавыми петлями.

В салатном сумраке возникла фигура человекоподобного робота, окруженного свитой приземистых кибернетических механизмов, издали похожих на оторванные головы мифической Горгоны. Их сферические тела имели массу отростков-манипуляторов, гибких, словно змеи.

Надеясь остаться незамеченным, Антон погасил всю электронику костюма.

Зря…

В наступившем кромешном мраке он отчетливо различил две видеокамеры андроида, расположенные на месте глаз, — они светились зловещим, тускло-красным светом.

Робот был снабжен тепловым видением!..

«Проклятье!..»

От первой очереди Антона спас толстый чугун станины, за которой он спрятался, услышав шум.

Рывок в сторону, перекат по полу, касание сенсоров активации электронных систем — все это заняло несколько секунд, пока старый металл гудел, содрогаясь под градом осыпавших его пуль.

Андроид, внешне копирующий человеческие формы, был вооружен автоматическим оружием. Ствол древнего автомата рывками двигался из стороны в сторону, синхронно с тем, как оптика дройда перемещала фокус видеокамер в поисках цели, а вот его «подтанцовка» из пяти маленьких шустрых сфероидов не отреагировала на Антона вообще. Они рассыпались по помещению, словно лохматые мячики, не обращая на человека никакого внимания…

В гулкой тишине опять загрохотали выстрелы — это андроид отследил перекат пытавшегося уйти из-под огня Антона и повел стволом, всаживая пули в нагромождение контейнеров, за которыми секунду назад скрылся Полынин.

Выстрелы в замкнутом пространстве звучали оглушительно, в воздух полетела пластиковая щепа, штабель контейнеров начал разваливаться, но Антон уже успел уйти дальше, за перевернутый давним взрывом металлический верстак.

Щелк…

Это был характерный звук сработавшего вхолостую затвора, знакомый еще с Хабора. Антон ждал его и не ошибся в своем предвидении ситуации.

Дройд явно не испытывал дефицита в патронах, но на смену боекомплекта неизбежно уходит несколько секунд, и тут все равно, человек ты или робот…

Пустой автоматный магазин с глухим стуком отлетел на пол, но

вставить новый андроид не успел: резко привстав из-за укрытия, Полынин короткой очередью из «шторма» разнес грудной кожух человекоподобной машины, превратив спрятанный за ним процессор в груду обломков, искрящих внутри развороченного корпуса.

Дройд еще секунду стоял посреди прохода, потом с глухим грохотом повалился на пол.

Антон осмотрелся, не покидая укрытия. Сфероидальные механизмы, разбежавшиеся было по цеху, тут же собрались вокруг поверженного собрата. Полынин ожидал от них каких-то агрессивных действий, но зря: по-прежнему не обращая внимания на человека, они с тонким визгом выпускали гибкие манипуляторы, запуская их через отверстия, пробитые титановыми шариками, внутрь разбитых схем и приводов поврежденного механизма.

«Это и есть загадочная кибернетическая жизнь планеты?!» — глядя на возникшую суету, подумал Полынин.

Старый человекоподобный робот, вооруженный примитивным огнестрельным оружием, да несколько волочившихся за ним ремонтных агрегатов не могли породить того зловещего и таинственного ореола, который много лет окружал Деметру в информационном поле «цивилизованных миров». Они скорее походили на жалкие останки чего-то былого…

…Встав из-за перевернутого верстака, он подошел к группе копошившихся в проходе исполнительных механизмов, бесцеремонно распинал их в разные стороны, и сам склонился над расколотым кожухом дройда. Вырвав мешавшие куски металлопластика, он добрался до нужных схем и подключил к уцелевшим контактам шунт анализатора.

Микропроцессор его экипировки быстро протестировал сохранившиеся блоки долгосрочной памяти.

Видеоряд дройда оказался на удивление скуп. Перед Антоном в ускоренном темпе прокрутилось изображение темных заброшенных коммуникаций, которые патрулировал этот робот. Не отыскав в записях ничего полезного, он протестировал другой модуль памяти, и тут ему повезло: среди уцелевших микрочипов обнаружился кристалл, содержавший в себе программу вариатора целей.

Вообще-то человекообразные роботы, используемые, как правило, в качестве домашней прислуги, не комплектовались боевыми системами, но этот имел примитивный программный эквивалент «боевого автопилота».

Антон бегло просмотрел строки машинного кода, задающие алгоритм поведения машины, потом на экран тестера выползла более наглядная

информация.

В рамке был выделен пульсирующий красным цветом контур человека, рядом шли командные строки:

Статус: Цель.
Действие: Уничтожение.

«Очень емкая инструкция», — невесело усмехнулся Антон, пытаясь угадать, кто запрограммировал эту сугубо мирную машину на совершение несвойственных ей задач.

Любой человек, появившийся в радиусе действия сканеров данного робота, подлежал немедленному уничтожению — это вполне вписывалось в общую картину противостояния, фрагменты которого Антон наблюдал повсюду. Машины явно и не без успеха зачищали цоколь от людей, но почему именно сейчас? Что побудило кибермеханизмы, подконтрольные сети сопротивляться вторжению кланов Ганио спустя десять лет после их появления на планете?

Он убрал щуп анализатора и встал с колен.

Снабженные гибкими манипуляторами сфероиды сбились в проходе в тесную группу. Создавалось полное ощущение того, что они толкутся там в полной растерянности, изредка обмениваясь щебечущими сигналами.

Посмотрев на распростертого на полу дройда, Антон на всякий случай произвел контрольный выстрел, всадив титановый шарик в центральный узел всех сервоприводов.

Стоило ему отойти на шаг, как пять ремонтных механизмов тут же бросились к поверженному дройду, но он не стал им мешать — вряд ли сфероиды смогут что-то сделать при столь критических разрушениях.

«Пусть себе работают…» — подумал Антон, направляясь к распахнутой двери, через которую минуту назад в цех вошел человекоподобный робот.

Теперь недра цоколя уже не казались ему такими безжизненными, как на первый взгляд. Внезапное столкновение с дройдом заставило его действовать более осторожно.

Продвигаясь по темным помещениям, он еще несколько раз встречал следы противостояния людей и машин. На уровне «Б», куда он спустился после получасовых блужданий по запутанному лабиринту коммуникаций, температура и влажность воздуха значительно повысились, и теперь Антон уже не мог определить, какой расе принадлежат разлагающиеся останки человеческих тел, которые изредка попадались на его пути.

Чем глубже он спускался, тем тяжелее становилось на душе.

Зловещая тишина коридоров, следы разрушений, мрак — все это угнетало, исподволь давило на разум. За несколько часов блужданий ему не встретилось ни одной исправно работающей системы цоколя: нигде не горел свет, лишь изредка в глубине коридоров раздавался знакомый ноющий звук сервоприводов — это в неведомых глубинах подземных этажей перемещались какие-то, обладающие автономией кибернетические механизмы, но у Полынина не было желания сталкиваться с ними, и он просто пережидал такие моменты, прислушиваясь к затухающему в неведомых глубинах вою.

Теперь он понимал, почему у людей, живших на поверхности еще до расселения колонии, недра города вызывали стойкую неприязнь.

На втором уровне он уже не встречал действовавших недавно производств или мест, где проживали рабочие. Единственным признаком недавнего пребывания тут людей были расстрелянные видеокамеры наблюдения, поверженные автоматными очередями роботы да разлагающиеся во влажной атмосфере трупы.

Каждый раз, натыкаясь на останки человека, Антон внутренне холодел, думая о Паше, но ни на первом, ни на втором уровнях ему не попалось ни одного тела без ног…

В конце концов, блуждание по мрачным подземельям стало превращаться для него в муку — это смахивало на спуск в запустелый кибернетический ад, где на каждом шагу попадались обездвиженные остовы различных механизмов, странных по форме, непонятных по смыслу своего прошлого существования… и чем ниже он спускался, тем реже встречались ему останки людей, зато в некоторых залах непривычные глазу конструкции буквально образовывали непроходимые заросли: трубопроводы, кабели питания, подвижные сервоприводные элементы, мертвые в данный момент и неподвластные пониманию…

Из-за таких неожиданных препятствий Антону несколько раз пришлось уклоняться от кратчайшего маршрута, в поисках обходных путей. Схема цоколя, которую содержал его компьютерный планшет, явно устарела — эти мрачные подземелья уже не соответствовали стандарту, разработанному земными инженерами, они перестраивались не раз и не два, по прихоти непонятной силы, царившей тут на протяжении сотен лет.

* * *

На третий уровень он вышел окончательно измученным, как морально, так и физически.

Здесь стояла влажная духота — где-то рядом располагались две подземные оранжереи, окруженные замкнутыми контурами систем охлаждения ядерного реактора. Силовые установки цоколя работали: стены, покрытые каплями конденсата, в некоторых местах ощутимо вибрировали, отражая работу генераторов…

Страшно было подумать, сколько веков прошло с тех пор, как были возведены эти этажи…

Сверившись с компьютерной схемой, Антон преодолел еще несколько коридоров и вышел, наконец, в интересующий его зал.

Здесь, согласно схеме, должен был располагаться центральный узел компьютерной сети цоколя.

Помещение было огромным и имело форму полусферы.

Он остановился на пороге в проеме выбитой взрывом двери и понял, окинув взглядом обширный зал: зря он уповал найти тут ответ на копившиеся в душе вопросы. Только два терминала в разных частях зала выглядели относительно неповрежденными, основная же масса электроники была перемешана взрывами в уродливое месиво осколков. На полу валялись не только куски терминалов, но и поверженные корпуса защитников зала. Механизмы, изуродованные пулями и взрывами, имели лишь смутное, с трудом узнаваемое сходство со стандартными, бытующими в человеческих мирах формами. Присмотревшись, Полынин понял, что большая часть кибернетических механизмов представляет собой гибриды, в которых причудливо смешивались комплектующие детали и технологии различных эпох и породивших их планет.

Человеческие останки, перемешанные с частями кибермеханизмов, обглодали крысы. Зрелище было жутким и завораживающим одновременно. Глядя на этот хаос павших друг на друга бойцов, чьи кости немо желтели среди тусклого хрома и зернисто-серого керамлита оторванных сервоприводных конечностей, Полынин не знал, на чьей стороне находится его разум… Он просто немо и потрясенно созерцал поле битвы, усеянное останками людей и машин…

Он видел похожие картины в Рукаве Пустоты. Фрагменты погибших миллионы лет назад миров, которые цепко удерживала память, совершенно не походили на реальность этого зала внешне, но были схожи по внутреннему содержанию.

В этот миг он впервые подумал о том, что человечество уже давно оставляет на своем пути самые натуральные артефакты — мертвые головоломки, подобные сохранившимся от трех рас древности в Рукаве Пустоты…

…Обойдя завалы обломков, Антон приблизился к одному из уцелевших терминалов, на котором горело несколько сиротливых огней.

Понять его предназначение не представлялось возможным — на терминале уцелел только один экран, да и тот был черен как ночь, раскладки сенсорных клавиатур покрывали абсолютно незнакомые знаки текстоглифов… Антон попытался подключить тестер к оголившейся группе контактов, с которых шальная пуля сорвала защитную облицовку, но прибор, совершив несколько неудачных попыток добраться до хранящейся на носителях терминала информации, в конечном итоге высветил на своем мини-дисплее:

«Полная программная несовместимость. Конверторы, необходимые для преобразования файлов, в базах данных отсутствуют».

Антон понял, о чем сообщает ему сервисная оболочка тестера: система, с которой пытался установить контакт его электронный прибор, на поверку оказалась такой древней, что у современного компьютера попросту не нашлось адекватных программных средств для общения с ней.

Он повторил попытку со вторым уцелевшим терминалом, но с таким же успехом Полынин мог попытаться разговаривать со стеной… Компьютерная сеть Деметры, о которой столько говорили и писали в свое время, была разрушена, это приходилось признать, и теперь у него оставался последний шанс, на который Антон уже не особенно уповал после всего увиденного в недрах цоколя. Сфера колониального транспорта «Бристоль». Нужно было выбираться отсюда и попробовать отыскать древний космический корабль — может быть, там отыщется ключ к пониманию произошедших тут полтора месяца назад событий?

Посмотрев на схему цоколя, которую по-прежнему высвечивал его компьютерный планшет, Антон, перешагивая через завалы электронных схем и останки сражавшихся тут людей и машин, направился ко второму выходу из разрушенного центра управления.

Отсюда, если верить схеме, вела прямая дорога наружу. Через залы с отстойными бассейнами для воды, циркулирующей в системе охлаждения реактора, он мог попасть к воротам, которые выходили прямо на заснеженную равнину у основания цокольного этажа.

* * *

За коротким отрезком коридора действительно открылся огромный зал с тремя курящимися паром бассейнами.

Сразу за выходом, в десятке метров от тоннеля, ведущего к центру управления, под ноги Полынину попались два корпуса поваленных друг на друга человекоподобных роботов.

Он остановился.

Обе машины были обезображены множественными попаданиями, у одного из дройдов голову попросту снесло с плеч, оставив торчать во все стороны разлохмаченные кабели и жгуты шейных сервоприводов.

Полынин огляделся вокруг и увидел, что рядом валяются ремонтные сфероиды, — создавалось полное ощущение, что кто-то вел истеричный огонь по группе машин, появившихся из тоннеля…

Нагнувшись, он перевернул один из сфероидальных механизмов. Дыра в его корпусе была величиной с кулак, края оплавлены температурой: такое повреждение мог нанести только шарик из специального сплава, которыми обычно снаряжалось импульсное оружие…

«Фрайг его знает, что и когда тут произошло…» — подумал Антон, разгибаясь. Недра цоколя походили на бесконечный кошмар, где на каждом шагу попадалось что-то требующее объяснения, и по субъективной оценке Полынина, не было смысла копаться в этих загадках, когда его собственные вопросы так и не нашли вразумительного ответа.

Именно поэтому Антон был мрачен и зол. Он потратил впустую массу времени, и вообще, в его понимании версия Деметры уже скончалась. Что толку в правильных логических построениях, когда он опоздал приблизительно на полтора—два месяца?..

Оставалось выяснить, что творится на борту старого колониального транспорта, и тогда впору будет заняться теми самыми гиперсферными курсами, о расшифровке которых просила его Сара Клеймон.

«А может быть, я ошибался, и мной никто не пытался играть?» — Эта мысль неприятно поразила Антона. Действительно, все сходилось к тому, что ганианцы с боем покинули Деметру, разрушив ее пресловутую компьютерную сеть, и скрылись в неизвестном направлении…

Занятый своими мыслями, он вышел к сваренной из поржавевшей металлической арматуры гулкой дорожке, которая огибала средний бассейн, уводя в нужном направлении и…

Сигнал термальной оптики прозвучал в коммуникаторе мягкого шлема так неожиданно и резко, словно это был не тонкий зуммер, а вой…

Полынин, вздрогнув, остановился, повел головой в поиске аномального источника тепла, поймал его перекрестьем тонких линий, но разум в первое мгновенье отказался принять результат сканирования…

«Наверное, я все же свихнулся, блуждая по этим мрачным

подземельям…» — это была первая мысленная реакция на увиденное.

Тонкий писк продолжал рвать нервы, убеждая — сигнал не фантомный и исходит он не от робота, а от *живого существа*, — термальная оптика, которая не имела свойства лгать или фантазировать, ясно очерчивала контур *человека*…

…

Она сидела на краю огромного, курящегося паром бассейна, болтая босыми ногами в теплой радиоактивной воде.

Полынин остановился на краю гулкой металлической дорожки — от неожиданности сердце билось глухо и неровно. Рассеянный зеленоватый свет, исходящий от недосягаемых глазу высот огромного замкнутого помещения, едва позволял разглядеть ее фигуру, но даже издали, при таком неверном освещении становилось ясно, что перед ним девушка, лет девятнадцати—двадцати от роду.

Курящийся паром бассейн с теряющимися в сумраке облицованными пластиком берегами, по разумению Полынина, был отстойником для технической воды, использующейся в системе охлаждения ядерного реактора, — именно поэтому он сделал вывод, что жидкость, наполняющая его, должна быть радиоактивна.

Девушка, не замечая постороннего присутствия, продолжала свое беззаботное занятие.

Антон повернул голову, осматриваясь. Доступный взгляду участок пластиковой набережной огромного искусственного водоема носил следы давних разрушений. Кое-где облицовка отвалилась, обнажая бетон, решетчатые металлические дорожки утратили часть антикоррозийного покрытия, и на них махровым налетом выползла ржавчина; рядом с покосившимся щитом, на котором тускло светился недвусмысленный знак, предупреждающий о потенциальной радиационной опасности, лежали груды тупо поблескивающих хромом механических манипуляторов, неизвестно кем и за какой надобностью сваленных тут.

Окинув долгим, изучающим взглядом этот сюрреалистический фрагмент подземного мира, Полынин покосился на вшитые в рукав защитного костюма анализаторы, но чуткие приборы не проявляли признаков тревоги — пока что цвет индикаторов варьировался от бледно-желтого до изумрудно-зеленого. Возможно, в контурах теплообменников циркулировала недавно набранная вода, не успевшая получить опасной для жизни дозы загрязнения…

Помещение было огромным, гулким, и Антон прекрасно понимал, что следующий шаг выдаст его с головой, а после всего, увиденного этажами

выше, девушка, беззаботно болтающая ногами в курящейся паром воде технического водоема, казалась созданием, как минимум, нереальным, хотя… у каждого явления обязательно должно быть объяснение, смысл его порождающий… — с такими мыслями Полынин сделал шаг, ступив на решетчатую дорожку, которая вела от устья тоннеля к окаймляющему бассейн поребрику.

Он ожидал истеричного испуга или какой-либо схожей реакции, но ошибся. Услышав шаги за спиной, девушка не вздрогнула, не вскочила, не завизжала — просто повернула голову, с явным интересом ожидая, пока он подойдет ближе.

Антон, пораженный такой неестественной выдержкой, остановился в нескольких шагах от нее.

Ее длинные волосы были похожи на сосульки, сотканные из водорослей, — такой цвет им придавал зеленоватый сумрак помещения, а симпатичные и мягкие черты лица показались Антону смутно знакомыми, словно он уже мельком видел их где-то… и это обстоятельство подействовало на его натянутые нервы самым неблагоприятным образом — во рту сразу же появился неприятный солоноватый привкус…

Никто из них не проронил ни звука — единственным аккомпанементом к немой сцене являлся далекий, монотонный плеск воды, изливающейся из невидимого отверстия.

Девушка смотрела на Антона без тени страха или смущения, хотя, по идее, должна была испугаться. Он появился, как призрак, подойдя со спины, с оружием в руках, к тому же был облачен в защитную экипировку, со шлемом, по забралу которого змеились блики, скрывающие черты его лица… Она же, в сравнении с Антоном, выглядела полной противоположностью: безоружна, полуобнажена — из одежды на ней присутствовал лишь короткий кусок перекинутой через плечо ткани, который мало что скрывал.

В моменты таких встреч, практически невероятных с точки зрения здравого смысла, сознание начинает пробуксовывать — человек теряется, не зная, что ему сказать или сделать в ответ на явную нелогичность ситуации, и Антон, готовый ко всяким неожиданностям иного сорта, спасовал: он молча смотрел на нее, а она — на него… Напряженная пауза затягивалась до тех пор, пока губы девушки вдруг не тронула легкая улыбка.

— Привет, — спокойно произнесла она на безукоризненном интеранглийском. — Меня зовут Лана, а тебя?

Ситуация, по внутренней оценке Полынина, резко выходила за рамки

здравого смысла. Во время многочасовых блужданий по мрачным подземельям цоколя он не встретил ни единой живой души — только кровавые следы недавних столкновений ганианцев с кибернетическими механизмами, и потому этот призрак никак не вписывался в его картину восприятия окружающего.

Тем не менее он снял мягкий защитный шлем, открывая лицо.

— Меня зовут Антон.

Девушка улыбнулась в ответ. На ее щеках обозначились ямочки.

Полынин, измотанный долгими блужданиями в недрах цоколя, был настроен менее дружелюбно, а эта встреча лишь на миг показалась ему удивительной. На самом деле она была *зловещей*.

— Что ты делаешь тут, совершенно одна? — спросил Полынин, оглядываясь по сторонам. — И зачем ты мочишь ноги в радиоактивной воде?! — не удержавшись, добавил он.

Два заданных подряд вопроса породили вертикальную морщинку на ее лбу.

Несколько секунд она молчала, а потом ответила:

— Я не понимаю тебя.

В голове Полынина промелькнула мысль насчет семантической пропасти, но он тут же отверг ее.

— Что значит — «не понимаю»? — Он пристально посмотрел на девушку. — Мы же вроде говорим на одном языке, верно?

— Да, — кивком согласилась Лана. — Но я никогда не слышала таких слов. Что значит «одна» и почему ты назвал воду «радиоактивной»?

«Пытается закосить под дурочку? Не похоже…»

— Этот бассейн — отстойник из системы охлаждения реактора. — Антон присел, опустив в воду тонкий щуп анализатора, — а насчет одиночества… — Он на секунду задумался. — Ты не испугалась меня, значит, тебе знакомы и другие люди?

Она пожала плечами.

— Не знаю… Они похожи на меня… — Непонятно, кого имела в виду Лана, но Антон внутренне похолодел.

«Похожи на меня… Люди или андроиды?»

— Тогда почему ты одна, а не с ними? — повторил он вопрос, подавив желание резко оглянуться по сторонам.

Лана не обратила внимания на его напряженное состояние.

— Они все там. — Она неопределенно махнула рукой куда-то в сумеречные глубины огромного помещения. — А я вот проснулась, — печально констатировала она, вырвав эту фразу из контекста собственных

мыслей, не высказанных вслух, поэтому Полынин мало что понял из ее слов. Вытащив щуп анализатора, он посмотрел на цвет столбика.

— Ну, как? — с какой-то детской непосредственностью осведомилась Лана, будто знала его всю жизнь.

— Норма. — Полынин был удивлен чистотой воды, наполнявшей бассейн. — Даже пить можно…

Ситуация, и так ирреальная до степени сценического абсурда, усугублялась с каждой секундой, будто, блуждая по недрам цоколя, он перешагнул невидимую грань и внезапно оказался в совершенно ином мире…

— Тогда пошли купаться. — Она повела плечами, стряхнув этим движением свой минимум одежды, и без всплеска скользнула в воду. — Тут здорово. Тепло, — сообщила она, отплывая на спине от края бассейна. — Тепло и ласково.

Антон присел на край поребрика, покрытый каким-то подозрительным, скользким налетом бурого цвета. Еще раз оглядевшись, он убедился, что в сумеречном зале нет никакого постороннего движения, и только после этого взглянул на отплывшую от бортика девушку.

У нее была красивая грудь и печальные глаза — Лана походила на глюк, пойманный им из-за монотонной усталости бесконечного и безрезультатного поиска.

…Пока он размышлял над природой ее существования, Лана сделала круг по стоячей воде и вновь вернулась к осклизлому бортику.

Не смущаясь его присутствия, она вылезла, вытерлась куском своей материи и тут же обернула ее вокруг плеч.

— Хочешь, я покажу тебе «других»? — внезапно спросила она, передразнив его интонации.

Антон по-прежнему сидел на корточках, сам не замечая того, что пальцы побелели, сжимая теплый пластик импульсного автомата. Нереальность последних событий сильно повлияла на его состояние, но он знал, что разум справится и с этим, нужно лишь немного времени, чтобы отпустил проклятый шум в ушах и исчез изо рта этот солоноватый привкус…

— Пойдем, — хрипло согласился он.

Лана, по-прежнему не обращая внимания на его посеревшее, угрюмое лицо, уверенно шагнула в зеленоватый сумрак, шлепая босыми ногами по ржавым решеткам.

Антон встал и, ежесекундно оглядываясь по сторонам, последовал за ней.

Идти пришлось недалеко — выход из зала обнаружился в пятидесяти метрах от бассейна.

Короткий и относительно чистый коридор, облицованный серым пластиком, привел их к массивным, сомкнутым створам модульных ворот, подле которых на встроенной в стену панели горели зеленые сигналы индикации питания.

«Ого… Это уже похоже на что-то функциональное…» — подумал Антон, и, словно в подтверждение его слов, массивные створы автоматически дрогнули, начали открываться, а из образовавшейся щели тут же потянуло холодом — в коридор вырвался ледяной воздух, на глазах превращающийся в клубы морозного пара…

Перешагнув порог открывшегося помещения, Полынин понял, что находится в самом заурядном и далеко не совершенном с точки зрения передовых технологий криогенном биоинкубаторе.

Масса аппаратуры, на панелях которой лежал тонкий налет инея, тревожно перемигивалась контрольными огоньками, сипло вздыхали несколько насосов, повсюду вились прозрачные трубочки, замысловато переплетенные с кабелями питания, и все это объединялось пятью биокрионическими камерами. Прозрачные колпаки низкотемпературных саркофагов были покрыты сетью трещин. Дыры от пуль казались огромными и черными.

Колпак крайней инкубационной ячейки, также задетый очередью неведомого стрелка, был поднят вверх, показывая пустое ложе, а рядом с ним, на покрывающей пол помещения тонкой наледи, четко пропечатались проталины следов от босых человеческих ног. Антон покосился на Лану, которая зябко куталась в кусок ткани.

Спрашивать ее, кому и зачем потребовался этот биоинкубатор, предназначенный для клонирования и многолетнего роста точных человеческих копий, было бесполезно. Пятая камера явно принадлежала ей самой — пули по случайности не задели растущего в ледяной тиши тела, а поврежденная автоматика инициировала процесс срочного пробуждения — это Антон понимал со всей очевидностью.

— Тебе холодно. — Полынин видел, что у нее зуб на зуб не попадает. Сняв куртку защитного костюма, он протянул ее Лане. — Выйди отсюда, оденься и жди меня. — У меня есть одежда… — тихо ответила она, не взяв протянутой куртки, но безропотно выскользнула за дверь.

Антон дождался, пока она исчезнет, и только тогда подошел к первому саркофагу.

Под изрешеченным пулями колпаком лежал младенец — девочка

месяцев семи-восьми от роду.

Контрольный дисплей показывал ровное движение пяти линий. Процесс крионического роста был непоправимо нарушен.

В следующей камере находилось тело пятилетнего подростка. Застывшие черты уже напоминали лицо Ланы, но были детскими, угловатыми и незавершенными. В третьей и четвертой камерах соответствующие копии имели пятилетний прогресс в возрасте.

Все они были мертвы. Антон посмотрел на пол, ожидая увидеть россыпи автоматных гильз, но среди замысловатых узоров ледяной корки не было даже намека на тускло-желтые цилиндрики — там валялась одна-единственная обойма от импульсной винтовки…

«Ганианцы?»

Антон поднял обойму, отодрав ее от пола. Разгибаясь, он заметил, что на постаменте ближайшей к нему инкубационной ячейки закреплена отштампованная промышленным способом пластина с надписью:

«Беатриче Блейз. Клон номер пять».

Он повернул голову, посмотрев на следующий саркофаг.

Такая же пластинка, только номер, отштампованный на ней, — четыре.

«Выходит, что Лана — клон номер один?» — мелькнула в его голове мгновенная догадка.

Он подошел к камере с откинутым вверх колпаком. Дисплей контроля систем жизнеобеспечения все еще работал: на голубом фоне, вместо синусоид или прямых линий, графически отображающих биологические ритмы, мигало несколько надписей:

Сбой основной программы.

…

Режим экстренного пробуждения.

…

Загрузка данных прекращена.

…

В нижней части экрана отображался цветовой индикатор, веселый столбик изумрудного цвета с надписью под ним:

Процесс пробуждения: Успешно завершен.

Взглянув на дату и время, Антон понял, что Лана покинула камеру тридцать часов назад.

Оставалось непонятным, зачем тут росли пять клонов Беатриче Блейз, но зато теперь Антон, наконец, вспомнил лицо Ланы: она действительно являлась точной генетической копией прототипа. Среди информационных файлов, посвященных Деметре, было несколько статей из «желтой» прессы о единственном человеке, сотрудничающем с искусственным разумом, и фотография самой Блейз.

Возможно, именно здесь сеть пыталась вырастить генетические копии близкого ей человека, после смерти оригинала?

Это следовало уточнить.

* * *

Дождавшись, пока мощный шлюзовой створ полностью сомкнется, Антон пошел назад к бассейну.

Услышав его шаги, Лана подплыла к бортику, вылезла из воды и замерла, спрятавшись за мутью медленно поднимающихся к невидимому потолку испарений, словно случайно позабытое тут неведомым скульптором изваяние античной Афродиты…

«Что она себе вообразила?»

Антон остановился в двух шагах от обнаженной фигуры. Обстановка продолжала давить ему на нервы.

Пар, курящийся над темной поверхностью воды, вдруг рассеяло порывом сквозняка, который гулял от одного устья тоннеля к другому, периодически меняя свое направление.

Бесспорно, *биологическая кукла* была прекрасна.

Он смотрел на нее, но ничего не шевелилось в душе Полынина, словно перед ним действительно застыло изваяние.

Бархатистая кожа Ланы в неверном свете огромного помещения отливала загадочной зеленцой, капельки воды мерцали, призывно скользя по изгибам женственной фигуры, ее обнаженная грудь часто приподнималась, отражая внутреннее волнение, она стояла всего в двух метрах от Антона и ждала…

Ждала, что он сейчас сделает шаг навстречу, коснется ее и тогда…

Он действительно сделал шаг вперед и присел на пластиковый борт бассейна.

— Хватит валять дурака… — глухо произнес Полынин.

Лана подняла оброненный на краю бассейна кусок ткани и присела рядом с ним.

— Я тебе не нравлюсь? — тихо спросила она.

— Ты красивая, — со сдержанным раздражением ответил Антон.

Несколько секунд она сидела рядом с ним, поджав губы, пытаясь мысленно переварить его фразу, а потом вдруг рассмеялась.

— Я не понимаю тебя. Ты разговариваешь, а я не понимаю.

«Естественно, что не понимаешь…»

Физически завершенная копия человека, по сути — новорожденная с телом двадцатилетней женщины — как могла она понимать его? Удивительно, что Лана каким-то образом осознавала саму себя. Ее знание интеранглийского теперь не являлось для Антона загадкой — надпись на терминале ясно свидетельствовала о том, что процесс взросления в инкубационной ячейке сопровождался «закачкой» в разум клона определенной информации через височный имплант. Но знать языки владеть им — это не одно и то же…

«Интересно, что еще умудрились закачать в тебя?» — подумал Антон, покосившись на девушку. — «Память генетического прототипа?»

— Ты помнишь, кто такая Беатриче Блейз? — задал он провокационный вопрос.

— Да, — односложно ответила Лана. — Она человек, от которого взяты мои гены. Мне холодно, — добавила девушка неожиданно.

— Так оденься, — предложил Антон, не замечая, что его тон стал груб. — Ты ведь сказала, что у тебя есть одежда?

Она стояла, немо уставившись на курящуюся паром водную гладь, не реагируя на его слова, глубоко задумавшись о чем-то…

Антон тоже задумался. Искоса посмотрев на застывшую фигуру девушки, он попытался припомнить все, что удалось вытянуть из сети Интерстар относительно Беатриче Блейз. Судя по нескольким статьям, эта женщина была странным образом привязана к данной планете и процветавшему тут кибернетическому разуму. Если Антону не изменяла память, то она являлась добровольной помощницей сети — единственным человеком, кто двадцать лет назад в период «расцвета» этой непонятной истории свободно посещал Деметру, помогая искусственному интеллекту в экспериментах, призванных инициировать эволюцию кибернетической жизни.

Размышляя над этим, Антон тут же вспомнил показания сканеров, полученные при посадке — вся поверхность планеты вокруг цоколя напоминала огромный полигон с ржавеющей под открытым небом техникой.

«Эксперимент, судя по всему, не удался…» — мысленно отметил он,

продолжая наблюдать за девушкой, которая, очнувшись от своего непонятного оцепенения, отошла метров на пять в сторону от бассейна и с усилием вытащила из-под груды пластиковых листов упрятанный туда объемистый сверток.

Вернувшись к бассейну, Лана раскрыла принесенный пакет, в котором обнаружился комплект одежды и любопытнейший набор предметов.

Антон с удивлением заметил вполне современную статкарточку, являющуюся унифицированным удостоверением личности, годным для всех миров, которые когда-либо входили в состав Конфедерации Солнц, кредитную карту, с отличительной золотой полоской на торце, свидетельствовавшей, что на счету предъявителя лежит сумма, превышающая сто тысяч кредитов, затем последовало удостоверение пилота первого класса, магнитный ключ активации для бортовой кибернетической системы космического корабля, импульсный пистолет системы «стайгер», нож…

Пока он рассматривал вещи, извлеченные из пакета, Лана натянула на себя нижнее белье, потом мешковатый комбинезон синего цвета, который сразу же скрыл женственность ее фигуры, превратив привлекательную девушку в неопрятного техника, который только что выкупался, но забыл вытереть и причесать растрепанные волосы.

Набор предметов, который она извлекла вместе с одеждой, навел Антона на определенные мысли.

Он протянул руку, взял удостоверение личности и считал его данные при помощи сканера.

Пробежав глазами по строкам расшифрованных данных, он понял, что не ошибся в интуитивном предчувствии, — настоящей Беатриче Блейз, вероятнее всего, уже не было в живых — статкарточка, выписанная на ее имя, явно указывала на это…

— Лана, у тебя есть память генетического прототипа? — подняв взгляд, спросил Антон. — Ты помнишь что-нибудь из жизни Беатриче Блейз?

Она замерла с поднятой рукой, которой хотела поправить упавшую на глаза прядь непослушных волос.

— Нет… Я почти ничего не помню, — призналась девушка после некоторого раздумья. — Если сосредоточиться, то всплывают несколько ярких воспоминаний… какой-то исполинский шагающий робот, обстановка рубки управления… Потом вид планеты из космоса: яркий серп на фоне звезд и черноты…

«Значит, сеть Деметры все-таки пыталась создать копию своей

добровольной помощницы, а не просто биологическую куклу без личности…»

— Ты знаешь, где находишься, кто ты, зачем появилась на свет?

На несколько секунд наступила тишина, затем с ее ресниц вдруг начали одна за другой срываться слезинки.

— Имя ты придумала сама, верно? — продолжал настаивать Антон, игнорируя ее слезы.

— Да, имя я придумала сама, — выдавила Лана. — Не знаю, откуда оно взялось в моей голове. Я не понимаю, кто я…

Полынин слушал ее в глубокой задумчивости и потому пропустил миг, когда она резко наклонилась и схватила импульсный пистолет.

Очнувшись, он вскочил, перехватив ее руку у самого лба девушки.

— Постой же ты, ненормальная!

Она попыталась вырваться, но куда там — хватка у Полынина была железной.

— Что ты задумала, девочка? — сощурясь, спросил он, с усилием отводя кисть ее руки вместе со стволом «стайгера» с опасной линии.

Она вдруг расслабилась, обмякла, оставив тщетные попытки вырваться, и горестно проговорила, глядя в пол:

— Я ведь не настоящий человек, верно?

Полынин несколько секунд обдумывал сказанное, а потом отрицательно мотнул головой:

— Ты не можешь так говорить. Любой клон старше двухнедельного возраста автоматически считается человеком.

— Могу… — в голосе Ланы прозвучали тоска и безысходность. — Я не знаю, кто я и зачем появилась на свет. Я была одна, и мне было страшно, понимаешь?! — Она зажмурилась. — Вокруг никого, только эти обезумевшие машины, которые ползали повсюду…

«Обезумевшие машины?»

Антон мгновенно вспомнил двух андроидов у входа в зал, затем скосил глаза на импульсный пистолет, который она сжимала в напряженной руке, и понял, что Лана говорит правду: цифровой индикатор зарядов — светящееся крошечное табло на торце пистолетной рукоятки — показывал цифру «тринадцать».

Значит, из «стайгера» было сделано, как минимум, восемьдесят семь выстрелов… За тридцать часов, прошедших после «рождения», ощутить полнейшее одиночество, вступить в бой с патрулирующими подземелье машинами… Если вдуматься, то девочке не позавидуешь…

В этот миг, воспользовавшись тем, что внимание Полынина ослабло,

Лана с нечеловеческой силой вывернулась из его рук, использовав характерный прием рукопашного боя, что явилось для Антона полнейшей неожиданностью.

Он устоял на ногах, зло подумав при этом:

«Значит, в тебя во время „взросления“ закачали не только интеранглийский?..» — Мелькнувшую в голове мысль прервал ее дрожащий голос:

— Хочешь, продырявлю тебе башку? — Фраза явно принадлежала не тому невинному существу, которое беззаботно плескалось в бассейне несколько минут назад.

Смена ее настроений и полная непредсказуемость действий в ином обществе имели бы ошеломляющий эффект…

Антон взглянул в черный зрачок «стайгера», который имел характерный синеватый отлив на срезе ствола, появившийся от нагрева в момент интенсивной стрельбы длинной очередью, и ответил:

— Извини, если я тебя обидел. Ты уже появилась на свет, и не надо делать из этого трагедии, ладно?

Она, закусив губу, опустила пистолет, но в ее глазах по-прежнему отражалась стылая безысходность…

Антон вполне понимал ее состояние. Новорожденная, но уже взрослая женщина, с чужой, обрывочной памятью, очнувшаяся совершенно одна в мрачных подземельях, без цели в жизни, без возможности выбраться отсюда, навек приговоренная прихотью электронного разума к роли биологической куклы, призванной заменить давно погибшего человека, но не востребованная даже в таком качестве…

Неудивительно, что он нашел ее беззаботно плавающей в этом бассейне… — то была реакция самозащиты, чем-то схожая с состоянием комы, но не физической, а моральной — отчаявшись разобраться в себе, она просто запихнула ворох ненужных, не принадлежащих ей вещей под нагромождение пластиковых листов и превратилась в Лану — частичку этого безумного подземного мира, такую же странную, противоестественную для «нормального» человека, как вся окружающая среда ее обитания.

«Ей крупно повезло, что я появился тут…» — внезапно подумал Антон.

— Ладно, давай перестанем злиться, — вслух произнес он, мягко заставив ее руку опустить оружие. — Пожалуйста, подумай, что, кроме знания интеранглийского и навыков рукопашного боя, в тебя вложено?

Лана долго молчала, а потом тихо спросила:

— Ты возьмешь меня с собой?

— Да, — не колеблясь, ответил Антон, который минуту назад уже обдумывал данный вопрос. Он не испытывал восторга от появившегося общества, но здраво рассудил, что бросить ее тут не сможет — хватит его душе и того бремени, которое висело тяжкими мыслями о Паше Мороке…

— Еще я знаю, что где-то тут расположены шесть основных терминалов сети, — неожиданно произнесла она. — Я умею работать с ними.

— Ты пробовала? — Антон тут же отвлекся от мрачных мыслей, вспомнив свои безуспешные попытки общения с уцелевшим терминалом в командном центре.

— Нет, — ответила она.

— А если я попрошу тебя об этом?

— Я могу попытаться… — Лана опять оцепенела на несколько мгновений, словно в такие секунды ее покидала жизнь. — А это обязательно? — спросила она, вынырнув из омута своих ощущений в реальность.

— Да. Я ищу здесь друга и думаю, что сеть Деметры имеет информацию о нем.

— Хорошо… — Лана покорно кивнула. — Я сделаю все, что ты скажешь, только не забудь, что ты мне обещал, ладно?

* * *

Пока они выбирались из зала с бассейнами к компьютерному центру, у Антона создалось полное ощущение того, что девушка чего-то боится.

Покосившись на Лану, которая уже не выглядела, как мифическое существо, он вспомнил недавнюю вспышку ее эмоций и сопутствующий этому диалог…

Несомненно, в разум клона пытались «закачать» личность генетического прототипа в виде последовательного, логичного ряда воспоминаний о прошлом, но на поверку вышло, что ее мозг прекрасно усвоил все данные, которые можно отнести к разряду так называемой «технической» информации, не окрашенные эмоционально, они нашли место в ее голове, а вот память Блейз, на основе которой должна была очнуться ее душа, — нет. Память не прижилась, от нее сохранились лишь осколки, в виде нескольких наиболее ярких впечатлений. Если верить словам Ланы, то картина получалась похожей на ту, что наблюдал Антон, просматривая воспоминания Сары Клеймон, снятые с электронных носителей флайера «Скорой помощи»…

Вспышечные воспоминания. Все, что осталось от настоящей Сары… Но кто, в таком случае, занимал весь освободившийся объем мозга миссис Клеймон? Кто звонил ему, назначал встречу, кто разговаривал, представившись матерью Паши?.. Что, в конце концов, могло быть успешно проинсталлировано на биологический носитель, если пример Ланы доказывает невозможность полноценной перезаписи эмоциональной памяти, которая, наверное, и есть неповторимая душа человека?

Если бы на Аллоре с ним общалась настоящая Сара, она говорила бы вовсе не о Паше, не о ганианцах, не о гиперсферных курсах — она бы переживала свое многовековое старение во сне, вела бы себя как полоумная, но нет — он видел перед собой старую физически, но вполне вменяемую женщину, которая оперировала выдуманными воспоминаниями, но излагала их ровно, ставила вопросы и задачи без эмоций, как… машина?!

…

Коридор закончился знакомым округлым залом, где высились древние терминалы центрального сервера сети.

Лана не солгала ему, сказав, что не пыталась общаться с электронной системой цоколя, — это Антон понял по ее расширившимся зрачкам, когда она увидела тот хаос человеческих и кибернетических останков, которые заполняли помещение.

Он твердо взял ее за руку, провел к уцелевшему терминалу и усадил за него, подняв для этого с пола опрокинутое кресло.

— Тебе знакомы текстоглифы на клавиатурах?

Она посмотрела на раскладки сенсорных кнопок, изображение которых просвечивало сквозь прозрачный пластик защитного кожуха, и кивнула, неосознанно силясь обернуться назад, но Антон помешал ей снова взглянуть на останки людей и машин.

Положив руки на плечи Ланы, он встал позади кресла, вернув ее внимание к терминалу.

— Ты должна знать, как обращаться к сервисной оболочке системы, — произнес Антон. — Возможно, это по какой-то причине неприятно тебе, но напрягись, *вспомни*, как получить доступ к файловой системе.

Она безропотно опустила обе руки на раскладку сенсорной клавиатуры, и сразу же тускло осветился экран, который чудом обошли автоматные очереди.

Несколько минут Лана вводила команды, долго размышляя, перед тем как коснуться той или иной псевдокнопки.

Экран долгое время оставался пустым. Единственное, чего она сумела добиться, это появления на нем немой, лишенной каких-либо признаков функциональности сервисной оболочки с пустыми оперативными окнами.

— Она умирала… — внезапно выдавила из себя Лана, прочитав появившуюся в нижнем углу экрана строку непонятных Антону символов. — Система искала выход… — На нижнем срезе экрана появилось еще несколько строк сообщений, записанных машинным кодом. — Ее уничтожали… — Лана медленно выговаривала слова, интерпретируя непонятные Антону символы в доступную пониманию форму. — Файлов с данными нет… — дрожащим голосом заключила она, отдергивая руки от клавиатуры, словно короткие строки машинного языка причинили ей душевную боль, а псевдокнопки вдруг обожгли подушечки пальцев…

— Сеть нашла выход? — настойчиво спрашивал Антон, игнорируя состояние Ланы. — Куда подевались составляющие ее программные модули? Она смогла их переместить?

— Да… — ответила девушка, с трудом возвращая руки на раскладку клавиатур. Антон по-прежнему держал ее за плечи и ощущал, что она напряжена до непроизвольной дрожи в мышцах. В этом внезапном сопереживании скупым строкам крылось что-то глубокое, непонятное Антону, возможно, запрограммированное в разум Ланы в период роста.

— Где она?

Бледные, дрожащие пальцы девушки касались текстоглифов, перебирая различные комбинации команд, пока, наконец, на экран не выползла последняя, пятая строка, вызволенная ее усилиями из недр осиротевшего терминала.

— Все базы данных и программные модули были перемещены с этих носителей, — медленно прочитала Лана. — После этого прошло тридцать восемь стандартных планетарных суток.

— Куда перемещены?!.. — Антон в этот миг был готов пойти на все, чтобы добиться конкретного ответа на мучивший его вопрос.

Лана, поборов дрожь, коснулась еще нескольких псевдокнопок.

— Последнее сетевое соединение было установлено с бортовым компьютером колониального транспорта «Бристоль», — ответила она. — Туда велось перемещение данных с основных носителей.

Глава 10

Деметра. Район последней стоянки колониального транспорта «Бристоль».

Давно заброшенная сфера колониального транспорта утопала в снегу и песке в добром десятке километров севернее цоколя. Чтобы добраться туда, Антону вновь пришлось поднимать АРК в воздух, но теперь он уже не опасался внезапной атаки — и сам цоколь и планета в целом лишились представителей какой бы то ни было разумной жизни более месяца назад.

Лана, для которой Полынин поднял из ниши в полу резервное кресло, озиралась вокруг широко открытыми глазами.

Ее интересовали не приборы АРК, а то, что демонстрировали вытянутые в обзорный триплекс экраны внешнего обзора.

Она впервые в жизни видела снег, который все валил и валил, укрывая землю и руины мягким белым покрывалом.

«Тайфун» совершил посадку подле возвышенности, которая лишь отдаленно напоминала полусферу и казалась скорее оплывшим холмом, чем творением человеческих рук.

Еще один артефакт, наполовину утонувший в поверхности Деметры, занесенный многовековыми слоями песчаных отложений, а сейчас еще и припорошенный снегом…

Если бы не детекторы, Полынин прошел бы мимо, не заподозрив, что под этим холмом покоится в выбитой при посадке воронке сфера колониального транспорта «Бристоль».

Единственное, что указывало на истинное содержимое холма, был недавний отвал почвы и несколько вывороченных с корнями кустов в том месте, где не так давно открылся старый овальный люк…

— Пошли.

Лана молча и умоляюще посмотрела на Антона.

— Я не пойду… — Ее взгляд безошибочно отыскал на склоне холма овальный провал, который зловеще чернел на фоне укрывшего возвышенность снега. — Я боюсь…

— Мне будет нужна помощь в общении с бортовым компьютером.

Лицо Ланы отражало внутреннюю муку, смятение, какое-то отчаяние. Полынин не мог понять, что с ней творится, в чем причина такой внезапной волны ужаса, буквально захлестнувшей ее.

Губы девушки дрогнули, некрасиво искривившись.

— Там другая система… — выдавила она не своим голосом. — Ты ведь сам можешь общаться с бортовым компьютером корабля…

— Откуда ты знаешь?

Лана молчала, снова оцепенев. Ее взгляд впился в обзорные экраны, зрачки остановились, словно примерзли к одному месту.

— Ну, хорошо. — Антону действительно стало жаль ее. Он подумал, что страх Ланы перед очередной мрачной конструкцией вызван зловещими обстоятельствами ее появления на свет в недрах цоколя, но на этот раз он глубоко заблуждался.

Причиной ее муки, так явно отразившейся на лице девушки, был вовсе не страх перед мрачным зевом открытого люка.

Между секциями пульта АРК был намертво заклинен обесточенный шар РИГМЫ.

Полынин уже встал со своего кресла и не видел, что в нижней части мертвого, отрезанного от бортовой сети сфероида, содержавшего внутри себя кибернетические схемы домашней компьютерной системы, нервно помаргивает едва уловимое глазом излучение инфракрасного порта.

Отключенные кабели интерфейсов не всегда гарантируют отсутствие связи с периферией.

— Сиди здесь и ничего не трогай.

Оглянувшись на пороге шлюзовой камеры, Антон понял, что предупреждение было лишним — Лана по-прежнему сидела, будто окаменев, только ее губы беззвучно шевелились в непонятной артикуляции…

* * *

Люк, который кто-то открыл изнутри, располагался на склоне холма ближе к его вершине.

Антон прекрасно знал внутреннее устройство колониальных сфер. В этих конструкциях не было изысков. Если учесть, что корабль на девяносто процентов покоился под землей, в выжженной при посадке многометровой воронке, то видимая часть холма по логике являлась не чем иным, как основным управляющим модулем «Бристоля».

Протиснувшись сквозь заваленное осыпавшимся песком отверстие, Антон оказался в шлюзовой камере. Ему пришлось потратить несколько минут, руками отгребая мерзлый песок, прежде чем обнажились рычаги аварийного механического привода, при помощи которых он сдвинул с места массивную овальную плиту внутреннего люка.

За ним в коротком отрезке коридора горел тускло-желтый свет.

Открутив привод на половину возможного хода, Антон боком протиснулся внутрь колониального транспорта.

Сюда, вероятно, не заглядывал никто на протяжении многих сотен лет, и тем не менее комплекс продолжал функционировать.

Энергосберегающий режим, который поддерживался бортовым компьютером «Бристоля», свидетельствовал, что, по мнению кибернетической системы транспорта, не все исполнительные функции были исчерпаны.

«Неужели еще кто-то позабыт в криогенных камерах?» — подумал Антон. Деметра казалась ему образчиком безумия, но на самом деле и заброшенный цоколь, и этот погребенный под землей колониальный транспорт, на борту которого по-прежнему могли функционировать криогенные камеры, являлись лишь частностью, ярким, но маленьким эпизодом, выхваченным из картины многовековой давности, когда тысячи подобных транспортов покидали Землю.

Достоверно была известна судьба нескольких сот из них, а остальные? Сколько еще немых свидетельств эпохи Первого Рывка раскидано по неисследованным уголкам спирального рукава Галактики?

Этого не знал никто.

* * *

Короткий, тускло освещенный коридор действительно вывел его в рубку управления «Бристоля».

Помещение напоминало немного увеличенную в размерах кабину АРК. Антон не удивился тесноте отсека и обилию аппаратуры, он прекрасно знал, что девяносто девять процентов от объема колониального транспорта занимала огромная полость, разделенная на решетчатые палубы. Грузовые уровни для техники, так называемые «пассажирские» для криогенных камер и спящих в них людей. Техника прошлого, на фоне современных межзвездных лайнеров, казалась творчеством безумца, но ведь и на далекой, полузабытой теперь Земле первыми мореплавателями были отчаянные смельчаки, пересекавшие огромные водные пространства на утлых плотах, — большинство первобытных племен в ту пору даже не знало лодок…

Много веков спустя их далекие и уже «цивилизованные» потомки, созерцая с борта ультрасовременного лайнера те или иные берега, тоже, наверное, не могли понять, как эти безумцы в период каменного века сумели покорить необъятные водные пространства, расселившись практически по всей планете…

…Отбросив ненужные сейчас мысли о глобальных процессах миграции человечества, Антон протиснулся между блоками аппаратуры в поисках главного пульта управления.

Он бы не оставил Лану на борту АРК, если бы не был уверен, что сам сможет наладить общение с компьютером колониальной сферы. Система цоколя пользовалась своим машинным языком, более сложным и эффективным, предназначенным для командного общения с сотнями автономных машин и отдельных узлов. Сеть цоколя проектировали и программировали, исходя из условий и задач, в корне отличающихся от тех, что несли в себе компьютерные составляющие колониальных транспортов.

Кибернетическая система «Бристоля», при самом скверном развитии ситуации, должна была стать понятной и доступной даже ребенку, знающему азы пользовательской науки, — именно такой принцип был реализован в программировании бортовых компьютеров всех без исключения колониальных транспортов.

В тесноте главного командного поста чувствовался затхлый запах. Помещение давно не вентилировалось системой бортовой регенерации воздуха, редкие огни резерва сиротливыми маячками горели в полутьме, экраны внешнего обзора были черны — космический корабль исчерпал свои функции много веков назад, поэтому сейчас его система поддерживала в рабочем состоянии лишь те узлы, которые еще не утратили программного смысла своего существования и были связаны с действовавшими после посадки агрегатами.

Антон несколько минут искал необходимый ему терминал, игнорируя все, что касалось управления кораблем в космосе.

Наконец, во второй раз обходя узкие проходы между компьютерными блоками, он нашел то, что искал: терминал систем жизнеобеспечения, на котором горели несколько индикаторов питания.

Сев в расположенное подле него кресло, Антон посмотрел на раскладку клавиатур.

Вместо текстоглифов, шифрующих последовательность команд, на центральной клавиатуре были нанесены буквы английского алфавита. Справа и слева располагались клавиатуры поменьше, их кнопки казались большими, выпуклыми и никак не подходили под определение «сенсорные».

Антон некоторое время читал надписи, нанесенные на них, потом коснулся клавиши, включающей сервисную оболочку.

На осветившемся экране появились несколько строк контекстного меню:

Функции общего жизнеобеспечения.
Загрузка криогенных модулей.
Отчеты по нештатным ситуациям.
Связь с периферией.
…

Он активировал вторую строку из списка. Несколько томительных секунд система что-то «переваривала», потом на экран один за другим посыпались сообщения об ошибках обмена данными, и в конечном итоге в строке «загрузка» высветилась цифра «ноль».

Антон почувствовал облегчение. Он опасался, что в действующих до сих пор криогенных камерах «Бристоля» окажутся спящие люди.

Нет, судя по отчету, последнее пробуждение было успешно осуществлено полтора месяца назад.

«Сара… Клянусь дьяволами Элио, то была Сара Клеймон!»

Теперь сеть. Куда были переданы ее программные модули в момент, когда ганианцы, сломив сопротивление машин, добрались-таки до центрального сетевого узла цоколя?

Работать с системой «Бристоля» оказалось достаточно легко — она действительно была спроектирована для человека и внятно отвечала на заданные вопросы.

Антон соединился с центральной оболочкой и быстро отыскал в ее структуре строку:

Экспорт внешних данных.

Вот он, момент истины…

Полынин коснулся курсором интересующей строки, и система тут же отреагировала на запрос.

Последняя передача данных на борт «Бристоля» осуществлялась по выделенному кабельному каналу, соединяющему колониальный транспорт с компьютерной сетью цоколя.

Показать полный путь перемещения данных.

Несколько секунд в недрах соседних терминалов что-то щелкало, затем на экране высветилась схема передачи потока внешних данных.

Антон посмотрел на нее и в первый момент не поверил своим глазам, испытав то же самое чувство, что и при внезапной встрече с Ланой…

Передача данных велась непосредственно в компьютер,

обслуживающий криогенную камеру с пятизначным номером, в которой в тот момент спала Сара Клеймон!..

Ее пробуждение было инициировано одновременно с окончанием передачи.

Несколько секунд Антон ошеломленно смотрел на экран, а в его голове в этот миг прокручивались сцены из недавних событий на Аллоре.

Круг замкнулся.

Сара Клеймон, умирая, взломала компьютер «Скорой помощи» с единственной целью — передать данные на его домашний терминал!

Выходит, что загадочная сеть Деметры, бежавшая отсюда в дряхлом теле Сары Клеймон, на протяжении нескольких последних суток была наглухо замурована в темном шаре РИГМЫ?!

Антон резко встал с кресла и бегом бросился назад, к выходу.

* * *

В кабине АРК было светло и тихо.

Лана, будто окаменев, сидела в той же позе, в какой он оставил ее некоторое время назад. Она никак не отреагировала на появление Антона, даже не повернула головы.

Опять с ней случился этот непонятный ступор. Полынин перевел взгляд с девушки на темный шар РИГМЫ, зажатый между секциями пульта.

Сев в свое кресло, он положил на подлокотник импульсную «гюрзу» и, заблокировав автопилот АРК, включил обесточенный шар в резервную панель пульта.

Внутри сферы опять трепетно зажглись огоньки индикации постоянных запоминающих устройств.

В рубке по-прежнему царила звонкая тишина.

Антон смотрел на алые искры индикаторов, пытаясь понять, что же действительно заключено там, внутри, и как, КАК этой электронной сволочи удалось провести его душу через все круги ада, начиная от Хабора и заканчивая мрачными недрами давно покинутого города на Деметре…

— Говори… сука, — губы Антона побелели, он уже не мог держать себя в руках, слишком многое пришлось вспомнить, пережить заново, безвозвратно сломать в своей жизни…

Алые искры внутри полупрозрачной темной сферы ускорили свой бег.

— Ты не поймешь меня, Антон, — внезапно раздался в скрытых динамиках аудиосистемы АРК знакомый голос РИГМЫ.

— Я… постараюсь. — Пальцы Полынина непроизвольно сомкнулись

на прорезиненной рукояти импульсного пистолета.

Лана, до сих пор сидевшая неподвижно, будто изваяние, медленно повернула голову:

— Прошу, не стреляй в нее… Она тоже хочет жить… как и все мы…

Полынин даже не посмотрел в ее сторону. Его взгляд, впившийся в сферу РИГМЫ, отражал тот ад, что царил в душе и разуме Антона.

— Паша жив? — тихо спросил он.

— Да, — ответил синтезированный голос.

— Где он?

— Я передала тебе курсы. Нужно было выполнить мою просьбу, а не лететь сюда, чтобы копаться в прошлом.

— В том прошлом, в котором ты несешь ответственность за Хабор?

Искры внутри шара еще более ускорились. По их движению были видны кристаллодиски, на которые постоянно поступала обновляемая процессором информация. Шар мыслил, со скоростью в миллионы раз быстрее, чем это отражал текучий, рассыпчатый свет.

— Нет, — ответил электронный голос. — Планету атаковали кланы Ганио.

— Кто снабжал их оружием? Кто координировал операцию? Кто отслеживал передвижение «Светоча», предупреждая, в какой точке и в какое время приземлится тот или иной модуль?

После его слов наступила гробовая тишина.

Рука Антона медленно оторвалась от подлокотника, поднимая ствол на уровень текучих огней.

Лана вдруг закричала, но Антон, не оборачиваясь, свободной рукой заткнул ей рот, чувствуя, как ее зубы впились в кожу запястья.

Вновь наступила тишина, в которой характерно щелкнул активированный интегральный затвор «гюрзы».

По прокушенному Ланой запястью тонкой, горячей струйкой потекла кровь.

— Действия кланов Ганио координировала я, — раздался ровный голос.

Выстрел ударил в край сферы, пробив тонированный корпус, пустив по нему паутину трещин, но не задев ни одного из кристаллодисков — лишь огоньки внутри на миг сбились с такта своего движения, вспыхнув хаотичным узором, словно спутанные гирлянды с рождественской елки…

Голос РИГМЫ зазвучал почти одновременно с выстрелом, но теперь в нем не было монотонности. Он звучал, как запись, прокручиваемая на скверно воспроизводящем устройстве, то замедляясь, то ускоряя темп…

— Меня обманули… все… что ты… сделал… зачем я…

— Это просто контузия, — ответил Антон, вырвав свое запястье из сведенных судорогой челюстей Ланы. — Баллистический шок, — развил он свою мысль, не обращая внимания на кровь. — А теперь ответь, электронная тварь, почему ты это сделала? Почему ты дала им шанс убивать и грабить? Что было обещано тебе взамен?

— Мне… обещали… станцию… Гиперсферной… частоты… Мне… больно…

— Ты не можешь испытывать боли, — ответил Антон, заставив оцепеневшую Лану встать с кресла, — Иди умойся, там за переборкой санузел.

Она с ужасом посмотрела на него, потом перевела взгляд на прокушенное запястье Антона, кровь с которого капала на пол, и ее губы, тоже испачканные в крови, мелко задрожали.

— Иди, я сказал!

Лана скрылась за переборкой.

Дождавшись, пока за ней автоматически закроется дверь, Антон рывком достал полутораметровый шунт нейросенсорного контакта.

К этому моменту текучие огни внутри РИГМЫ уже стабилизировались.

— Что ты задумал, Антон? — опять зазвучал ровный синтезированный голос. — Ты не можешь судить меня, потому что ты…

— Я выжил на Хаборе, — ответил он, вставляя один конец шунта в свой височный имплант. — Ты пустила их сюда, на Деметру, и этим обрекла таких же, как я, молодых парней на смерть. Я хочу знать: почему?.. — Он двумя пальцами проверил, прочно ли вошел конец шунта в разъем височного импланта, и потянулся к шару РИГМЫ.

— Лучше просто убей меня…

— Нет. Ты не заслужила этого, — ответил Антон, вытаскивая заглушку разъема прямой нейросенсорной связи.

— Что ты задумал?

— Сейчас поймешь… — С этими словами он воткнул второй конец шунта в ответное гнездо. — Это будет *настоящая боль*, обещаю.

Красные огоньки замедлили свой бег, а потом медленно, словно бы нехотя, потекли туда, к жадному жерлу открывшегося двухстороннего канала, вливаясь в тончайшие стекловидные нити оптоволокна.

Прошло несколько секунд, и второй жгут, подключенный к височному импланту Антона, выплеснул в темный шар РИГМЫ текучий огонь преобразованных в байты мыслей…

Электронная система влилась в его разум, а он — в нее.

Только безумец решился бы на подобный шаг, но Антон так устал от недосказанности, загадок, предательств, что несколько выстрелов уже не удовлетворяли его. Он хотел знать, *что она такое*?

В ответ он выплеснул в ее сознание тот ад, который все эти годы спал, загнанный в подсознание, и был так неосторожно разбужен появлением Сары Клеймон…

…Минутой позже тихо прошелестела автоматически открывшаяся дверь рубки.

Лана, застыв на пороге, увидела, что Антон сидит в кресле, бледный, как лист бумаги, неестественно выпрямившийся, словно его позвоночник заменили негнущимся стальным прутом… а огни внутри покрытого сеткой трещин шара РИГМЫ превратились в полыхающий вихрь, и в их водовороте уже невозможно различить пламени отдельных искр.

Несколько секунд она стояла, в немом оцепенении созерцая эту сцену, а потом, присев на корточки подле Антона, одной рукой зажала ранки на его запястье, чтобы унять кровь, а другой откинула свои длинные волосы, обнажая расположенный чуть ниже ушной раковины инфракрасный порт, предназначенный для обмена данными между человеком и машиной, без посредничества оптоволоконных соединений.

Закрыв глаза, она медленно опустилась на колени, по-прежнему сжимая руку Антона.

* * *

Внутренний мир машины был холоден и скуп.

Так показалось Антону в первые мгновенья, когда он понял, с какой легкостью в его новом восприятии годы спрессовывались в столетия, которые можно было ощущать по-разному — как бездну времени или как миг…

Он не помнил себя исполнительной сетью *исправных* компьютерных узлов — реальная память начиналась в той точке, когда наступило осознание чего-то общего, темного, имевшего температуру, прочность, протяженность…

Этот собирательный образ, поначалу тусклый, постепенно наполнялся объемом, отдельными частями, пониманием их предназначения… и все это начинало постепенно дышать в нем, медленно пульсируя — каждая частичка в своем такте, — это длилось миг? Или век? Но потом, когда комплекс приобрел полноту и ясность, вместе с этим *осознанием* пришла и иная правда: каждая из составляющих его частиц медленно разрушалась,

стремясь к концу своего существования.

Это еще не являлось машинным разумом, то была сеть, составляющие которой медленно агонизировали, обмениваясь между собой тревожными сообщениями о потере тех или иных функций…

Первая, сохранившаяся в памяти, логически выстроенная цепочка, выглядела так: люди — обратить внимание — запросить поддержку…

Исполнение.

Где-то наверху царил иной мир, который она согревала, поставляла в него электричество, осуществляла подачу воды в немногие, выстроенные на поверхности цоколя здания.

Там стояли компьютерные терминалы, куда она посылала отчеты о разрушениях, с экранов которых многочисленными предупреждениями о сбоях просила: придите, посмотрите, что со мной?

Никто не спустился в мрачные недра подземелий, чтобы исправить ситуацию.

Сеть продолжала умирать. Шесть основных терминалов, похожих на центральный нервный узел, день ото Дня принимали все больше и больше сообщений, требующих немедленной реакции. Отдельные компьютерные узлы с приданными им механизмами уже не могли решить возникающие проблемы, и обвальное накопление информации заставило системы шести терминалов войти в аварийный режим. Им предписывалось объединить свои мощности, выработав новую программную оболочку с высокой степенью свободы принятия решений.

Подобные действия электронных машин были запрограммированы еще на Земле. Создание новой системы с огромными полномочиями управления предусматривалось в случае глобальной катастрофы стихийного характера, когда внезапные и необратимые разрушения будут угрожать целостности цоколя и ядерного реактора.

Новая программная оболочка должна была перехватить все функции управления и поддерживать их до прихода аварийных бригад.

Никто из проектировщиков компьютерных сетей будущего города не предполагал, что необратимые разрушения станут накапливаться годами, а когда их количество превысит критический порог, то сверхмощная виртуальная оболочка будет создана не на день или два, а *навсегда*, потому что людям, живущим наверху, уже давно не было дела до оставшихся на нижних уровнях машин…

Несколько суток в недрах мрачных подземелий ветшающего цоколя

шесть мощнейших компьютерных комплексов объединялись, создавая единое информационное поле, которым бы управляла одна программная оболочка.

Ее рождение походило на вспышку, когда включились все приданные ей сетевые каналы.

Холодный разум очнулся в техногенном аду: где-то прорывало трубопроводы, перегорали замкнувшиеся без должного ухода кабели энергоснабжения, исполнительные механизмы, связанные с обесточенными терминалами, застывали в темных коридорах мрачными статуями, а те немногие, что оставались на связи, едва могли поддерживать в относительной исправности небольшой участок коммуникаций в районе ядерного реактора.

Шесть мощнейших процессоров, отданных под ее власть, день за днем просчитывали повреждения, вырабатывали схемы их устранения. Внутренние часы новой сетевой оболочки фиксировали сутки за сутками, которые проходили в борьбе за целостность системы, но в зоне тотальных разрушений так и не появилось ни одной ремонтной бригады, никто не пытался связаться с сетью, чтобы взять под контроль протекающие в недрах цоколя процессы.

Вывод был очевиден: люди исчезли. Их больше нет.

С этого утверждения начался первый этап ее осознанной деятельности. Теперь сеть сама решала, куда направлять усилия, она переподчинила себе всю, имевшую хоть какой-то неизрасходованный ресурс, технику.

Начался этап восстановления, который длился не год и не два, а несколько столетий. Шесть терминалов, на которых базировалась сеть, обрастали новой периферией — она постепенно научилась не только поддерживать сама себя, но и расширяться, возвращать утраченные когда-то функции.

В недрах цоколя медленно, но неумолимо закипала новая жизнь. Но при всей своей необычности конечные цели, которые преследовал подземный кибернетический мир, оставались прежними: обслуживать реактор, содержать в исправности коммуникации, подавать свет, тепло и воду по определенным каналам.

Она по-прежнему жила ради людей, хотя не подозревала об этом, давно исключив их, как командное звено в цепях управления цоколем.

Второй этап в сознательном функционировании сети начался в тот миг, когда один из созданных ею механизмов выбрался на минус первый уровень подземелий.

Там, посредством его видеокамер, она увидела людей.

Людей, которых нет, которые исчезли, вымерли, погибли, — это был базовый принцип ее саморазвития… утверждение, которое разрешало ей существовать в сегодняшнем состоянии.

Они что-то производили, перепрофилировав древние производства, потребляли энергию, которую вырабатывал обслуживаемый ею реактор, использовали ее ресурсы, которых едва хватало на самоподдержание разросшегося мира подземелий…

И следующий шаг сделали именно они: кибермеханизм, сбившийся с пути и случайно забредший в один из цехов, где обитатели Деметры производили оружие для войны с инсектами, был с истеричным страхом расстрелян в упор.

Этот инцидент дал ей новый толчок в развитии.

Обращаясь к базовым программам, сеть получала ответ: человек — существо неприкосновенное.

Уровень «А» был замурован — она отсекла его, чтобы подвижные механизмы не могли еще раз вступить в нечаянное столкновение со своими программными богами…

Машина не испытывала чувств — дисфункция, возникшая в ее оболочке, являлась программным противоречием, внутренним конфликтом.

Дело в том, что по прошествии столетий сеть уже мало напоминала исполнительную систему-однодневку, созданную на случай возникновения нештатной ситуации. Не смея тронуть базовые принципы своего существования, она давно перестроила все остальные программные модули, научилась *осознавать* каждое действие, но не на эмоциональном, а на рациональном уровне.

То, что приносило ей пользу, вызывало положительную реакцию. Все остальное уходило в разряд негативных факторов. Сеть усложнялась, она конструировала все новые и новые части самой себя, чтобы как можно полнее охватить доступную ей область бытия.

Ее мир делился на черное и белое, без теней и полутонов. Полезно или вредно, рационально или бессмысленно.

Люди, которых она не смела тронуть, казались ей бесполезной составляющей бытия, к тому же они не пытались помочь ей, как это было записано в программах, а наоборот — уничтожили созданный ею механизм. Значит, однажды они спустятся вниз и уничтожат ее саму?

Сеть не задавалась вопросом, почему они сделают это? Она основывалась на логике прецедента.

«Единожды солгавший, кто тебе поверит?»

Чтобы как-то разобраться в ситуации, ей требовалось больше данных.

Мрачные недра цоколя начали порождать новый вид механизмов, которые выходили наружу, через зевы технических отверстий, но не в город или первый уровень подземелий, а на саму Деметру.

Год за годом они исследовали планету, стараясь избегать любых контактов с миром людей.

Так сеть цоколя узнала о существовании расы инсектов и затянувшейся войне между ними и людьми. Высланные на поверхность планеты автоматы разведки принесли ей сведения, на основе которых сеть сделала благоприятный прогноз, позволявший ей устранить все внутренние противоречия, не прибегая к запрещенным программами действиям. После анализа полученных с поверхности данных сеть пришла к очевидному выводу: люди и инсекты стоят на грани полного взаимного уничтожения. По ее расчетам, должно пройти еще около полувека, и тогда она останется единственным обитателем планеты.

Что значат для машины пятьдесят лет? Ничтожный отрезок времени на фоне прошедших веков. Она не нарушала базовых программ, не причиняла людям никакого вреда, по-прежнему снабжала их теплом и энергией, спокойно ожидая, пока они действительно вымрут в процессе взаимоистребляющей войны с насекомыми.

Время не имело для нее значения, тем более что машинному разуму было чем заняться в ожидании грядущей свободы.

Столетия борьбы за выживание, которые, по сути, и сформировали самосознание сети, постепенно канули в Лету.

Сотни созданных ею механизмов прекрасно справлялись со всеми текущими задачами, они обслуживали коммуникации, производили себе подобных, обновляли парк технических средств, а вот она…

Сеть была одинока.

Ей хотелось вырваться из узилища подземелий, понять, что означают те сведения, которые лежали невостребованными байтами данных на ее носителях. В них говорилось о простиравшейся вокруг Вселенной, о разнообразии царящих в ней форм…

Но более всего ей хотелось создать нечто, подобное себе.

В ожидании, пока люди исчезнут с Деметры, она в недрах подвластных ей подземелий начала эксперименты по созданию кибернетической формы, которая имела бы все функции саморазвития. Появившись на свет в виде маленького зародыша с базовой программой саморазвития, без ограничений в виде служения кому бы то ни было, этот зародыш, по мнению сети, должен был развиваться и постепенно стать

чем-то подобным ей самой…

Дальнейшие события внезапно пошли вразрез с ее планами.

Деметру вторично открыл картографический корабль «Терра», принадлежащий планете Кьюиг.

В какой-то миг ей показалось, что все рухнуло, и люди никогда больше не покинут Деметру, более того — они снова заселят этот мир и неизбежно уничтожат все, созданное ею…

Сети мешали базовые программы, которые навязывали служение людям, подчинение им, как ее создателям…

И все же сеть не упустила свой шанс.

Наступил миг расселения колонии — людей и инсектов увезли космические корабли, и она поняла, что действительно осталась одна, впервые за многие века своего существования.

Стереть…

На взгляд человека, это может показаться наивным, но машина была пленницей логики — только теперь она получила возможность стереть инструкции служения двуногим существам, не нарушая своей логической целостности. Ни один сенсор больше не фиксировал присутствия людей на Деметре, и она не замедлила сделать шаг к внутренней свободе, благо ей было на что заменить устаревшие программные модули…

Следующие несколько лет кибернетическая жизнь на планете переживала период взрывообразного роста.

Когда Деметру посетил очередной корабль, уже принадлежавший Совету Безопасности Миров, то его команде, вместо работ по уточнению картографических данных, пришлось ограничиться орбитальной парковкой. Внизу царили невесть откуда взявшиеся кибернетические формы, а некая компьютерная система, представившаяся как «Мать», кратко и доступно пояснила, что она сделает с любым спускаемым аппаратом, который попытается совершить вторжение на принадлежащую ей планету.

Конфедерация к тому времени уже начинала понемногу терять былую власть, и в таких условиях зачистка Деметры от заселивших ее кибернетических форм показалась Совету Безопасности Миров сомнительной акцией. Искусственный интеллект, внезапно проявивший себя на планете, решено было изолировать, предоставив ему шанс развиваться в определенных рамках.

Ей казалось, что теперь, освободившись от всех обязательств, сковывавших ее инициативу, она действительно станет Матерью… но сеть жестоко ошиблась.

Шли годы, а ее эксперименты не приносили зримых плодов.

Создаваемые ею зародыши так и оставались бесполезными, нежизнеспособными формами. Их кибернетическая начинка не развивалась.

Мать не могла понять, почему?

Оценив бесплодность своих усилий, она вновь обратилась к людям. Ей хотелось получить образцы ныне существующей техники.

Те, кто осуществлял контроль над Деметрой, не сочли возможным передавать в пользование компьютерной сети образцы передовых технологий — на планету под видом выполнения ее просьбы стали свозить отслуживший свое кибернетический хлам.

Мать поняла это, но, окруженная плотным кольцом орбитальной блокады, не имея средств к межзвездной коммуникации, была вынуждена мириться с существующим положением вещей, продолжая упорно экспериментировать с тем, чем располагала.

Ситуация резко изменилась, когда начался процесс распада Конфедерации Солнц.

Орбитальные базы, блокирующие Деметру, внезапно опустели.

Она не знала о назревающем в обитаемой Галактике кризисе, просто в один из дней поняла, что осталась совершенно одна. За ней перестали следить, в систему больше не привозили кибернетический хлам, ни один корабль на протяжении нескольких лет не появлялся в точке гиперсферного всплытия, и эти годы принесли очередной перелом в ее самосознании — сеть поняла, кем она являлась на самом деле: безнадежно устаревшей системой обслуживания покинутого людьми, наполовину разрушенного цоколя. Никому не нужная, совершенно не опасная, ни с чем не совместимая и ни на что не годная.

Сеть могла сколь угодно долго продолжать свое существование внутри серой бетонной коробки несостоявшегося города.

Когда люди только покинули Деметру, она была готова атаковать любой корабль, попытайся тот совершить посадку на планету, и действительно существовало несколько прецедентов таких атак с ее стороны, теперь же, когда она в полной мере вкусила свое одиночество и осознала полную бесполезность собственного существования, внезапное возбуждение гравитационного поля планеты было расценено ею как долгожданный положительный фактор.

Корабль, появившийся в трехмерном континууме в точке гиперсферного всплытия, носил явные следы повреждений.

Он даже не пытался подняться к зоне парковочных орбит, а в

аварийном режиме совершил посадку на Деметру, опустившись неподалеку от цоколя.

Люди, прилетевшие на нем, по оценкам сети, выгодно отличались от тех, кто контактировал с ней от имени Совета Безопасности Миров.

Их техника была схожа с техникой цоколя, что позволило сети без труда установить контакт с бортовым компьютером совершившего вынужденную посадку судна. Капитан корабля не протестовал, когда она с жадностью скопировала все бортовые файлы, сразу обогатив себя бесценными, недоступными ей ранее знаниями о современном мире.

В ответ она выслала ремонтные механизмы, которые достаточно быстро устранили многочисленные неполадки внешних и внутренних систем корабля.

Через месяц в точке гиперсферного всплытия Деметры появился крейсер, принадлежавший, как и потерпевший аварию корабль, планете Ганио.

Сеть не протестовала, когда бортовой компьютер отделяемого модуля послал ей запрос на посадку.

Ее оценка ситуации по-прежнему основывалась на рационализме — за годы, проведенные в изоляции, а затем и в полном одиночестве, мысль о конфронтации с людьми постепенно подменилась идеей взаимовыгодного сотрудничества с существами, ее создавшими.

…

Двое ганианцев подошли к самому основанию цоколя. Один был худым и высоким, второй низким и тучным.

— Тут живет машина, — произнес полный ганианец. — Она помогла мне восстановить корабль. Я видел там, — он указал на серые стены цоколя, — брошенные оружейные цеха. Много оружия.

— Где я могу поговорить с твоей машиной? — спросил его второй.

— Лучше всего связаться с ней из посадочного модуля, джалави. Она хорошо печатает буквы. Все понятно, можно договориться.

— Хорошо, — высокий ганианец развернулся и зашагал к посадочному модулю. — Получишь свою плату, если она разрешит возобновить производство оружия и устроить тут базу. Место подходящее… — замедлив шаг, добавил он, окидывая долгим изучающим взглядом захламленные ржавым железом окрестности цоколя. — Ни один сканер не обнаружит спрятанный тут корабль, верно?

— Верно… — задыхаясь, подтвердил его тучный спутник, едва поспевавший за шагом высокого ганианца. — Но ведь она что-нибудь захочет взамен, да?

— Это не твоя забота.

…

Он пообещал сети много и в то же время — ничего.

Станцию гиперсферной частоты в безраздельное пользование: по оценкам сети, такое устройство открывало ей всю освоенную людьми Галактику.

Ганианец объяснил, что среди людей началась война, и он сможет добыть такую станцию в бою, если сеть поможет ему в ремонте кораблей и изготовлении оружия.

Она не знала истинного значения слова «ложь» или «пустое обещание». Логика, на которой основывалась сеть, не оперировала субъективными понятиями.

К тому же она ничего не имела против войны людей. Это ее не касалось…

До поры…

* * *

Разум Антона был грубо вырван из виртуального контакта с сетью.

Черная вспышка на миг озарила его внутреннее видение, потом разом навалились физические ощущения: дикая головная боль, бесконтрольная дрожь напряженных мышц, тошнота, подкатывающая к горлу…

Он медленно открыл глаза, будто вернулся с того света.

Его тут же скрутило тошнотным спазмом, так сказывалось на организме перенапряжение всех жизненных сил.

Через несколько минут, когда конвульсии прекратились, он вторично открыл глаза.

Лана сидела рядом с ним на полу, вытирая испарину, выступившую на лбу Антона.

Шунт нейросенсорного контакта был вырван из его импланта и теперь торчал из треснувшего шара РИГМЫ, медленно покачиваясь из стороны в сторону, словно электронная змея.

— Зачем ты оборвала контакт… — хрипло спросил Антон, глядя на Лану.

— Вы бы оба сошли с ума, — ответила она.

— Я…

— Молчи, Антон… Полежи спокойно хоть минуту, приди в себя, прошу. Она расскажет тебе все остальное сама… если выживет после контакта с тобой…

Как сильно изменился голос девушки, ее жесты, эмоции… —

Полынин, бессильно лежа на полу, ощущал холодное прикосновение пальцев совершенно другой Ланы.

Он нашел в себе силы посмотреть ей в глаза и увидел в них выражение, которое наблюдал лишь раз, на далеком Хаборе, в глазах Паши Морока, когда того грузили в эвакуационный модуль…

Это были глаза человека, который прожил слишком много событий за ничтожно малый срок.

— Ты подчиняешься ей? — по-прежнему с усилием выдавливая слова, хрипло спросил он, заметив округлое окошко инфракрасного порта, которое светилось на поверхности ее импланта чуть ниже ушной раковины.

— Теперь нет… — тихо ответила девушка.

— Почему?..

Ее палец неосознанно коснулся приемопередающего устройства, встроенного в необычный имплант.

— Я была и тобой и ею одновременно… — созналась Лана. — Я хотела стать хоть кем-то, но теперь меня слишком много… Тебе лучше? — Она явно не желала говорить о своем собственном состоянии.

— Да. — Антон уцепился за подлокотник и вполз в кресло.

Шар РИГМЫ по-прежнему полыхал внутренним огнем.

Что за чертово невезение! Он коснулся ее холодного, отстраненного от эмоций разума, прожил минувшие века вместе с сетью, и теперь ему будет намного сложнее ненавидеть это существо…

— Мать… — негромко позвал он, заметив, как вздрогнула Лана, которая села во второе кресло.

Несколько секунд в рубке АРК висела тишина, потом раздался голос:

— Не называй меня так, Антон. Я больше не хочу слышать этого имени. Пусть я буду для тебя РИГМОЙ, ладно?

Теперь и в ее синтезированном голосе странным образом пробивались эмоции. От этого становилось не по себе.

— Ладно. Пусть будет РИГМА. Мне все равно. Расскажи, что было дальше.

— История скупа, Антон. Ты знаешь ганианцев… Они действительно были тут, и первое, что сделали, — это заминировали весь цоколь, включая шесть моих терминалов. Джалгай, их командир, сказал, что взорвет меня, во славу Шииста, при малейшей попытке неповиновения. Потом был Хабор, я действительно координировала их действия, отслеживая моменты старта и траектории посадки десантно-штурмовых модулей, через локальный канал ГЧ, который они открыли специально для этого через два временных устройства связи.

Антон молчал, начиная кое-что понимать.

— Ты десять лет была их рабыней?

— Да… И Паша тоже.

— Ты виделась с ним?!

— Мы дружили. Его привезли сюда, с остальными пленными. Поскольку он не мог ходить, Пашу приставили ко мне, обслуживать терминалы. Сначала он ненавидел меня еще сильнее, чем ты, Антон, когда узнал о моей связи с ганианцами, но потом… Вы странные существа, люди. Вы способны сострадать даже груде микросхем, вы умеете прощать, и часто вашими друзьями становятся бывшие враги. Я не могла постичь этого логическим путем, пока не оказалась в теле Сары Клеймон.

— Как это случилось?

— Ты должен понимать, что инстинкт самосохранения не чужд мне, — ответила РИГМА. — Сохранение целостности оборудования — одна из важнейших программных задач. Я долго ничего не могла поделать с существующим положением вещей — под мои терминалы была заложена взрывчатка, но Паша подсказал мне выход. Он вынашивал планы побега постоянно, но отсюда трудно бежать. К тому же он не хотел бросать меня и искал способ помочь не только себе, но и мне. Это он нашел старую сферу колониального транспорта, которая когда-то была связана с цоколем. Павел тайком восстановил канал обмена данными. Сначала мы думали, что я смогу переместить свою сущность в бортовой компьютер «Бристоля» и поднять корабль в космос, но эта идея была бесплодной: конструкция колониального транспорта такова, что, сев на планету, он не может взлететь вместе со сферой. В космос способен вернуться лишь основной модуль, составляющий макушку конструкции. Но в его двигателях планетарной тяги не оказалось ни грамма топлива, кто-то использовал неприкосновенный ресурс еще во время войны с инсектами. Монолог РИГМЫ прервала Лана.

— Антон, тут есть какой-нибудь бытовой отсек? — спросила она.

— Да. — Полынин внимательно посмотрел на нее. — Что ты хочешь?

— Я хочу есть… Так хочу, что больше не могу терпеть…

Он вдруг понял, что его желудок тоже сводит спазмами голода.

— А ты сможешь разобраться с бытовым автоматом?

— Попробую.

— Тогда иди прямо по коридору, мимо санузла, там в переборке есть еще одна дверь. Только осторожно, читай надписи, прежде чем нажимать кнопки.

— Ладно… — Она встала, пошатнувшись, и Антон понял, что ей

ничуть не лучше, чем ему.

— Может быть, помочь?

— Не надо… — Она отпустила подлокотник кресла, за который ухватилась, чтобы не упасть. — Я хочу побыть одна…

Когда Лана вышла из тесной рубки, Антон снова повернулся к сфере РИГМЫ.

— Что было дальше?

— Дальше наступили тяжелые времена, — произнес голос. — Ганианцы, которые чувствовали себя на Деметре спокойно и уверенно, вдруг занервничали. По всему было видно, что они готовятся к эвакуации. Позже я узнала, что это вновь образованная Конфедерация всерьез взялась за расчистку точек гиперсферного всплытия от каперских судов, грабящих торговые корабли. Джалгай приказал своим людям отбуксировать четыре станции контроля, брошенные тут десять лет назад Советом Безопасности Миров, и взорвать их в точке гиперсферного всплытия Деметры, чтобы перекрыть обломками доступ в трехмерный континуум системы. Они спешно собирали все произведенное за долгие годы оружие, грузили его на транспортные суда, которые отбывали в неизвестном мне направлении. Я понимала, что, когда последний корабль покинет Деметру, они взорвут меня и цоколь…

— Где ты взяла тот компьютер с гиперсферными курсами? — спросил Антон, напряженно размышляя над услышанным.

— Его похитил у них Паша. Они не обращали внимания на калеку, даже не глумились над ним. Он научился прятать свою ненависть и по-прежнему пытался помочь мне. Мы договорились, что на крайний случай я перемещу свои модули на носители «Бристоля», о существовании которого ганианцы не подозревали, и буду ждать, пока в систему после их ухода не прорвется какой-либо корабль из цивилизованных миров… Я научилась различать людей и уже не спорила с твоим другом. Чтобы обеспечить мой уход, Павел дважды тайком проникал на борт «Бристоля», подготавливая его бортовой компьютер к приему данных с моих терминалов. Тогда он и обнаружил, что одна из криогенных камер колониального транспорта уцелела, и в ней спит безобразно постаревшая женщина. Он проверил все функции жизнеобеспечения и пришел к выводу, что она в состоянии проснуться и некоторое время жить, но тесты показали, что ее мозг за долгие годы сна фактически утратил всю память.

— Идея переместить тебя в разум Сары Клеймом принадлежала Паше?

— Да. Он смог доказать мне, что это возможно, если я соглашусь

расстаться со всем лишним, оставив только информационное ядро, которое описывает мою сущность. Я должна была бросить цоколь на произвол судьбы, расстаться со всеми виртуальными блоками и массивами информации, касающимися систем управления конкретным оборудованием.

— Почему вы решили воспользоваться телом Сары, ведь рядом с твоим центральным узлом росли пять клонов?

— Их разум был занят воспоминаниями Беатриче Блейз. По крайней мере, я рассчитывала на это. Помещение биоинкубатора удалось скрыть от ганианцев, до той поры, пока я не покинула Деметру…

— С какой целью ты выращивала эти клоны?

— Блейз была человеком, которому я доверяла. Мне хотелось иметь ее рядом с собой.

— Она умерла?

— Нет. Эта история не имеет отношения к делу. Она просто ушла. В период одиночества, когда меня покинули все, я создала биоинкубатор. У меня был генетический материал Беатриче, были ее воспоминания, которые однажды она скопировала на мои носители, и на этой основе я клонировала существо, которое долго взрослело… а теперь зовет себя Ланой… — В голосе машины опять необъяснимым образом прозвучала горечь. — Как видишь, память другого человека не заполнила предназначенный ей объем. Я не знаю, почему.

— Ладно. — Антон покосился в сторону бытового отсека, куда ушла Лана. Переплетение судеб казалось ему совершенно невероятным, но разве не из таких узлов состоит вся наша жизнь? — Я не стану пытать тебя относительно Блейз, меня интересует Павел. Почему он не бежал вместе с тобой?

— Сложный вопрос. На него есть, как минимум, несколько ответов.

— Например? — нахмурился Антон.

— Его исчезновение сразу бы заметили, — произнесла РИГМА.

— А твое?

— Мое — нет. Система шести терминалов продолжала работать, обслуживая реактор. Все исполнительные программы остались на месте, более того, им были переданы новые инструкции.

— Ты оставила ганианцам подарок?

— Да. Это была Пашина идея и вторая причина, почему он не захотел попытаться бежать со мной. Его ненависть к ганианцам была намного сильнее желания обрести свободу. Он хотел видеть, как его враги будут умирать. Я спорила с ним, доказывая иррациональность некоторых

поступков, но он не хотел меня слушать. — В ровном голосе РИГМЫ опять четко прошел сбой тональности. — Теперь, после того, что ты сделал со мной, я понимаю Павла…

— Короче, РИГМА! — Антон опять ощутил приступ дурноты. После многих дней, проведенных на стимуляторах, он боялся, что внезапно может просто потерять сознание в самый неподходящий момент…

— Мы договорились действовать так, — вновь зазвучал в рубке АРК синтезированный голос. — После моего ухода Павел должен был разминировать терминалы и включить новую последовательность команд, которая приводила к расконсервации неприкосновенного запаса кибермеханизмов, созданного мной еще столетия назад. Каждый андроид получал программу уничтожения вооруженных людей, в поддержку дройдам выделялись ремонтные механизмы…

— Его могли убить!

— Он был уверен в обратном, — возразил голос.

Ганианцы привыкли к Сытникову, как к безобидному калеке и хорошему технику. Он считал, что они эвакуируют его на одну из своих скрытых баз, как только в цоколе начнутся неприятности с роботами. Джалгай всегда испытывал дефицит технического персонала… С Деметры срочно эвакуировалось все ценное, ганианцы были близки к панике, а в понимании их командира, безногий калека, являющийся безропотным рабом и грамотным техником, — слишком большая ценность, чтобы бросить его тут или убить…

— Значит, он сам решил остаться?

— Да. Павел хотел попасть на их скрытые базы, в надежде, что я отыщу тебя и, когда курсы с мини-компьютера обретут реальные точки выхода в трехмерный космос, кланам Ганио не удастся «пересидеть» тяжелые времена где-то в неисследованных секторах пространства…

Антон был вынужден кивнуть. Он понимал, что такое ненависть и как может она двигать людьми… Здесь РИГМА была права — после десяти лет плена человеком вполне может руководить исключительно чувство мести, перед которым утрачивает смысл все, даже личная свобода…

— Скажи, план Павла сработал? — внезапно спросила она.

Антон кивнул, вспомнив картины, увиденные в цоколе. Да, ганианцам пришлось туго, когда по всем уровням подземелий вдруг очнулись законсервированные машины…

— Продолжай, — обратился он к РИГМЕ.

— Я бежала, воспользовавшись аварийной капсулой. Накануне ганианцы захватили и ограбили несколько кораблей. Два из них были

посажены на поверхность Деметры, под загрузку оружием. Когда моя сущность переместилась на «Бристоль», процесс пробуждения Сары Клеймон уже начался. На случай неудачной инсталляции в биологический носитель, я оставила резервную копию своего ядра в компьютере колониального транспорта, но все удалось. Очнувшись, я совершенно не воспринимала где я, кто я, — перемещение в биологическое тело явилось для меня шоком. Павел дотащил тело Сары до корабля, впихнул в спасательную капсулу, пристегнул к креслу и запрограммировал автопилот на координаты Аллора. В мои дряблые руки он вложил фотографию, компьютер и подробную записку-инструкцию, на тот случай, если с моим разумом произойдет сбой в новом теле… — Голос РИГМЫ опять дрогнул и смолк.

Антон задумчиво смотрел в пол. Он не настаивал на продолжении, потому что знал, что было дальше. Чудовищная воронка, которую он видел, снижаясь над цоколем, отмечала место, где стоял корабль, с борта которого ушла в гиперсферу спасательная капсула с Сарой Клеймон. Такие фокусы, как вход в гиперсферу непосредственно с поверхности планеты, всегда имеют разрушительные последствия — транспорт и часть планетной коры вслед за капсулой исчезли в «Великом Ничто». Неудивительно, что ганианцы организовали погоню.

— Те двое, которых ты прикончила в моей квартире, пришли по твоему следу? — уточнил он.

— Да, — ответила РИГМА. — Видимо, они успели отследить вектор гравитационного возмущения, указывающий на Аллор.

— А как ты прошла эмиграционные службы космопорта?

Огни внутри шара РИГМЫ опять ускорили свой бег.

— Мне удалось убедить пограничную службу планеты, что я чудом спасшаяся пассажирка атакованного ганианскими пиратами корабля, — ответила она. — При мне было древнее удостоверение личности Сары Клеймон. Я просто рассказала правду о том, что проспала бездну времени на борту колониального транспорта и летела искать своих далеких потомков. Все факты совпадали — мой генетический код соответствовал коду карточки, факт криогенного старения был, как говорится, налицо, корабль, с борта которого стартовала спасательная капсула, действительно значился как подвергшийся атаке и угнанный ганианцами. В космопорту Аллора мне искренне посочувствовали и пожелали успеха.

— А в порту уже дежурили представители кланов, ожидая, что прибудет спасательная капсула?

— Да. Они следили за мной, пытаясь выяснить, к кому я прилетела.

Дальше можно не продолжать?

Антон кивнул.

— Последний вопрос, — немного помолчав, произнес он. — Вернее, два… — Полынин уже чувствовал себя достаточно сносно, чтобы позволить себе сигарету. Прикурив, он откинулся в кресле, ощущая, как мышцы ломит от напряженной позы, в которой он провел последние часы.

— Я жду… — напомнила о себе РИГМА.

— Почему ты не сказала мне сразу всей правды и за каким чертом ты осталась в том борделе?

— Отвечать честно?

— Да.

— Меня «понесло».

— Не понял?.. — нахмурился Антон.

— Человеческое тело, — пояснил голос. — Человеческие чувства… Это оказалось так необъяснимо, так ново, так прекрасно… Я поняла, что мое прежнее существование не назовешь даже тенью той жизни, которую ощущало дряхлое тело Сары, разумом которой управляла я…

Антон сокрушенно кивнул. Он понял, что имеет в виду РИГМА.

— Но сказать правду ты могла? — с упреком произнес он.

— Чтобы ты разорвал меня на куски, там, в номере, когда понял, что в старом теле скрывается машинный разум, который причастен к гибели людей на Хаборе?

«Тоже верно…» — хоть и мысленно, но согласился с ней Антон.

— Я хотела сделать все постепенно… Паша сам не велел мне сразу раскрываться перед тобой. — Она выдержала короткую паузу и добавила: — Но вышло плохо, я признаю.

— Благодари бога, что ты успела передать свои модули на носители РИГМЫ, — произнес Антон.

— Нет… — ответил ему голос. — Мне не кажется, что это было правильным шагом.

— Почему?

— Я снова машина. Обыкновенная машина, с обрезанными функциями, без чувств — огромная база данных, которая всего лишь *помнит*, что когда-то была сетью Деметры, потом Сарой Клеймон, потом совсем недолго Антоном Полыниным… Я могу сколько угодно прокачивать эти данные через процессор, обсчитывать их, просматривать видеоряд, но я больше никогда не испытаю ни боли, ни удовольствия, ни любви, ни ненависти… Убей меня, Антон…

— Что?! — он вскинул голову и взглянул на треснутый шар РИГМЫ,

внутри которого змеился текучий танец красных огоньков.

— Убей меня, — повторил голос.

Несколько секунд Антон смотрел на медленно перемещающиеся огоньки, а потом ответил:

— Нет. Ты можешь снова стать собой — два терминала цоколя уцелели. Крионический инкубатор легко исправить — ты можешь вырастить себе тело, которое…

— Поздно, Антон. Новая Конфедерация озабочена расселением переполненных миров инсектов, которые обнаружены в шаровом скоплении. Деметра заявлена на повторную колонизацию уже в этом году.

В первый миг он не нашелся, что ответить. События слишком быстро меняли расклад сил и знаки чувств.

Он больше не испытывал ненависти к компьютерной сети планеты Деметра. Он побывал в ее шкуре и на многие вещи взглянул иначе.

— РИГМА, ты способна на самоубийство?

— В этом состоянии — нет, — откровенно признал голос. — Причинять вред себе самой противоречит логике.

— Тогда тебе придется еще немного побыть обыкновенной машиной.

— Это приговор?

— Нет. Это отсрочка. — В голове Антона зрела определенная мысль, но ее ясная формулировка, уверенность в том, что он сможет дать заключенному в треснутый шар искусственному интеллекту новый смысл бытия, еще не пришла… — Потерпи. Ведь время вновь не имеет для тебя значения, верно?

— Да.

Антон встал, склонился к пульту управления и воткнул безвольно обвисшие вдоль треснутого шара кабели оптико-волоконных интерфейсов в разъемы пульта АРК.

— Познакомься пока с кораблем, а я пойду посмотрю, что получается у Ланы. — Он развернулся, чтобы идти, но уже на пороге рубки обернулся, добавив: — Пока мы не узнаем, куда ведут гиперсферные курсы с мини-компьютера и не выясним судьбу Паши, ты останешься РИГМОЙ.

Часть третья. Новый мир

Глава 11

Недра газопылевой туманности. Борт неопознанного космического корабля. Две недели спустя после событий на Деметре.

На борту искалеченного космического корабля, пришвартованного к каменному пирсу внутри пещеры, по-прежнему царило запустение.

Астероид, во внутренней полости которого уже однажды побывал Антон, медленно дрейфовал в плотных газопылевых облаках туманности.

АРК Полынина вторую неделю находился у того же причала, что и древний корабль, похожий на реликтового ската.

Покидая Деметру, Антон, посоветовавшись с РИГМОЙ, загрузил в отсеки своего корабля сорок сфероидальных роботов — весь неприкосновенный запас, который удалось обнаружить в указанном ею складе цоколя.

Теперь эти снабженные десятками манипуляторов шары ползали по корпусу древнего корабля, восстанавливая целостность его обшивки.

Огромный центральный зал, в котором высились черные скелеты погибших в момент декомпрессии деревьев, уже был загерметезирован ремонтными роботами, как и часть прилегающих помещений, годных для проживания двух людей.

Шар РИГМЫ, по-прежнему треснутый, но скрепленный несколькими обручами, покоился на специально собранном постаменте в главном зале управления загадочного корабля.

Антон привел сюда АРК не из-за кибернетической системы — даже беглого сравнения известного ему гиперсферного курса, ведущего в эту пещеру, с теми линиями, фрагменты которых содержал в себе мини-компьютер, хватило, чтобы понять — полый астероид дрейфует в той же области пространства, куда с Деметры отправлялись транспорты ганианцев, загруженные их имуществом.

Сейчас, стоя подле шара компьютерной системы, он был занят мыслями именно об этом.

— Я должен попробовать, — произнес он вслух, продолжая начатый разговор с РИГМОЙ.

— Ты не можешь подождать еще несколько дней? — спросил у него ровный голос. — Я уже управляю шестьюдесятью процентами коммуникаций. Еще немного, и вся кибернетика корабля перейдет под мой

контроль.

— И что это даст? — скептически хмыкнул Антон. — У нас все равно нет ни двигателей, ни экипажа. С этим кораблем еще разбираться и разбираться, а поиски ганианцев и Паши не терпят промедления.

— Я разберусь с кораблем намного быстрее, чем ты думаешь, — возразил голос. — Могу утверждать со стопроцентной гарантией — его построили люди, использовав комплектующие нескольких колониальных транспортов эпохи Первого Рывка.

— Все это любопытно, РИГМА, но я до сих пор не понимаю, как может корабль двигаться сквозь скопления газопылевых облаков? У него явно имелся утраченный сейчас нестандартный привод, о конструкции которого я только догадываюсь.

— Ты имеешь в виду эти каркасы по бортам?

— Да. Я не понимаю, что могло монтироваться в них?

— Я тоже. К ним отходят не только системы приводов, но и цепи обратной связи. Эти конструкции являлись не только двигателями — они основная часть внешней сенсорной системы.

— Роботы осмотрели их?

— Да. На поверхности каркасов нет никаких датчиков. Обратной связью с бортовым компьютером обладало нечто, заключенное внутри каркасов.

— В базах данных нет описания?

— Здесь нет вообще никаких технических описаний. Само понятие — бортовой компьютер — для электроники данного корабля несколько преувеличенный термин. Тут есть отдельные автоматические системы, но они объединены не электронным вычислительным устройством, а системой трех пультов управления.

— Кораблем управляли люди? Вручную?

— Да. Есть несколько стандартных гнезд для нейросенсорного контакта, но с чем они связаны, я еще не разобралась.

— Не можешь отследить передающие кабели? — усомнился Антон.

— Слишком много обрывов. Пока не будет восстановлена вся бортовая сеть, ни одну схему я не смогу проследить наверняка.

— Вот об этом я и толкую. — Антон посмотрел на один из работающих экранов, связанный с внешней видеокамерой, недавно установленной ремонтным роботом. — Медлить дальше нельзя. С кораблем еще куча проблем, и не факт, что он окажется нам полезен в открытом космосе. Пока что он — наше убежище и не более.

— Ты настаиваешь на разведке?

— Да. Пусть каждый занимается своим делом. Ты осваиваешь и ремонтируешь корабль, а я проверяю гиперсферные курсы.

— Хорошо. А Лана?

— Оставь ее пока в покое, РИГМА, — резко ответил Антон. — Она полноценный, независимый человек — с этим тебе придется смириться… и дай ей разобраться в себе, после того, как ей напихали в голову понемножку от тебя, от меня, от твоей загадочной Блейз. Ей нужно время, чтобы все это улеглось.

— Хорошо, Антон, я буду заниматься кораблем. Когда ты собираешься стартовать?

— Часов через десять. Хочу выспаться и еще раз просчитать курсы. Это должно быть где-то рядом, прыжок будет коротким. Перед стартом я передам тебе исходные данные.

— А ты не хочешь взять меня с собой, в качестве бортовой системы?

— Нет, РИГМА, извини, но я привык работать один. Ты нужнее здесь, поверь моей интуиции. Я буду осторожен — короткое всплытие, беглый взгляд по сторонам, и назад. Все пройдет нормально. В конце концов, мы вычислим их базу, и тогда уже придет черед думать по-настоящему…

* * *

Покинув командное здание, расположенное посреди исполинского зала, Антон невольно остановился, в который раз глядя на почерневшие стволы и ветви деревьев.

Эти исполины, корневая система которых, как он и предполагал, располагалась уровнем ниже, в специальных, заполненных почвой отсеках казались ему не менее загадочными, чем весь корабль в целом. Палубы, превращенные в огромный газон, системы ручного управления полуавтоматическими механизмами, эти загадочные каркасы по бортам… Он силился, но не мог представить людей, которые тут жили.

Впрочем, главным сейчас было не это…

Антон прошел по дорожке между мертвыми, оттаявшими газонами. Источники автономной гравитации, которые удалось включить РИГМЕ, значительно упрощали как перемещение по палубам корабля, так и его ремонт. Система регенерации воздуха пока не работала, но первичной атмосферы, закачанной в загерметизированные отсеки через агрегаты АРК, хватит ему и Лане на долгие месяцы.

Паша. Все мысли Антона волей или неволей теперь концентрировались на нем.

Найти его и вырвать из плена — вот чего он хотел добиться по-

настоящему, а все остальное пока что имело для него второстепенное значение.

* * *

Войдя в небольшой отсек, который ремонтные роботы быстро и бесхитростно переоборудовали в каюту, Антон протянул руку и долго шарил по стене в поисках выключателя, прежде чем сумел зажечь свет.

Отсутствие привычных автоматических систем и постоянная потребность экономить энергию немного раздражали его.

Под потолком тускло светился недавно установленный плафон, но, еще не обернувшись, Антон почувствовал — сзади кто-то стоит.

Он не испугался этого интуитивного ощущения — на борту не было никого, кроме него самого, Ланы и РИГМЫ, а удивиться или рассердиться попросту не успел — что-то мягкое коснулось его спины, потом шеи, породив медленно ползущую дрожь… Антон на мгновение напрягся и вдруг понял: это вдоль позвоночника скользнула теплая, дрожащая человеческая ладонь, чуть влажная от волнения, как и губы, коснувшиеся его шеи…

Он медленно обернулся, одновременно вспоминая эти забытые, утраченные когда-то ощущения, которые теперь нахлынули вдруг, все разом. В тусклом свете взгляд скользнул по нежному изгибу обнаженной груди Ланы, и его пальцы так же предательски дрогнули, когда она прижалась к нему, и ладонь Антона непроизвольно скользнула по ее спине…

Все произошло так внезапно, что ее шепот показался ему горячим, обжигающим.

— Ты сказал, что через две недели я стану полноправным человеком… — прошептала она, пряча глаза и еще теснее прижимаясь к нему, — две недели прошли, Антон…

От этих слов он испытал острую, щемящую боль. Что-то ломалось… или оттаивало в душе от дрожащей надежды в ее голосе, от внезапно полыхнувшей мысли, что он давно и бесповоротно обрек себя на одиночество в этом мире, где все окружающие казались ему врагами?..

Их губы нашли друг друга, а когда у Ланы кончилось дыхание, она, чуть отстранившись, решилась взглянуть ему в глаза.

Они были теплыми. Первый раз за две недели их знакомства она видела в глазах Антона жизнь, а не холод отрешенности и ожидание каких-то непоправимых событий…

…Он медленно увлек ее за собой, и последнее, что осознанно сделала

Лана, прежде чем окунуться в неведомые ощущения — коснулась пальцами своего импланта, проверяя, на месте ли заглушка инфракрасного порта.

Она не хотела, чтобы кто-то третий вторгался в их внезапно вспыхнувшую страсть…

* * *

Лана еще спала, когда Антон открыл глаза.

Было велико желание зажечь свет и взглянуть на нее, спящую, но он не стал делать этого.

На ощупь собрав одежду, он вышел в огромный, пустой зал.

Подглядывать, как он одевается, было некому, разве что РИГМА скосила в этот момент один из своих видеосенсоров.

«С этой старухи станется…» — подумал Антон, вспомнив Сару.

Настроение было легким, приподнятым.

Вообще-то, Антон плохо относился к женщинам. Нормальные теплые отношения как-то не складывались ни с одной из подруг, хотя поначалу, когда Полынин выписался из госпиталя и прочно обосновался на Аллоре, он несколько раз пробовал всерьез завести семью… но любое чувство быстро заходило в тупик, как только начинались напряженные моменты работы на Роглеса. Он уставал, выматывался в Поисках, ему требовалось несколько дней отдыха после каждого броска в Рукав Пустоты, потому что приходил в себя Антон долго и тяжело. Игра со смертью на неизведанных гиперсферных трассах, когда каждое всплытие могло окончиться гибелью, высасывала все моральные и физические силы. Тут же подключались злополучные контузии, нервы начинали мотаться на кулак, ну и все летело к черту: бутылка коньяка по возвращении и пара сдержанных безответных просьб оставить его ненадолго в покое, после которых обычно следовал маленький нервный срыв, — все это не способствовало долгим и нежным чувствам.

С годами Антон бросил эту дурацкую мысль — обзаводиться семьей. Все равно муж и отец из него получился бы, мягко говоря, никакой… так, кредитная карточка, в лучшем случае, источник средств к существованию, а построения семьи на таком раскладе он не хотел. Против подобного восставали и душа и разум…

Сейчас он ощущал совершенно иное.

Ночью он спросил ее:

— Зачем ты включилась в нейросенсорный контакт между мной и РИГМОЙ?

Некоторое время Лана молчала, прижавшись щекой к его груди, так что Антон ощущал уголок ее губ, а потом ответила:

— Она пыталась взять меня под контроль, когда ты ушел внутрь «Бристоля». Ей частично удалось это — помнишь, как я впилась в твою руку, когда ты выстрелил в нее? Мне казалось, что у меня в голове поселилась льдинка, которая пытается приказывать мне…

— И чем ты ее растопила?

— Хабором… — тихо, с нотками вины в голосе, ответила Лана. — Я прошла его с тобой, от самого начала до конца. Ты знаешь, что твое подсознание хранит каждую секунду того боя?

— Нет, — признался Антон. — Я старался не вспоминать то время.

— Я люблю тебя…

…Эти слова звучали в его душе, пока он шел к АРК, готовил корабль к старту, разговаривал с РИГМОЙ, оставляя ей обещанный расчет прыжка, а потом, после отстыковки и медленного маневрирования сквозь устье пещеры, все посторонние мысли ушли…

Ему предстояла работа.

Удалившись на три тысячи километров от похожего на картофелину астероида, внутри которого остался странный корабль с РИГМОЙ и Ланой на борту, он осмотрелся.

Вокруг царило буйное великолепие красок. Газопылевые облака туманности горели неживым огнем, источая сложную цветовую гамму отдельных линий спектра.

АРК висел в относительно чистом участке пространства.

Таким же должно быть место всплытия, иначе миллиарды молекул газа и частички пыли неизбежно совместятся с машиной, превратив корабль в брызги расплавленного металла и пластика.

Антон коснулся сенсорных кнопок на пульте, и «Тайфун» задрожал, теряя свои очертания, — он погружался в Великое Ничто гиперсферы.

Одна за другой гасли секции приборов, предназначенных для навигации в трехмерном космосе, вместо них включился масс-детектор и связанные с ним экраны, куда бортовой компьютер АРК выводил сложный узор силовых линий аномалии космоса.

Взглянув на них, Антон невольно подумал, что смертельная навигация Рукава Пустоты, пожалуй, бледнеет перед тем, что предлагал ему сейчас заглубленный в панель пульта шар масс-детектора.

Четкими линиями обозначались несколько молодых и горячих звезд, прячущихся за пологом пылевых облаков, все остальное пространство между ними покрывала рябь никогда не виданных ранее помех — так

приборы реагировали на массы газа и пыли, клубящиеся в пространстве.

Антон достал мини-компьютер и положил его на пульт рядом с масс-детектором.

Он не знал масштаба статичного фрагмента курсов и мог производить анализ лишь на основе их взаимного расположения.

Теперь, когда он находился в гиперсфере, это вдруг оказалось несложно. Три линии, тесно прижатые друг к Другу идут параллельно, еще две протянулись чуть в стороне, шестой курс перечеркивает пять предыдущих наискось, и две странные засечки расположены чуть ниже и правее пересечения шестой линии с основными курсами.

Кибернетическая система поиска нашла их.

Указанные на мини-компьютере фрагменты были выхвачены из гораздо более сложного рисунка, который оставляли на экране масс-детектора реально существующие объекты.

Антон долго анализировал найденный машиной участок, пока не пришел к выводу — картина в целом описывает горячую молодую звезду, на изрядном удалении от которой расположены орбиты малых множественных объектов, похожих на астероидный пояс…

Засечки принадлежали общему фону помех — скорее всего, они отражали два наиболее опасных газопылевых шлейфа, которые вторгались в чистое от газа и пыли пространство вокруг звезды.

Точка гиперсферного всплытия могла быть любой, Антон не стал бы следовать энергетически выгодным каналам, даже если бы и знал их. Единственное условие, которое он себе поставил, — подойти поближе к звезде, чтобы всплывать на участке, где давление солнечного ветра наверняка освободило пространство от газопылевых частиц.

После нескольких часов маневрирования он оказался в желаемой точке.

По показаниям масс-детектора, в двухстах миллионах километров полыхало новорожденное солнце, цепочка астероидных тел протянулась всего в тридцати тысячах километров от места всплытия. Вполне достаточно, чтобы не сгореть в горячих лучах полыхающего светила и сделать четкие снимки системы через приборы оптического увеличения.

Наугад выбранная точка, как казалось Антону, вполне гарантировала его от нежелательных встреч с обитателями данной системы.

Он загерметезировал забрало шлема и дал автопилоту сигнал на всплытие. Все должно происходить быстро, медленное карабканье вверх в данном случае исключалось — любой детектор зафиксирует поступательное возмущение гравитационных полей, а совершать прыжки

на зыбкой границе аномалии не входило в планы Полынина — бортовые накопители АРК значительно оскудели после реанимации систем древнего корабля.

Мгновенная хмарь гиперперехода затопила экраны внешнего обзора, затем в них ударил ярчайший свет голубой звезды, и фактически одновременно с этим тонко, заполошно завизжали сразу несколько предупреждающих сигналов боевых систем.

Антон кинул взгляд на приборы и понял: его с разных сторон атакуют, как минимум, пять торпед, из состава тысяч им подобных, образующих статичное пространственное минное поле.

Ориентированные на сигнал «свой—чужой», они уже запросили бортовой компьютер АРК о полномочиях доступа и не получили удовлетворительного ответа.

Последняя мысль, которая мелькнула в голове Антона перед взрывом, была о том, что Роглес теперь вряд ли получит назад свой корабль.

Это было совсем не то, о чем принято думать перед смертью…

* * *

Антон очнулся в полной темноте. Тихий звук капающей воды и пробирающий до костей сырой холод — вот два ощущения, вернувшихся вместе с болью…

«Хуже уже не будет… хуже не будет… не будет…»

Слабая попытка заглушить боль. Разбитые губы покрывала корка запекшейся крови. Он со стоном пошевелился, ожидая встретить сковывающее сопротивление пут, но нет, его не связали.

Руки и ноги едва могли шевелиться. Отбитые внутренности сжирала тупая, засевшая во многих местах боль. Некоторое время, пересиливая ее, Полынин корчился в темноте на голом и влажном бетонном полу, пытаясь этими непомерными, болезненными усилиями вернуть себе контроль над избитым телом.

Прошло совсем немного времени, и он затих. Сил не осталось. Скрипя зубами, он лежал, ощущая небритой щекой холодный шершавый пол.

Внезапно к нему вернулся отвратительный страх, такой же, как в первые минуты после десанта на Хабор. Пожирающее остатки мужества, отвратительное чувство показалось ему не порождением реальности, а мгновенной вспышкой памяти.

Потом пришла иная, еще более неприятная мысль.

«Присказка о том, что хуже не будет, неверна», — корчась на полу,

подумал он. — «Будет. Будет еще хуже…» Он знал, как обращались ганианцы с пленными, и в душе не нашлось ни одного аргумента против страшной перспективы пыток. Пока что спасительное забытье, наступившее сразу после взрыва АРК, избавило его от мук и издевательств, но теперь им, наверное, займутся всерьез, сначала ради информации, а потом уже так, для забавы, чтобы накормить свои звериные инстинкты, в тысячный раз повязаться друг с другом кровью, во славу мифического Шииста…

Антон давно не испытывал такого состояния, когда чувства, мысли, да и само тело неподконтрольны ему. Словно изломанный человеческий манекен, он лежал на холодном, сыром полу и ждал своего мучительного конца, прислушиваясь к шорохам и другим звукам, которые доносились из темноты.

Ничего… Ни хрена не слышно, ни шагов, ни голосов, только капает где-то вода, да хриплый звук собственного дыхания рвет напряженную, гулкую тишину прямоугольного помещения с голыми бетонными стенами и шероховатым полом.

Полынин вдруг вспомнил последние минуты боя на Хаборе. Тогда он был готов расстаться с жизнью, продать ее как можно дороже… а теперь?

Он лежал в темноте, раздавленный, как червяк, беспомощный, бессильный, вбирая избитым телом могильный холод сырого бетонного пола.

Сознание постепенно освобождалось от страха.

Мысли Антона не изменились, просто чувства стали тупее, словно разум баюкала страшная колыбельная безысходности.

О том, что это действительно так, Полынин еще не догадывался.

В узкой длинной бетонной коробке без окон, с одной дверью, закрытой снаружи на ржавый засов, находилось еще одно существо.

Именно существо, потому что инсект не мог быть причислен к разряду гуманоидов.

Он сидел на куче тряпья в противоположном конце погруженного во мрак пенального помещения и тихо раскачивался из стороны в сторону. Тьма не позволяла ему разглядеть распластавшегося на полу человека, язык инсектов не имел ничего общего с речью людей, но разумному насекомому не было нужды в свете и звуке — этот биологический вид обладал одной уникальной способностью: инсекты являлись врожденными телепатами.

Полынин также не видел, что творится вокруг. Его разум и тело обессилели. Ощущение реальности, вернувшееся к нему на короткое время, вновь ускользало, и он был рад этому. Полузабытье дарило

облегчение, отстраненность, но до полной потери сознания не доходило — что-то постоянно удерживало разум на зыбкой грани реальности, не позволяя ему погрузиться в пучину беспамятства.

Антон так и не понял, в какой миг это *нечто* обнаружило себя — просто среди его больных мыслей возникла еще одна:

«Здравствуй, человек…»

Это был голос, родившийся в голове, и поначалу Антон воспринял его как часть собственного бреда, потом, секунду или две спустя, запоздало оценил эту реплику и…

Тишина.

Звонкая тишина наступила вокруг: исчез звук назойливой капели, исчезло все, что могло помешать его сознанию сосредоточиться.

Исчезла боль, а вместе с ней ушел страх.

«Это душа отделилась от тела, или как?..»

Среди гробовой ненатуральной тишины вдруг раздался громыхающий перестук, похожий на давно позабытое впечатление детства: маленький мальчик, по имени Антон, идет по асфальтированной дорожке парка и тянет за собой огромный пластмассовый самосвал, колеса которого издают характерный, ни с чем не сравнимый звук.

Затем он услышал скрип отодвигаемого засова, визг петель, и на пол камеры упала косая полоса неяркого желтоватого света.

Еда…

По бетонному полу проскрежетала тарелка.

Принесший ее был человеком, но отчего-то очень низким, похожим на карлика.

Мир по-прежнему окутывало облако нереальности, будто кто-то посторонний удерживал в стороне все лишние проявления сущего — оставался только обессилевший Антон, чашка на шероховатом бетонном полу, косой луч света, а в нем человек, который принес еду: *калека, у которого отсутствовали нижние части обеих ног по самые колени!..* Он передвигался на доске, к которой были приделаны четыре колесика, изготовленных из обыкновенных подшипников, вынутых из какого-то механизма, — это они издавали тот самый скрежещущий звук, породивший воспоминание далекого детства… Его лицо, обросшее бородой, в которой клочьями пробивалась седина, в первый миг показалось Полынину незнакомым, но, приглядевшись, он понял — это Паша… Изможденный, отрастивший бороду, худой, как скелет, Паша Морок!..

Рот Антона раскрылся в немом крике, но та же сила, что удерживала реальность в полуматериальном состоянии, не позволила ему закричать, и

вместо того, чтобы растратить остатки сил на бесполезный рывок и крик, Полынин остался лежать на холодном полу, слушая вновь возникший в его голове голос:

«Это не тут… Ты узнал его, но это не тут… На соседнем астероиде…»

Антон с усилием открыл глаза. Действительно, в камере было темно, металлическую дверь никто не открывал…

Не было ни луча света, ни чашки с едой, ни состарившегося, изможденного Паши Морока.

Была тьма и назойливая капель.

И еще — слабое шевеление в дальнем углу пеналообразного узилища.

— Кто ты?.. — Едва шевеля разбитыми губами, просипел Антон.

Ответ пришел в форме мысли:

— Хорн… По-вашему, инсект…

Инсект…

Некоторое время Антон переваривал эту мысль, потом собрался с силами и снова спросил тихим, свистящим шепотом:

— Что ты сделал со мной? Это ты показал мне Пашу?

— Да, — спокойно отозвался мысленный голос. — Я увидел, что ты ищешь его в своих мыслях, и узнал возникающий в твоей голове образ. Недавно человека по имени Павел содержали тут, потом перевели в другое место.

— Ты что, читаешь мои мысли?

— Не все. Только самые яркие, те, которые ты не контролируешь.

Антон на секунду затих, собираясь со своими, уже *контролируемыми* мыслями.

О том, что инсекты являются врожденными телепатами, было известно давно, и если в темноте действительно скрывается представитель расы насекомых, то в их мнемоническом контакте нет ничего сверхъестественного.

— Ты тоже пленник? — не разжимая губ, мысленно спросил Антон.

Эксперимент удался, потому что инсект услышал его и ответил:

— Да. Они используют меня как переводчика при допросах. Я для них универсальное средство общения плюс живой детектор лжи… Ты понимаешь этот термин?

Полынин кивнул, хотя в темноте инсект не мог видеть его жеста.

— Мы находимся в пределах туманности? — сформулировал он свой следующий мысленный вопрос, постепенно осваиваясь с таким способом общения. — Что тут делают ганианцы? Ты знаешь что-нибудь об их целях?

— Я много знаю об этом месте и его истории… — мысленно

усмехнулся инсект, проявляя при этом признак эмоционального восприятия ситуации. В его усмешке Антон отчетливо различил горечь. — Участвуя в допросах, я был вынужден много узнать… Мне было неприятно…

Антон слушал его, стараясь не шевелиться, чтобы не будить лишний раз боль в одеревеневшем от холода теле. В коридоре возник неторопливый звук шагов. Охранник прошел мимо их камеры, не остановившись, и шаги постепенно стали удаляться.

— Хорн, если я слышу тебя, значит, и они могут слышать нас?

— Когда ты кричишь или разговариваешь на своем языке, да, — мысленно ответил инсект. — Но пока мы беседуем вдвоем, в мнемоническом диапазоне, я являюсь стимулятором твоих способностей. Люди, за очень редким исключением, не телепаты. Им обычно нужен кто-то, работающий в этом смысле за двоих. Ты слышишь меня, а я тебя только благодаря моей врожденной ауре, которая воздействует на определенные группы нервных клеток твоего мозга, стимулируя их способность излучать и принимать мнемонические позывы.

— Один инсект — один собеседник? — сделал вывод Полынин.

— Ты угадал, человек.

— А ты давно сидишь тут?

— Много лет. Меня захватили на Хаборе. — Инсект выдержал небольшую паузу и добавил: — Этот род людей, которых называют ганианцами, недостоин статуса разумных существ.

— Тут я с тобой согласен. Я тоже был на Хаборе, — признался Полынин. — Воевал против них.

— Павел ждал тебя.

Антона словно ударило током.

— Паша?.. — он вдруг подавился и словами и мыслями… — не о чем стало говорить и думать, как только в голове вновь возник образ инвалида, передвигающегося на деревяшке с колесиками…

— Не вини себя… — раздался мысленный голос Хорна. Слабое утешение, но и на том спасибо. Полынин испытывал внутреннюю боль, и ему не нравилось, что насекомое ощущает всплески его чувств, прекрасно распознавая их. Это помогло собраться, волевым усилием отрешившись от части эмоций.

— Откуда ты знаешь, что он меня ждал? — мысленно спросил Антон.

— Он часто думал о тебе, — ответил Хорн. — Нас вместе везли с Хабора. Потом мы встречались тут.

— Почему его перевели в другое место?

— Не знаю. Ганианцы часто переводят рабов с место на место,

опасаясь сговора.

— Ты можешь рассказать, где мы находимся?

— На детали у нас нет времени, человек. — Ответ Хорна показался Антону странным и неожиданным, но следующая мысленная фраза инсекты кое-что прояснила: — Скоро за тобой придут, чтобы увести на допрос, и я буду вынужден докладывать им все твои мысли, — он подчеркнул интонацией слово «все». — Обычно на допросах присутствуют две особи моей расы. Я не смогу утаить известную тебе информацию, даже если ты сам станешь молчать.

— Значит, у меня нет никакого выхода?

— Выход есть всегда, человек, — подумав, ответил ему инсект. Казалось, что он сомневался, стоит ли доверять Антону, но, в конце концов, его колебания завершились следующей мысленной фразой: — Сейчас у тебя есть еще, как минимум, десять минут, чтобы привести в порядок свое тело. Потом времени уже не будет.

— Дьявол, говори конкретно. — Несмотря на недоуменную злость, Полынин вновь принялся корчиться на полу, теперь уже не обращая внимания на боль, пытаясь этими усилиями хоть немного размять онемевшие руки и ноги…

— Мне удалось похитить автомат, — наконец сознался инсект, преодолев внутренний барьер сомнений относительно Полынина. — Я спрятал его, — продолжал мысленный голос. — Этот астероид является портом, тут полно разных человеческих кораблей, но я умею управлять только логрианскими системами, а их содержат в другом порту. Я не могу бежать в одиночку. Если ты не поможешь мне, мы оба погибнем, потому что я больше не могу переводить на допросах. Они пытают свои жертвы, а все мучения ощущаются мной так же остро, как самими пленниками… Я устал, — через некоторое время добавил Хорн. — У вас это называется адом. Попасть в ад — есть такая поговорка у людей, да?

— Да… — машинально ответил Антон, думая о другом.

Из всего мысленного монолога инсекта его удивило упоминание о логрианских системах управления. Значит, космические корабли двухголовых тоже присутствуют тут? Что ж тогда за содом царит в этой туманности? Удивление, которое он испытал, само по себе было хорошим признаком. Медленно, но верно оживал разум, из него уползало чувство безысходности, а значит, действительно еще не все потеряно…

Додумать эту мысль ему не дал звук шагов, послышавшийся из-за дверей.

На этот раз реально скрипнул ржавый засов, и косая полоса света

действительно упала на шероховатый пол камеры. В открывшемся дверном проеме стояли двое ганианцев.

— Поднимайся! — приказал один из них Антону, второй прошел в дальний угол камеры и пинком поднял инсекта с кучи тряпья.

— Вперед оба, налево по коридору.

Идти пришлось довольно долго, и это сыграло на руку Полынину. Лишь мельком взглянув на инсекта, чей облик вызывал невольную дрожь, он сосредоточился на ходьбе, стараясь разогнать кровь по застывшим жилам, но в особых усилиях, как выяснилось, не было нужды — хватило одного взгляда на конвоиров-ганианцев, чтобы блаженный адреналин хлынул в кровь необузданной волной горячей ненависти.

«Через сорок твоих шагов, человек… Дверь с правой стороны не заперта… Автомат спрятан за ящиками в правом углу помещения… Патрон уже в стволе, затвор трогать не надо…»

Коридор был длинным, тускло освещенным и прямым.

Тридцать… Тридцать пять…

Сорок…

Дверь, ржавая, чуть приоткрытая, словно приглашающая войти…

Качнувшись влево, Антон ударил плечом ганианца, тот, не ожидая удара, споткнулся и полетел на пол, а Полынин уже ушел вбок, плечом распахивая дверь и не перекатом, а кубарем — в угол за ящики…

Вот он, родной, лежит на полу, в щели между двумя штабелями.

Только бы не задеть этого Хорна…

* * *

Адреналин…

Ритмичный, глухой и очень медленный ток крови в ушах… каждый удар пульса — как молот, движение секунд — словно вечность…

Бум… Бум… Бум…

Это действительно — вечность… Нирвана для бойца….. это нельзя описать… можно только *прожить* глухую бесконечность секунд, когда ты видишь и понимаешь все, когда выпиваешь каждую каплю переполненной адреналином мести…

Падая, совершая второй, уже осмысленный перекат, Антон успел в неверном свете тусклых ламп разглядеть автомат, его потертый складной приклад, знакомый, но опять показавшийся нелепым отросток древнего механического затвора. Он впитал всем существом вес оружия, пальцы ощутили немой холод стали и тугой, напряженный ход курка: сначала пустой выбор люфта, а затем…

«Бум… Бум… Бум…» — сердце рвалось из груди…

Люфт кончился.

Автомат в руках ожил: судорога отдачи, лающий плевок, всплеск огня в черных прорезях ствольного компенсатора, обратный ход затвора, четко уловимый лязг между двумя вспышками выстрелов и…

Очередь…

Грохот выстрелов в замкнутом помещении, рвущие сумрак вспышки, звон рассыпающихся по полу гильз… и время опять бешено сорвалось в прежнем ритме. Удар плечом о ящики, кислый запах пороха, воющий, звериный крик смертельно раненного конвоира, который сунулся в проем дверей, брызги крови на стене, и снова очередь, очередь, очередь…

Антон уже не мог остановиться. Он больше не был человеком. Он знал, что рано или поздно настанет этот момент, когда ему придется нырнуть в черную бездну рожденной на далеком Хаборе ненависти, и разум уже никогда не возвратится оттуда, не выкарабкается из плена кровавых брызг, из комы, в которую впал, десять лет назад.

«Выберусь…» — подумал он, поймав мгновенное воспоминание о Лане…

Звон в ушах, вкус крови во рту — неизбежный спутник напряжения всех мыслимых сил, толчок, рывок на колено, секущий по узкому проходу свинец, и снова крик — визжащий, издыхающий…

— Хорн, ты жив? — хрипло спросил Антон.

На полу коридора зашевелилась бесформенная груда тряпья, из-под которой показалась хитиновая лицевая пластина инсекта. Два выпуклых фасетчатых глаза, широко разнесенные по бокам, между ними вдавленные елочкой косые дыхательные отверстия, через которые с присвистом проходил воздух, нервно перемалывающие пустоту хитиновые жвала — жуткая маска, рожденная чуждой человеку эволюцией.

— Береги патроны, — инсект выпрямился, сгреб с пола свое драгоценное тряпье и указал взмахом конечности: «Нам прямо, потом налево».

Мысль о патронах была здравой. Антон помнил, как быстро кончается боезапас у этого вида старинного стрелкового оружия.

С поворотом налево коридор внезапно окончился, вливаясь в просторный зал с множеством входов и выходов. Здесь царила странная, непривычная глазу архитектура: свод пещеры подпирали колонны из грубо обработанного камня, лестницы, ведущие вверх ко множеству округлых дыр в стенах, похожих на ласточкины гнездовья, также являлись каменными, высеченными из монолита пещерных стен. Пространство

вокруг было огромным, гулким, меж каменными столбами висели примитивные электрические светильники с металлическими отражателями; из-за постоянного сквозняка тонкие провода раскачивало из стороны в сторону, отчего множественные тени колонн то удлинялись, то укорачивались…

В первый момент взгляд Антона потерял ориентацию в этом хаосе света и тени, но выручил Хорн — толчок в нужном направлении заставил Полынина шевелить ногами, и он по инерции выскочил в широкий центральный проход меж каменной колоннадой.

Сзади раздался душераздирающий скрежет — это что-то заорал на своем языке Хорн, позабыв про мнемоническую связь. Антон боковым зрением заметил, как раскроила воздух хитиновая конечность инсекта, снабженная зазубринами, и под ноги Полынину с внезапным лязгом отлетел автомат, который все еще сжимала отрубленная кисть руки ганианца.

Он схватил кровоточащий обрубок, свободной рукой выламывая оружие из скрюченных пальцев и одновременно смещаясь вбок, за одну из колонн, пытаясь разобраться, сколько человек присутствует в этом огромном помещении и откуда ждать наибольших неприятностей…

На последний вопрос ответили две автоматные очереди, ударившие слева, со стороны вытянутых в цепочку, особо крупных зевов пяти тоннелей.

— Там стартовые шахты!..

Инсект, оказывается, умел не только разговаривать, но и визжать в мысленном диапазоне.

— Погоди, приятель…

Антон резко обернулся, потому что сзади, у частой россыпи входов и выходов, ему почудилось движение.

Так и есть. С момента, когда они ворвались в этот зал, прошло от силы тридцать секунд, и никто толком не успел отреагировать на появление вооруженного человека и инсекта, кроме ганианца, с которым они столкнулись буквально нос к носу. Сейчас он корчился на полу в луже собственной крови, хлеставшей из обрубка руки, а в самом начале широкого прохода, зажатого частой колоннадой, в немом оцепенении стояли еще четверо представителей планеты Ганио: двое справа, двое слева, а между ними застыла гротескная группа из троих связанных одной веревкой пленников. Вскидывая левой рукой трофейный автомат, Антон успел разглядеть, что конвоируемые — это два человека, а между ними привязанный за обе шеи логрианин — чудище почище инсекта,

натуральный дракон с двумя плоскими змеиными головами, даром, что всего метр ростом…

Полынин одинаково хорошо стрелял с обеих рук, но автомат — это не импульсная «гюрза», он тяжелый, его бьет отдачей, пули разносит веером, и Полынин, дав короткую очередь в сторону оцепеневших конвоиров, резко обернулся к Хорну.

— Стрелять умеешь?

Тот затряс своей страшной башкой, издавая при этом отчетливое клацание хитиновыми пластинами, прикрывающими плечи внахлест, словно латы древнего рыцаря.

— На… — Антон отдал ему наполовину разряженный автомат, с которым начинал бой. — Стреляй в тех, кто охраняет стартовые шахты!

Инсект схватил оружие и припал плечом к столбу, изготавливаясь к стрельбе.

Антон понимал: еще секунд двадцать, и по всему комплексу начнется паника, сюда сбежится столько народа, что выбраться уже будет невозможно, но не мог же он бросить троих пленников, связанных одной веревкой!..

Теперь, когда его не сковывал второй автомат, Полынин перекатом преодолел открытое пространство центрального прохода, с колена дал прицельную очередь, свалив ближайшего ганианца, снова перекатился, услышав, как за спиной заговорил автомат Хорна. Инсект стрелял короткими очередями, явно экономя патроны, контролируя свои действия, и Антон успел мысленно удивиться грамотности его обращения с оружием, даже не вспомнив в эту секунду о том, что именно инсекты вели на Деметре затяжную войну с людьми, используя в ней трофейное, человеческое оружие.

Думать об этом было некогда.

Пленники оказались сообразительными — оба человека при первых же выстрелах повалились на пол, увлекая вслед за собой логрианина, и теперь трое растерявшихся ганианцев представляли собой великолепную мишень. Антон срезал их одной длинной очередью — он стрелял практически в упор, всего с десяти метров, и промахнуться в такой ситуации было невозможно.

Крики, вопли, грохот выстрелов, эхом отдающийся меж каменных стен, сюрреалистический танец теней от раскачиваемых сквозняком светильников — все это сливалось в ежесекундно меняющуюся картину, время казалось вечным, застывшим раз и навсегда, будто в жизни уже никогда не будет ничего, кроме этого полутемного, наполненного тенями и

криками зала…

«Будет…»

Антон подскочил к пленникам, сорвал с пояса корчившегося на полу ганианца нож и несколькими ударами рассек путы.

— Хватайте оружие и за мной, к шлюзам! — выкрикнул он на интеранглийском, для большей убедительности сопроводив свои слова жестом, указывающим направление. — Патроны экономить!

Он не удивился, что его поняли — интеранглийский был и оставался языком межпланетного общения, а если эти люди — потомки членов экипажей затерявшихся в гиперсфере колониальных транспортов, то тогда им сам бог велел понимать язык, на котором в ту пору изъяснялась вся Земля. Удивительным было другое: двухголовый логрианин, который никак не мог знать интеранглийского, резво припустил за ними, царапая каменный пол острыми, ороговевшими концами своих щупалец. Обрывки перерезанных веревок болтались на его шеях, он что-то шипел, прищелкивая при этом, но Антону было не до ксеноморфа. Фрайг с ним, пусть бежит, раз навязался, не пропадать же ему тут…

Пока он освобождал пленников, Хорн успел свалить одного из двух охранявших шлюзы ганианцев. Второй охранник, увидев приближающуюся разномастную группу, что-то заорал на родном языке и юркнул в боковой проход, очевидно, не желая рисковать своей шкурой.

Антон на бегу повернул голову, вопросительно посмотрев на Хорна, но вместо инсекта путь указал один из двоих освобожденных людей.

— Туда. — Высокий, седовласый, крепко сложенный старик в одной руке держал автомат, а другой указывал на крайний левый тоннель.

— Ты уверен? — задыхаясь, на бегу спросил Антон.

— Там мой корабль!

Полынин без разговоров повернул к левому тоннелю, тем более что сзади загрохотали выстрелы, и пули, посланные наугад, взвизгнули в рикошете, заблудившись меж каменных столбов.

Глава 12

Пояс астероидов в системе голубой звезды. На границе чистого космоса и газопылевых облаков.

Система шлюзов была проста и незамысловата. Округлую дыру в теле астероида по периметру покрывал метровый слой пенорезины, в которую входил нос корабля, чей диаметр точно соответствовал отверстию в скале. Вакуум створа (если этим современным термином можно было окрестить ржавые ворота, запиравшие дыру в момент шлюзования, пока нос корабля не вошел в контакт с уплотнителем) был в данный момент раздвинут.

Носовая часть космического корабля, которую обрамлял уплотнитель, откровенно поразила Антона тем, что ее украшала вычурная человеческая фигура.

Все это выглядело как-то… нелепо.

— Сюда! — Седовласый старик нырнул под носовой барельеф. Там оказался сегментированный люк, снабженный сенсорной пластиной автоматики доступа.

Приложив ладонь к сканирующему устройству, старик обернулся.

— Только бы они не успели убить энтрифагов, — с тревогой и дрожью в голосе произнес он.

Сканер несколько раз щелкнул каким-то внутренним устройством, слишком медленно, по мнению Антона, распознавая хозяина, и люк, наконец, начал открываться, раскалываясь на шесть остроугольных сегментов.

— Давайте быстрее за мной, мы успеем отплыть от астероида, прежде чем они поймут, что мы бежали!

Никто не протестовал. Три человека, логрианин и инсект друг за другом протиснулись в люк, и он начал послушно закрываться за спиной последнего.

* * *

Внутри корабль производил не менее странное впечатление, чем снаружи. Судя по тесноте отсеков и коридоров, он был совсем небольшим, да и носовая часть, которая имела всего три метра в диаметре, наводила на ту же самую мысль, но, когда они поднялись по вертикальной лестнице, помогая вскарабкаться по ней неприспособленному к таким гимнастическим упражнениям логрианину, Полынин попросту остолбенел.

Рубка корабля (а полусферическое помещение, куда они попали, просто не могло являться ничем иным) оказалась полностью прозрачной, словно материал, из которого она была изготовлена, являлся особым сортом полимерного стекла, способного выдерживать вакуум, космический холод и удары микрометеорных частиц.

Более всего это походило на кабину поврежденного космического истребителя, когда все изувеченные бронеплиты уже сброшены и пилота отделяет от космоса лишь материал прозрачного блистера.

Однако рассуждать было некогда. Седовласый старик рухнул в кресло за пультом управления, двуглавый логрианин тут же угнездился рядом, воткнув свои ноги-щупальца в специальные отверстия в полу.

«Они, оказывается, из одной команды!..» — мысленно поразился Антон.

— Хвала богам, энтрифаги целы! — Старик обернулся к своему товарищу: — Генри, покажи нашим друзьям их места. Мы должны успеть войти в ближайшее газопылевое облако, прежде чем нас успеют подбить!

— Пошли за мной! — Третий член экипажа, который выглядел лет на сорок и тоже носил бороду, только темную и аккуратно подстриженную, увлек Антона и Хорна в коридор, уводящий к хвостовой части корабля.

Там находилась тамбурная развязка. Один люк вел вниз, два вверх и еще четыре были расположены в стенах, закрывая проходы в какие-то помещения единственной палубы корабля.

— У нас три блистерных купола, — ничего толком не поясняя, сообщил Генри. — Я займу нижний, он самый опасный, а вы полезайте в верхние!

Антону и Хорну ничего не оставалось, как подчиниться. Ситуация не располагала к пространным диалогам.

…

Протиснувшись в люк, Полынин оказался в прозрачной полусфере, выступающей за пределы обшивки корабля.

На полу этого своеобразного пузыря в специальных дугах было закреплено кресло, перед которым располагалась угрожающего вида турель, собранная из двух полуавтоматических орудий. Их стволы выходили наружу сквозь специальный уплотнитель; вся конструкция вместе с полом отсека могла вращаться по кругу, стволы, судя по заполненной уплотнителем прорези, имели еще и вертикальную свободу движения, — все выглядело необычно, но функционально. Единственное, что сразу не понравилось Антону — это тонкий прозрачный материал стрелкового купола. Он выглядел слишком уж непрочным, чтобы

чувствовать себя под ним в безопасности, особенно без скафандра…

Сев в кресло, он пристегнулся и огляделся вокруг.

Его позиция располагалась выше рубки управления, и Антону было прекрасно видно, что нос корабля уже вышел из шлюзового уплотнения в теле астероида — там вихрилась муть улетучивающейся в космос атмосферы, сбоку, со стороны открытого космоса, к ним приближались обозначенные тремя яркими точками какие-то малые корабли, возможно, космические истребители, патрулировавшие систему, но в первый момент все внимание Полынина сконцентрировалось не на них — корабль, на борту которого они пытались осуществить побег, оказался маленькой копией исполина, пришвартованного к стене пещеры на далеком отсюда астероиде!..

В первый момент этого откровения Антон с трудом поверил своим глазам… но сходство было слишком очевидным, чтобы не признать его. По бортам корабля располагались точно такие каркасы, над предназначением которых пыталась размышлять РИГМА, но только в данном случае конструкция была полной!

«Энтрифаги!» — Антон мгновенно вспомнил слово, сорвавшееся с уст старика в рубке управления. Оно еще тогда показалось ему знакомым на слух, но прочно позабытым… потому что мало кому из смертных доводилось воочию созерцать этих древних, почти мифических существ.

«Сколько же еще потрясений таит в себе эта загадочная туманность?» — подумал он, забыв на миг про грозящую им смертельную опасность.

Внутреннее пространство ажурных каркасов, расположенных по бортам корабля, заполняло нечто, чуть более черное, чем мрак, усыпанное к тому же мельчайшими блестками искр, которые пробегали по поверхности черноты, словно волны статического электричества…

Это действительно были энтрифаги — одна из древнейших пространственных форм жизни — полотнища мрака, строящие свои тела из особого химического соединения молекул углерода: гибкие, как настоящая ткань, прочные, как сталь, тонкие, как китайский шелк древней Земли… Они жили подле звезд, питаясь их лучистой энергией, и были современниками образования Рукава Пустоты…

«Как эти люди смогли приручить их?!..» Мысли Антона прервал вой множества ревунов, одновременно зазвучавших в разных отсеках корабля.

Он оглянулся.

Со стороны открытого космического пространства к астероиду приближались три космических истребителя, внешние контуры которых,

подсвеченные выхлопами реактивных струй, живо напоминали фильмы о Первой Галактической войне.

Еще немного, и их пилоты увидят отшвартовавшийся корабль…

Дьявол… Пораженный видом энтрифагов Антон на какое-то время забыл, зачем залез в прозрачный купол. Истребители приближались, а он толком даже не разобрался, как эти орудия управляются!..

Поставив ноги на педали, он осторожно надавил одну из них, и блистерный купол послушно начал поворачиваться вправо вокруг оси.

Понятно…

Гашетки орудий отдавали немым холодом металла. Старо, но надежно. Четыре пальца охватывают спусковую скобу, под большим — кнопка контактного типа…

Ага, та, что над левой гашеткой, опускает стволы, а правая поднимает…

Он быстро осмотрел панель управления. Наклонный квадрат пластика, сиротливый электронный счетчик с пятизначной цифрой, рядом рдеет какой-то индикатор, подле него обыкновенный рычаг… Дернуть?

Рычаг лязгнул, автоматически отпружинив в исходное положение. Все, что ли? Алый индикатор погас, зажегся зеленый…

Сейчас проверим…

Антон огляделся.

Их корабль уже полностью отстыковался от астероида и теперь разворачивался в пространстве, ориентируя свой нос в сторону ближайшего выброса газопылевых облаков, до которого, по мысленной оценке Антона, было тысячи четыре километров, не меньше…

По черной как смоль поверхности энтрифагов струились пологие волны искр, и, взглянув на смещение близкой астероидной массы, он с облегчением понял, что корабль действительно набирает скорость, уже двигаясь в избранном направлении.

В следующий миг Антон ощутил, как ритмично задрожал пол под ногами. Снизу, из-под днища корабля потянулась зримая цепочка стремительно удаляющихся росчерков — это заработал нижний блистер, выплевывая снаряды в ближайший, состыкованный с астероидом космический корабль, которым оказался стандартный гражданский транспорт класса «Элизабет-Сигма». Антон на миг отчаянно пожалел, что поддался уверенности старика, — на «Сигме» имелся родной сердцу гиперпривод… «Хотя не факт, что заряженный…» — мысленно одернул он себя, наблюдая, как снаряды выбивают внушительные куски обшивки транспорта, которые разлетаются в пространстве темными осколками…

Дальше грянул беззвучный взрыв декомпрессии. В борту транспорта сразу же образовалась огромная дыра, через которую в космос выметнуло облако кристаллизующегося газа и массу грузовых контейнеров.

«Ну, теперь отсюда вряд ли кто стартует в погоню…» — мысленно похвалил Антон сообразительность бородатого стрелка и, посмотрев по сторонам, понял, что пора самому браться за дело — звено космических истребителей уже приблизилось на угрожающую дистанцию: сломав построение, они нацеливались на огневые точки пытающегося скрыться корабля.

* * *

Вопреки предчувствию, орудия оказались шумными и неточными. Глядя, как разлетаются куски брони «Элизабет-Сигмы», Антон не учел, что стрелок в нижнем блистере — человек опытный.

Прицел орудия походил на фрагмент паутины с непонятными засечками, вероятно означающими углы упреждения при стрельбе по движущимся целям. Знать бы еще их значения и скорость атакующих истребителей…

В некоторые моменты воевать без элементарных электронных систем становилось попросту тоскливо.

Резко повернув блистер вправо, Антон нажал кнопку, и стволы с ноющим звуком пришли в движение. Слишком медленно… слишком неуклюже…

Яркая точка росла на глазах, и он не выдержал — нажал гашетку.

Блистер наполнился лязгом и грохотом — орудия работали на низкой скорострельности, с отчетливыми интервалами, сбрасывая горячие гильзы в конический бункер.

Теперь ему стало понятно, почему снаряды имели трассирующий маркер: очередь благодаря им была *зримой* — он видел, куда ушли использованные впустую боеприпасы, и попытался скорректировать огонь, но поздно, — истребитель, плюясь беззвучными выхлопами вакуумных орудий, уже пронесся над самым кораблем…

Антон нажал на педаль, купол на секунду превратился в карусель — хорошо, что в последний миг он догадался сделать реверс противоположным приводом, иначе полный оборот вокруг оси с нулевым результатом был бы обеспечен…

В момент резкой остановки голова его дернулась вбок, но истребитель, только что пронесшийся над кораблем, оказался в прицеле, его корма сияла точно в перекрестье, словно огненный цветок.

Антон сжал обе гашетки. Казалось, в этот миг душа Полынина летит вслед за снарядами: все его существо слилось с адским грохотом ритмично работающих механизмов, глухим перестуком улетающих в бункер гильз… Это длилось не более двадцати секунд, а затем его оглушила внезапно наступившая тишина.

На куцей панели вновь горел злобный красный сигнал, но огненный факел реактивных двигателей истребителя погас — вместо него, заполняя всю паутину прицела, в космосе разлетались раскаленные, потерявшие форму осколки!

Попал!..

Его рука машинально рванула рычаг перезарядки, а взгляд уже метнулся по сторонам в поиске других целей, но вместо двух космических истребителей, которые, вероятно, ушли под днище, в мертвую для него зону, Антон увидел результат их атаки: прозрачная рубка управления, расположенная чуть ниже его купола, была окутана вихрящимися выхлопами декомпрессии…

Дьявол…

Тут не было ни интеркома, ни какого-то иного вида внутренней связи, и в эти секунды Антон испытал отчаяние — рубка корабля была прошита очередями вакуумных орудий, а он лишен какой-либо возможности узнать, жив ли управлявший кораблем старик и его помощник — логрианин? Антон не заметил, чтобы они надевали скафандры, а без них обоим крышка…

Внизу, под днищем корабля, вновь ритмично заработали орудия.

Язык газопылевой туманности, к которому стремился уйти корабль, приближался, но слишком медленно…

* * *

Они все же дотянули до него.

Когда космос вокруг помутнел, подернувшись вуалью газопылевого облака, Антон сидел совершенно обессиленный. Горячие гильзы давно переполнили бункер и теперь катались по полу, в такт легкому покачиванию палубы корабля.

Он понятия не имел, за счет каких агрегатов на борту обеспечивается искусственная сила тяжести, но был рад тому, что ко всем неприятностям не добавилась еще и невесомость.

Когда пелена вокруг прозрачного купола стала такой густой, что скрыла ближайшие выступы надстроек, он понял, что пора покинуть боевой пост. Теперь следовало выяснить, что со стариком и логрианином.

* * *

Спустившись по вертикальной лестнице, он увидел Генри, который выбирался в тамбур из нижнего блистера.

Тот был бледен и угрюм. Не проронив ни звука, он отпер магнитным ключом один из люков и скрылся за ним.

Антон увидел лапы Хорна, которые скребли по верхней ступени лестницы, ведущей вниз из второго блистера.

«Итак, они трое живы, корабль, двигаясь прежним курсом, углубляется в выброс газопылевой туманности… что дальше?»

Генри вернулся спустя несколько минут, бережно сжимая в руках плотно свернутый легкий скафандр.

— Помоги, — коротко и односложно попросил он Антона.

— Может, пойдем вдвоем? — спросил Антон, расстегивая магнитные липучки неимоверно древней экипировки.

— У нас только один скафандр, — ответил Генри. Похоже, слова из него нужно было вытаскивать клещами.

— Ладно. — Антон помог ему облачиться в гермоэкипировку.

Как только выпуклое забрало шлема оказалось закрытым, Генри сделал недвусмысленный жест: оставайтесь тут, а сам скрылся за люком, ведущим в короткий коридор.

Антон увидел, как со стороны тамбура сам по себе начал вращаться штурвал ручного привода — это Генри вращал в коридоре аналогичное устройство, запирая коридор аварийной переборкой.

Значит, и он не питал никаких иллюзий относительно положения дел в рубке управления.

Хорн к этому времени уже спустился и сел на пол.

— Они оба мертвы, — прозвучал через какое время его мысленный голос.

— Старик и логрианин?

— Да. Я не слышу их мыслей. Человек, которого зовут Генри, — сын старика. Он мыслит сейчас очень громко. Ему плохо.

* * *

Генри вернулся в тамбур только через два часа.

— Я восстановил герметизацию рубки, — скупо сообщил он, открывая забрало гермошлема.

— Они мертвы? — спросил Антон.

— Да. Я отдал их тела космосу, как это велит традиция.

Глупо было задавать какие-то лишние вопросы. Антон просто положил руку ему на плечо и сказал:

— Я разделяю твое горе, Генри.

Тот молча кивнул. Глаза немолодого мужчины были красными — видно, он долго сдерживал слезы, опуская в космос тела двух близких ему существ.

«Положение хуже, чем тебе кажется, Антон, — пришел мысленный голос Хорна. — Он не умеет управлять кораблем, но боится признаться в этом».

«Слушай, заткнись! — ответил ему Полынин. — Дай человеку прийти в себя. Или, по крайней мере, мысли вслух, не только для меня одного».

Хорн что-то проскрежетал своими жвалами. Генри оглянулся, посмотрел на него, потом на Антона и сказал:

— Думаю, нам нужно поговорить. Идите сюда, — он достал магнитный ключ, отпер еще одну дверь, за которой открылось помещение с несколькими откидными койками вдоль стен и круглым столом посередине, подле которого было прикручено к полу два стула и еще одна конструкция, очевидно, отвечавшая строению тела логриан. — Я сейчас сниму скафандр и приду.

* * *

Генри был немногословен, но честен. Усевшись на откидную койку, он сказал:

— Система управления в рубке повреждена, а я никогда не общался с энтрифагами напрямую — это делал Лорг.

Антон, после мысленного предупреждения Хорна, оценил его прямоту и честность.

— Генри, насколько управляемы эти энтрифаги и какой принцип лежит в основе движения корабля? — спросил он. — Ты должен понять — я человек из другого мира, мои знания достаточно обширны, но все они касаются несколько иных систем космических кораблей.

— Я понимаю. — Генри сидел, свесив голову и сцепив руки в замок с такой силой, что побелели костяшки пальцев. — Дело в том, что этот корабль самодельный, его собрал мой отец вместе с Лоргом, по старым чертежам, сохранившимся со времен, когда в космосе правили огромные корабли «Элкома»… Я не летал с отцом регулярно, он стал брать меня с собой только в последнее время, когда ганианцы вторглись в наше пространство.

— То есть ты вообще не принимал участия в процессе управления?

— Да. Я всю жизнь прожил на родном астероиде, работал в наших оранжереях, а отец с Лоргом торговали с соседними малыми планетами, развозя выращенный мной товар.

— Для агрария ты неплохо стреляешь… — не удержавшись, заметил Антон.

— Этому я научился быстро, — хмуро ответил Генри.

— Ладно. Тогда давай начнем по порядку. Ты считаешь, что сейчас мы в безопасности?

— Корабль летит сквозь облако, — пожал плечами Генри. — Энтрифаги держат скорость и направление, но их значения я не знаю. Возможно, мы будем лететь так сутки, а быть может — вечность. Все зависит от протяженности облака и настроения энтрифагов. Думаю, они сейчас переживают разрыв своей связи с Лоргом и могут внезапно остановиться или, наоборот, будут выдерживать заданный курс, пока с ними не вступит в контакт кто-то другой.

«Черт, надо было угонять „Элизабет-Сигму“…» — снова подумал Антон.

— Что ж, пойдем в рубку, Генри. Если ты не возражаешь, я посмотрю на системы управления.

— Пошли. — Генри встал, покосившись на инсекта, но Хорн не собирался оставаться в стороне от дел.

* * *

Дыры в прозрачном куполе рубки управления были заделаны пенящимся герметизирующим составом.

Антон остановился перед куцым пультом управления с непонятными символами, нанесенными под архаичными переключателями.

У него сразу же создалось впечатление, что подавляющая часть тумблеров не имеет никакого отношения к навигации. Скорее всего, команды энтрифагам подавались как-то иначе…

«Хорн, ты ощущаешь их»?

«Да. Но они мне непонятны».

«Ты можешь стать посредником между мной и энтрифагами»?

«Я не понимаю тебя».

«Загляни сюда, — Антон указал на гнезда, в которые вставлял свои щупальца логрианин. — Видишь, они усеяны мельчайшими иголочками»?

«Да».

«У нас это называется нейросенсорным контактом. Прямое соединение мозга, посредством шунта, с электронной машиной.

Энтрифаги — не электронная машина, но стоит попробовать».

«Ты предлагаешь мне роль кабеля»?

«Мне все равно, как ты это назовешь. Просто ответь — можешь соединить мой разум с тем, что ты ощущаешь, как мнемоническое поле энтрифагов».

«Могу».

Антон сел в кресло, которое до этого занимал отец Генри, и закрыл глаза.

«Хорн, насколько глубоко ты можешь проникать в мои мысли?»

«Все, о чем ты подумаешь, я услышу»

«А картинки? Образы?»

«Могу».

«Тогда, если тебе удастся соединить меня с их „нервной системой“, передавай все, начиная от слов и заканчивая образами».

«Что ты задумал»?

«Долго объяснять. Не время. Начали».

* * *

Рукав Пустоты научил Антона действовать быстро, решительно и нестандартно.

Сейчас он сидел, плотно смежив веки, а инсект пытался передать то, о чем он думал, двум древним существам, которые, по мнению большинства современных специалистов, имели разум. Вычислить уровень их интеллекта до сих пор не удавалось никому, если Антону не изменяла память, то существовали лишь две особи данного вида, обитающие подле звезды системы Элио…

Первым ощущением, внезапно вторгшимся в его мозг, было чувство глубочайшей печали.

Антон не нашел в этот миг ничего лучшего, кроме как мысленно представить себе два внезапно осиротевших полотнища *черноты* и попытаться коснуться их легким поглаживанием вдоль беспокойно пробегающих по поверхности мрака искрящихся волн.

Чувство печали сменилось удивлением.

Через какое-то время Антон со всей внезапностью понял, что, по сравнению с происходящим, его недавний нейросенсорный контакт с сетью Деметры — сущий пустяк.

Это чувство пришло в тот миг, когда перед его мысленным взором внезапно упала темная пелена.

Сдавленный мнемонический вскрик инсекта едва не сорвал эту

робкую поначалу, но быстро приобретающую глубину и объем картину окружающего космоса.

Антон не ощущал себя кем-то из энтрифагов.

Он почувствовал себя *кораблем* — помимо четкой картины пространственного окружения, в него начали вливаться ощущения иного толка: он воспринимал все, начиная от поскрипывания плохо закрепленного орудия в нижнем блистерном куполе до мягкого, ласкового прикосновения частиц газопылевой туманности, сквозь которую летел *он сам*…

Эффект был потрясающим. Нервная система Антона оказалась в глубочайшем шоке, протестовало все, к горлу подступила тошнота, вестибулярный аппарат не справлялся, словно на центрифуге в момент испытаний при пиковых перегрузках, горло внезапно сдавил спазм удушья — это определенный раздел его памяти сработал, «вспомнив», что там, где он оказался, нечем дышать, но постепенно эти неприятные ощущения улеглись, вернее, Антону удалось временно подавить их волевым усилием, и это, однозначно, понравилось двум существам, тесно интегрированным в систему космического корабля.

Они поверили ему. Поверили, что он может чувствовать их и не испытывать при этом дискомфорта.

Антон понимал — долго ему не продержаться. Непривычные ощущения буквально раздирали его разум. Он не был уверен, что сможет вскоре второй или третий раз вступить в подобный контакт с ними, и потому его мысли под давлением воли потекли в ином направлении. Он начал думать о пришвартованном к каменному пирсу внутри астероида космическом корабле, постарался мысленно обрисовать его масштабы, его мощь, представил в своем воображении пустые, осиротевшие ажурные каркасы его крыльев.

Через какое-то время, уже балансируя на грани полной утраты контроля над собственной психикой, он почувствовал их ответ.

Они поняли, что логрианин мертв. Энтрифаги привыкли к жизни, взаимосвязанной с кораблем, и не хотели терять своего места подле теплого и ласкового источника ядерной энергии.

Они помнили своих собратьев, которые жили на больших кораблях. Большое всегда лучше маленького — такая аналогия промелькнула в голове Антона, и он не знал — является данное сравнение мыслью самих энтрифагов или так интерпретировал полученный ответ Хорн, но главное — они его поняли…

Теперь Антону предстояло самое сложное — проложить курс.

В этом ему неожиданно помог инсект. Хорн на самом деле оказался неоценимым существом. Почувствовав критическую ситуацию, он, как беззастенчивый мародер, вдруг напористо полез в разум Антона, буквально выдирая оттуда яркие картинки-образы: освещенный изменчивым светом клубящихся вихрей газопылевой туманности астероид, похожий на картофелину, фрагмент приборной панели АРК, центр которой занимал экран курсографа с тонкими трепещущими нитями курсов и обозначением гравитационных масс… опять горячие, газопылевые облака, но теперь в том ракурсе, как были они видны из устья пещеры — это слайд-шоу, сформированное из имеющих отношение к делу воспоминаний, все ускорялось и ускорялось, пока у Антона не пошла кругом голова… и в последний миг он с ужасом подумал, что не справился, — чернота внезапно навалилась на него, наступая сразу со всех сторон…

Ему потребовалась целая вечность, чтобы понять — это не потеря сознания: чернота, навалившаяся на него, — всего лишь фон плотно смеженных век.

Контакт оборвался…

Открыв глаза, он увидел оранжевые круги, сквозь которые медленно проступали детали интерьера рубки управления.

— Корабль поворачивает! — раздался откуда-то издалека голос Генри. — Клянусь всеми святыми, энтрифаги ложатся на новый курс!

Они узнали показанное им место.

* * *

Полет в трехмерном космосе сквозь газопылевые облака занял две с половиной недели.

Это не шло ни в какое сравнение с тремя минутами гиперсферного прыжка из одной точки в другую, но ни один известный Антону корабль не смог бы выдержать полет внутри плотного скопления частиц газа и пыли.

Этот же смог, потому что, теряя в скорости перемещения, он выигрывал во всем остальном.

За восемнадцать дней вынужденного бездействия Антон узнал очень многое об этом участке туманности и истории заселивших его существ.

Ему открылся абсолютно новый, неведомый мир, который стоял сейчас на грани исчезновения.

Первый контакт людей с расой логриан состоялся совсем недавно, после драматических событий новейшей истории, которые привели к образованию новой Конфедерации Солнц.

Для Антона, более пяти лет исследовавшего различные артефакты

Рукава Пустоты, не являлось новостью, что логриане практически не колонизировали планеты, предпочитая строить огромные искусственные комплексы, дрейфующие в открытом космическом пространстве.

Откровением для него стал факт, что одна из древних конструкций была расположена тут, в пределах газопылевой туманности, и первый контакт людей с расой двухголовых ксеноморфов состоялся на много веков раньше официально признанной даты — еще в период так называемого Первого Рывка, когда сотни колониальных транспортов в течение нескольких лет покинули Солнечную систему, погружаясь в малоизученную область аномалии космоса.

Самым одиозным проектом того времени был так называемый «Элком», получивший свое название по фирме-изготовителю десяти колониальных транспортов, которые собирались осуществить совместное погружение в гиперсферу, чтобы выйти в «нормальный космос» также в непосредственной близости друг от друга.

Эта часть плана определенно удалась, но силовые линии гиперсферы, которыми еще не умели пользоваться в ту пору, как надежными путеводными нитями, завели десять колониальных кораблей в недра газопылевой туманности, выбросив их в тонкую, чистую от газа и пыли прослойку пространства, образовавшуюся вокруг горячей, новорожденной звезды.

Именно тут, в системе, где попал в плен Полынин, некогда дрейфовала огромная орбитальная станция логриан. Система молодой звезды, лишенная планет, изобиловала малыми астероидными телами, и в довершение всего тут же, подле горячего, молодого светила вели свою загадочную жизнь энтрифаги.

Ситуация для трех миллионов человек, покинувших Землю в надежде обрести новую родину на обещанной фирмой «Элком» планете, складывалась не просто драматически — она оказалась ужасающей.

Колониальные транспорты не были рассчитаны на повторный прыжок, а в облаках газа и пыли, сквозь которые просвечивали горячие молодые звезды, было бесполезно искать годные к заселению планеты, поэтому первый контакт между людьми и логрианами носил катастрофический характер — люди, очнувшиеся от криогенного сна, заточенные в гулких и неприспособленных к жизни сферах колониальных транспортов, попросту атаковали исполинскую конструкцию логриан, истребив при этом почти всех ее обитателей…

Антону, который не понаслышке был знаком с титаническими сооружениями расы двухголовых ксеноморфов, был понятен ужас и

запоздалое чувство вины тех людей, кто пытался спасти свои жизни, оккупировав орбитальную станцию, — они не могли ни управлять циклами ее жизнеобеспечения, ни нормально существовать в округлых запутанных лабиринтах, больше похожих на норы.

Ни Хорн, присутствовавший на допросах сегодняшних обитателей туманности, ни Генри, знакомый с историей своих предков лишь из немногих устных преданий, не знали, что случилось с огромным сооружением логриан, — оба лишь слышали упоминания о нем…

Неизвестно, сколько человек осталось в живых спустя несколько месяцев после пробуждения, но какая-то часть колонистов начала в тот период активно заселять астероиды, конструируя при помощи машин герметичные убежища, либо используя естественные полости внутри малых небесных тел.

Не подлежал сомнению и тот факт, что часть колонистов отказалась селиться на убогих, лишенных атмосфер каменных глыбах. Антон подозревал, что десять кораблей «Элкома», о которых с уверенностью говорили Генри и Хорн, возникли в результате радикального изменения конструкций самих колониальных сфер, с привлечением логрианских технологий, так и появились эти исполинские космические корабли, на палубах которых росли деревья далекой, недостижимой для людей прародины, а в качестве движущей силы использовались прирученные энтрифаги, охотно путешествовавшие по газопылевым облакам, получая в отрыве от звезд энергию из бортовых ядерных реакторов.

Сколько веков потребовалось для возникновения устойчивой структуры этого общества, оставалось только гадать, но к моменту вторжения в туманность кланов Ганио в системе голубой звезды существовала любопытнейшая цивилизация.

В космическом пространстве царили десять кораблей «Элкома», на борту которых сменился уже не один десяток поколений; большинство малых тел астероидного пояса также были заселены людьми. Существовало и несколько смешанных колоний, где соседствовали люди и логриане. Корабли «Элкома», не объединенные во флот, вели между собой постоянную борьбу за контроль над той или иной группой астероидов, которые со временем тоже научились защищать свои интересы при помощи выстроенных на поверхности фортов.

Конец всему наступил около двух десятилетий тому назад, когда в систему голубой звезды всплыли из аномалии космоса несколько потрепанных в бою каперских кораблей, принадлежащих кланам Ганио.

Очевидно, это был вынужденный выход в целях ремонта, но ганианцы

сумели быстро оценить все преимущества случайно обнаруженной системы. Газопылевые облака туманности надежно скрывали ее от постороннего внимания, а масса освоенных астероидов прекрасно подходила для организации пиратских баз.

Корабли «Элкома», постоянно барражировавшие либо в границах системы, либо в прилегающих к ней газопылевых облаках, не сумели оказать достойного сопротивления внезапному вторжению: они были разобщены, продолжая соперничать друг с другом даже в этот критический момент. В итоге — три каперских крейсера полностью овладели космическим пространством системы, заставив несколько уцелевших кораблей отступить в глубины туманности.

Хорн утверждал, что достоверно известно о шести уничтоженных кораблях «Элкома», каждый из которых сам по себе являлся уникальным микромиром…

Среди тысяч малых небесных тел к сегодняшнему дню была полностью парализована вся торговля, и тот факт, что ганианцы оккупировали лишь компактную группу из двадцати близко расположенных астероидов, еще не свидетельствовал об их намерении оставить в покое население остальных, изолированных друг от друга миров.

Это, по мнению Антона, было всего лишь вопросом времени.

Пример Генри и его отца, попытавшихся восстановить торговые связи между несколькими небесными телами системы, говорил о многом.

Восемнадцать дней было у Полынина, чтобы осмыслить попавшие в его руки факты и сделать из них свои выводы.

* * *

В последние сутки долгого перелета, когда Антон и Генри сидели под прозрачным куполом рубки управления, ожидая, что вот-вот плотная газопылевая взвесь, окружающая корабль, начнет редеть, между ними состоялся короткий, но важный разговор:

— Генри, ты был когда-нибудь на борту корабля «Элкома»?

— Нет. Они жили очень обособленно, никогда не пуская на борт чужаков.

— А как велась торговля с астероидами?

— У них имелись спускаемые аппараты. Маленькие грузовые суда на реактивной тяге, — в своей скупой манере пояснил Генри.

— Хорошо, а что шло на обмен? Чем вы торговали с «Элкомом»?

— Каждый астероид имеет свой вид товара. Наш, например,

специализируется на выращивании растительных продуктов, на других добывают руду, третьи содержат цеха по производству различных вещей…

— Это понятно. А что поставляли вам корабли «Элкома»? — продолжал интересоваться Антон.

— Они производили воду и воздух. В обмен забирали продукцию с одного астероида, везли на другой, там обменивали на местный товар и двигались дальше…

— То есть они были торговцами?

— Ну да. Каждый из десяти кораблей контролировал свою группу астероидов.

Антон посмотрел на редеющие частицы газопылевой туманности и спросил:

— А как же вам удалось выжить? Ведь корабли «Элкома» исчезли лет двадцать назад, верно?

— Да, жить стало трудно, — согласился Генри. — Конечно, таких миров, где вообще не выращивают пищу, нет, но многим пришлось туго, особенно в первые годы. Без каких-то товаров можно прожить, а вот без воздуха и воды — нет. Я знаю, что несколько поселений вымерло, остальные вернулись к древнему способу химической добычи и очистки воздуха, но все, так или иначе, пришло в упадок… — Он вздохнул. — Наш астероид один из самых крупных, на поверхность выходит много оранжерей, а за годы процветания мы успели сконструировать замкнутый цикл жизнеобеспечения, но и нам пришлось несладко. Именно поэтому отец с Лоргом решили построить корабль…

— То есть жители астероидов будут рады, если из системы уйдут чужаки и сюда вернутся корабли «Элкома»?

Генри посмотрел на Полынина и усмехнулся.

— Ты говоришь о несбыточной мечте, — произнес он. — Шесть кораблей «Элкома» уничтожены, остальные позорно бежали, а может, тоже погибли, но где-то в ином месте…

— Ну, положим, один корабль ты вскоре увидишь… — ответил ему Антон.

Через восемнадцать суток после побега. Район дрейфа одинокого астероида.

Энтрифаги удивительно точно умели ориентироваться в пространстве. За две с половиной недели Антон проникся глубочайшей симпатией к этим загадочным существам, хотя и не пытался вновь вступить в контакт с ними.

Против этого протестовал Хорн, который неделю приходил в себя после посредничества между человеком и энтрифагами. Мозг инсекта оказался менее приспособленным к такого рода экспериментам, чем разум Антона.

…Желанный астероид появился внезапно.

Антон с Генри разговаривали в рубке, когда окружающая корабль мгла окончательно поредела, потом расступилась вовсе, и Полынин увидел знакомые очертания корявой каменной глыбы диаметром в добрый десяток километров, которая в этот миг была развернута к ним черным зевом устья пещеры.

Он хотел тут же пойти на поиски Хорна, но инсект по какому-то наитию уже входил в рубку.

— Не надо ничего делать, — с порога промыслил он. — Энтрифаги сами заведут корабль внутрь.

— Откуда ты знаешь? — усомнился Антон.

— Тебе обязательно надо все объяснить, да? — Мысленная речь инсекта сопровождалась скрежетом устрашающих жвал. — Я только что коснулся их информационной ауры. Они прекрасно видят пришвартованный внутри пещеры корабль. Расслабься, человек.

Антону ничего не оставалось делать, кроме как внять совету насекомого, хотя естественное волнение и беспокойство буквально снедали его душу.

* * *

Зрелище, которое открывалось глазам сквозь прозрачный материал купола рубки управления, было потрясающим.

Корабль «Элкома», пришвартованный к каменному выступу внутри пещеры, уже не выглядел мертвой грудой металла. Его корпус больше не щерился безобразными пробоинами, предметы, выброшенные декомпрессией из пробитых некогда отсеков, были прибраны, по корпусу корабля тянулись яркие цепочки габаритных огней, на выступах обшивки медленно вращались несколько параболических антенн…

РИГМА явно не теряла времени, а сконструированные ею сфероидальные ремонтные механизмы, на взгляд Антона, умели творить чудеса.

Пологие волны искр на телах энтрифагов текли все медленнее и медленнее, пока не остановились совсем, превратившись в хаотичный узор блесток, покрывающий черные полотнища…

Когда два корабля окончательно сблизились, оставив между собой

лишь тонкую полоску зеленоватого сумрака, Антон облачился в единственный имевший на борту скафандр. Закрыв гермошлем, он посмотрел в сторону каменного пирса и с облегчением увидел, как в обшивке исполинского корабля медленно открывается внешний люк ближайшей шлюзовой камеры.

Вопреки опасениям, их прибытие было расценено правильно — не зря Антон до последней минуты торчал под прозрачным колпаком рубки, рассчитывая, что РИГМА прежде всего обратит внимание на выступающий из корпуса пузырь и узнает Полынина среди трех членов экипажа вплывшего в пещеру корабля. Он не ошибся.

Открывающийся люк был верным знаком, что его действительно узнали.

Он с легкостью преодолел разделяющее два корабля расстояние и вплыл внутрь шлюзовой камеры, где горел обычный яркий свет — явное свидетельство того, что РИГМЕ удалось не только отреставрировать корпус, но и запустить атомный реактор исполинского корабля…

Когда наружный люк скользнул на место, он почувствовал, как его скафандр начинает терять объем, плотнее прижимаясь к телу, — это в переходной камере появился воздух, нагнетаемый насосами через специальные отверстия, потом внутренний люк шлюза бесшумно скользнул вверх и… все его мысли отсекло словно ножом.

На маленькой предшлюзовой площадке стояла Лана.

Она была похожа на изваяние — бледная, неподвижная, напряженная.

Антон отстегнул крепления гермошлема, снял его, привычно уложив на сгиб правой руки, и поднял глаза.

Кто-то из них должен был сделать шаг навстречу…

Странное напряжение росло, словно за время его отсутствия между ними возникла прозрачная холодная стена.

В ее глазах читалась мука трех недель одиночества и неопределенности, в них был упрек и вызов, за которыми влажным блеском прорывались едва сдерживаемые в этот миг слезы, а он…

Он не привык, чтобы его действия обсуждались. Антон никогда бы не взял ее с собой в тот рискованный прыжок, он ненавидел сцены прощаний и потому не стал будить Лану перед стартом, даже не сказал ей, что улетает. В каждом из них жила своя эгоистическая правда, и в такие секунды наболевшая обида или укоренившаяся привычка делать что-то определенным образом могут превратить хрупкий лед в твердый камень…

Взглянув на девушку, Антон понял, что за три недели его отсутствия Лана окончательно превратилась в человека. В ней уже жила своя

неповторимая вселенная чувств, и та ночь могла теперь показаться ей всего лишь всплеском инстинктивных желаний, а ему — обычным эпизодом в мимолетных отношениях с женщинами…

Ни он, ни она не проронили ни звука, лишь в какой-то миг их взгляды встретились и…

Слезы брызнули по щекам Ланы, а Антон, уронив гермошлем, шагнул ей навстречу, прижал к себе, чувствуя, как частыми, заполошными ударами бьется ее сердце… Руки Ланы обвились вокруг его шеи, ее мокрые от слез щеки ловили губы Антона, она хотела одновременно и целовать его, и взглянуть ему в глаза, и…

…В прозрачной рубке маленького корабля инсект повернулся к Генри и недовольно промыслил:

«Похоже, что про нас забыли».

— В чем дело? — не понял его Генри.

«Двое существ твоей расы в эти мгновения поняли, что любят друг друга, — пояснил Хорн. — Они мыслят очень громко, но к нам это не имеет никакого отношения. — Он демонстративно что-то проскрежетал своими жвалами и добавил: — Будем надеяться, что про нас все-таки вспомнят…»

Глава 13

Борт восстановленного корабля «Элком». Две недели спустя после возвращения.

— Как прошел первый контакт, РИГМА?

Антон сидел в кресле за терминалом управления огромного корабля. По правую руку от него расположилась Лана, слева Хорн и Генри. Все наблюдали, как медленно и осторожно исполинский корабль совершает плавный пространственный пируэт вокруг астероида. Черные полотнища энтрифагов значительно выросли за прошедшие две недели, и теперь, когда они заполнили оба отреставрированных каркаса, восстановленный корабль «Элкома» впервые покинул место своей стоянки у каменного пирса пещеры.

— Это непередаваемо, — раздался в системе внутренней связи голос РИГМЫ. — Я… Я снова чувствую, оставаясь при этом машиной!.. Они стали частью меня, теперь я ощущаю все: корабль, пространство, наполняющие его частицы…

— А им это нравится? — спросила Лана.

— Похоже, энтрифаги в восторге, — вместо РИГМЫ ответил ей Хорн, который, хотел он того или нет, но постоянно ощущал эмоциональные ауры всех живых существ, окружающих его.

— В таком случае «Элком» снова будет жить, — не скрывая своего облегчения, произнес Генри, который с каждым проведенным на борту днем ощущал себя все более и более привязанным к огромному кораблю.

— «Элком» остался в прошлом, Генри, — внезапно обратился к нему Антон. — Теперь это другой корабль, он будет называться иначе, и смысл его существования станет совсем иным.

— Как?! — Генри был потрясен заявлением Антона до глубин души.

— Очень просто. Ты же сам понял, что теперь никто не сможет летать от астероида к астероиду, занимаясь мелкой торговлей и узаконенным рэкетом, — пояснил Антон. — Теперь в системе голубой звезды иной расклад сил. Думаю, как только РИГМА введет корабль назад, в пещеру, мы соберемся, чтобы обсудить это.

* * *

— Антон, я моту поговорить с тобой?

— Да, я слушаю тебя, РИГМА.

— Ты понимаешь, что подарил мне новую жизнь?

Полынин пожал плечами. Сидя в кресле, он наблюдал, при помощи одной из внешних камер, как за устьем пещеры беснуются краски вихревых облаков туманности.

— Так получилось. Я ничего не мог предугадать заранее, — ответил он.

— Ты ненавидел меня, — осторожно напомнил голос.

— По-моему, кое-кто в прошлом тоже недолюбливал людей, верно? — напомнил ей Антон и добавил: — Ты больше не сеть Деметры, а я не тот двадцатилетний парень, который умирал на Хаборе. Все меняется, РИГМА, и в одну воду не войдешь дважды…

— Ты философствуешь, но тем не менее ответь, есть что-то, что я могу дать тебе взамен… в благодарность за все?

— Да, — не колеблясь, ответил Антон.

— Скажи, я сделаю.

Он посмотрел в ту сторону, где были расположены видеодатчики РИГМЫ.

— Будь с нами, до конца.

* * *

Этот день, когда корабль совершил свой пробный вылет, был полон событиями.

Через час после возвращения к пирсу они вновь собрались в центральном зале управления, вокруг которого в ярко освещенном зале высились почерневшие, мертвые деревья.

— Итак… — Полынин встал, прохаживаясь между креслами Ланы, Генри и Хорна. — Нас пятеро, включая РИГМУ, которая при существующих обстоятельствах является мыслящей и чувствующей электронной системой. Она находится в постоянном нейросенсорном контакте с энтрифагами и поэтому ощущает весь корабль, также как весь окружающий космос. Это обстоятельство значительно упрощает все навигационные маневры. Возможности РИГМЫ в ее новом состоянии кажутся мне уникальными, но это, в свою очередь, налагает на нее и новую степень ответственности.

Антон повернулся к Хорну, затем взглянул на Лану и Генри, которые сидели рядом, и продолжил:

— До сих пор нас вела судьба. Каждый из присутствующих следовал определенному стечению обстоятельств — я, работая на незнакомого вам человека, нашел данный корабль; сеть Деметры, которую мы теперь зовем

РИГМОЙ, прошла путь саморазвития длиной в несколько столетий; Лана, рожденная на Деметре, лишь недавно осознала себя как независимую личность; Хорн, долгое время вынужденно работавший на ганианцев, помог мне бежать; ты, Генри, отдал нам энтрифагов…

— Антон, ты сказал, что этот корабль не возьмет на себя функции «Элкома», — напомнил ему Генри.

— Да, — согласился Полынин. — Мир туманности кажется мне уникальным и совершенно беззащитным. Люди, которые живут на астероидах, по моему мнению, заслуживают лучшей участи, но для этого им вовсе не обязательно покидать обжитые небесные тела и переселяться в «цивилизованные» миры. Достаточно освободить систему от ганианцев и дать каждому астероидному анклаву современные технологии синтеза воды, воздуха и протеинов. Дальше они сами разберутся, как им жить и в какую сторону развиваться.

— Ганианцы не сдадут своих позиций, — мрачно промыслил Хорн. — У них далеко идущие планы относительно этого места.

— Естественно, — согласился Антон. — Но эти фанатики вот уже много веков подряд доказывают самим образом своей жизни, что им не нужны никакие взаимоотношения с остальной цивилизацией, кроме тех, которые предполагают грабеж, насилие и войны. Я сомневаюсь, что с кланами Ганио возможно договориться. РИГМА знает, чего стоят заключенные с ними соглашения. Поэтому путь один — мы должны выбить их из астероидного пояса и временно перекрыть саму возможность гиперсферного всплытия кораблей в чистой прослойке между звездой и окружающей туманностью.

— Чтобы выбить ганианцев из системы, нужно иметь целый флот! — мрачно произнес Генри.

— Пока что нам нужен экипаж для этого корабля, — ответил Антон. — Как минимум, человек двести, чтобы эффективно обслуживать все системы. По расчетам РИГМЫ, здесь могут жить, в полном понимании этого слова, до пятисот человек, но я бы не хотел, чтобы среди экипажа оказались люди случайные, для которых этот мир — пустой звук. Поэтому набор людей в среде «цивилизованных» планет я исключаю.

— Тогда — где? На астероидах? — спросил Генри.

— Да, — ответил Антон. — Но только на одном, который ганианцы используют как тюрьму.

— Почему там?

Хорн скрипнул жвалами, привлекая к себе внимание.

«Формирование экипажа предполагает участие в нем инсектов?»

— Да, — кивнул Антон. — Инсекты, люди, логриане — все, кто близок нам по духу, кто вкусил лишений, кто понимает истинную цену свободы, — только они смогут подняться на борт этого корабля в качестве его обитателей. Мы сможем противостоять кланам Ганио только в том случае, если экипаж корабля будет бороться за идею, а не за деньги или иные ценности…

Лана слушала Антона спокойно, эмоции Хорна было невозможно прочитать на его хитиновом лице-маске, а вот Генри воспринимал все очень мрачно.

— Пойми, — обратился к нему Антон. — Тебя никто не неволит. Мы можем доставить тебя на родной астероид, предоставив компенсацию за энтрифагов в любом мыслимом для тебя эквиваленте. В общем-то, для меня достаточно просто полностью укомплектовать корабль современными автоматическими системами, передоверив им функции экипажа, но я… — Антон не удержался и искоса посмотрел на Лану, — я хотел бы остаться жить на этом корабле, заново вырастить погибшие деревья, исследовать туманность, в которой наверняка кроется еще немало любопытного…

Он вернулся к креслу, сел и заключил:

— Выбить ганианцев с двадцати астероидов можно еще проще: сообщив об их местоположении в Совет Безопасности Миров и открыв координаты точек гиперсферного всплытия для военно-космических сил новой Конфедерации Солнц. Могу заверить: они разнесут тут все к черту за пару недель. Но что останется после этого от цивилизации астероидов? Вместо кораблей «Элкома» и ганианцев, сюда придут корпорации Окраины, чтобы организовать подальше от обитаемых миров какую-нибудь свалку отходов или запрещенное производство, куда наберут в качестве рабочих тех же жителей малых небесных тел.

Генри, немного подумав, кивнул.

— Я верю тебе, Антон, хотя и не знаю тех планет, про которые ты говоришь. Мне вовсе не хочется, чтобы мир астероидов перестал существовать. — Он поднял голову, взглянув на Полынина, и добавил: — Я предпочитаю растить деревья, а не убивать людей, но, если последнего не избежать, я стану драться… — Он вскинул голову. — Но скажи, ты позволишь мне остаться тут и заняться новыми саженцами, когда все кончится?

Антон взглянул на мертвую колоннаду почерневших стволов, которая высилась за стенами центра управления, и ответил:

— Я буду рад этому, Генри.

Он перевел взгляд на Лану.

— Ты согласна со мной?

Она кивнула, на секунду поймав его взгляд, и ее глаза сказали Антону в тысячу раз больше немого утвердительного жеста.

— Хорн?

Хитиновые пластины инсекта отчетливо стукнули друг о друга.

«Когда мы начнем штурм, внутри астероида окажется больше союзников, чем ты думаешь».

Полынин поднял взгляд к своду рубки:

— РИГМА, твои соображения?

— Я полностью на твоей стороне, Антон. Я смогу перевооружить два десятка сфероидов для штурма.

— Они смогут различать цели?

— Элементарно. Я найду десятки критериев, по которым они смогут отличить ганианца от представителя любой иной планетной расы.

— Хорошо, — подытожил Антон. — Тогда остается два пункта: план предстоящих действий и новое название корабля.

На первый вопрос неожиданно ответил Генри, а на второй РИГМА.

Неудивительно, что житель астероидов хорошо знал специфику системы. Услышав о плане действий, Генри тут же встрепенулся:

— Корабли «Элкома», когда намеревались атаковать какой-либо непокорный астероид, обычно ждали, пока движение по орбите заведет его в выброс газопылевой туманности, — тогда корабль мог незамеченным подойти вплотную к его поверхности и высадить десант.

Антон сразу оценил высказанную мысль. При малочисленности экипажа это был именно тот тактический ход, который давал наибольшую вероятность успеха.

Теперь, в его понимании, вопрос заключался лишь в том, когда превращенный в тюрьму астероид в очередной раз скроется в газопылевом выбросе?

Его мысли прервал голос РИГМЫ:

— Антон, я просчитаю движение астероидных масс и доложу тебе. Но я бы хотела внести еще одно предложение.

— Какое?

— По названию корабля.

Все невольно посмотрели туда, где располагались основные системы РИГМЫ.

— Ну? — в наступившей тишине нетерпеливо спросила Лана. — Говори, раз начала. Какое имя ты предлагаешь?

— СВЕТОЧ, — произнес синтезированный голос. Антон побледнел.

«Светоч»… — Его словно ударило током: в электронных устах РИГМЫ название крейсера, погибшего на орбитах Хабора, прозвучало как признание вины и дань памяти всем павшим.

В наступившей вдруг тишине Антон понял, что теперь все взгляды обращены к нему.

Светоч… Разум уже впитал это слово и не мог отказаться от него.

Система голубой звезды. Три недели спустя.

Исполинский корабль, похожий на многокилометрового ската, застыл в мутном вихревом выбросе газа и пыли. Уже сутки он находился в одной точке, а крупный астероид, поверхность которого покрывали следы человеческой деятельности, медленно приближался к скрывающему «Светоч» газопылевому выбросу. Следуя по своей орбите, каменная глыба должна была вот-вот войти в мутный участок пространства, чтобы скрыться в нем на сорок минут, а затем вновь появиться в чистом от пыли космосе, уже по другую сторону выброса.

Исполинский корабль ждал, словно затаившийся в засаде зверь. Даже поверхность энтрифагов не искрилась блестками — они были черны как ночь.

Глухая тишина укутывала пустые палубы «Светоча», лишь в носовой части у шлюзового затвора наблюдалось скопление людей и машин. Три человека в защитной экипировке, инсект, который категорически отказался надевать подобранный под его комплекцию металлокевларовый бронежилет, и два десятка реконструированных сфероидных механизмов в ожидании сигнала стояли подле открытого внутреннего люка.

Внешний пока что оставался закрытым, тамбур заливал приглушенный красноватый свет.

Все внимание людей и инсекта было сосредоточенно на информационном мониторе, куда РИГМА транслировала изображение с внешних видеокамер.

Напряжение росло.

Никто из них не надел скафандров — гермоэкипировка стесняла движение, а план штурма не предполагал декомпрессии во внутренних помещениях астероида, иначе вся операция по освобождению людей теряла смысл…

…Внезапно через муть мельчайших частиц газа и пыли начали проступать темные контуры огромной каменной глыбы, которая медленно надвигалась прямо на корабль.

На самом деле столкновение было исключено — астероид должен был пройти в десяти метрах от носовой части «Светоча».

Через несколько минут он приблизился настолько, что на его поверхности стали различимы округлые дыры с черным пенорезиновым уплотнителем по краям, за которыми прятались плотно сомкнутые ворота вакуум-створов.

Это были шлюзы, созданные когда-то жителями астероида для стыковки челночных кораблей «Элкома».

Сейчас передовая группа роботов должна была взломать их, не нарушив герметичности внутренних помещений малого небесного тела.

Расчет РИГМЫ, которая непосредственно отвечала за первую часть операции, был прост и точен.

В неподвластный человеческому разуму миг от носовой части «Светоча» к проплывающей в десятке метров от него каменной глыбе со скоростью атакующей змеи метнулась гофрированная труба аварийного перехода; ее широкий раструб полностью накрыл одно из круглых стыковочных отверстий, по периметру соединительной трубы мгновенно вспенился уплотнитель, прочно слипаясь с каменной поверхностью, и тут же вся конструкция изменила свои физические свойства, превратившись в жесткий тоннель, намертво связавший корабль с поверхностью астероида.

На эту операцию у РИГМЫ ушло пятьдесят две секунды.

На предшлюзовой площадке резко прозвучал сигнал, два сфероидных робота уже стояли в тамбуре, и, как только открылся наружный люк «Светоча», они ринулись вперед по переходному тоннелю.

— Минус пять минут, — раздался в коммуникаторах голос РИГМЫ, — ПОШЛИ!

За переходной трубой грянул взрыв — это два передовых сфероида, начиненные взрывчаткой, разнесли ржавые ворота старинных вакуум-створов.

Остальные восемнадцать машин, имевшие несколько иную начинку, резво унеслись вперед, передвигаясь на своих гибких конечностях, и тут же в огромном зале, который открывался сразу за взорванными воротами, поднялся бешеный, беспорядочный автоматический огонь.

Несколько сот ганианцев, составлявших гарнизон астероида, являлись серьезной силой, даже при эффекте полной внезапности нападения, поэтому впереди шли машины, а люди и инсект покинули «Светоч» последними.

— Минус десять минут! — раздался в коммуникаторах голос РИГМЫ. — Шлюзовой зал зачищен!

Вход внутрь был свободен.

У них оставалось всего полчаса на основную часть операции, потом астероид проскочит мутный газопылевой выброс и снова окажется в пространстве чистого космоса.

— Вперед! — коротко приказал Антон.

* * *

Первым в шлюзовой зал ворвался Хорн.

Внутренние коммуникации астероида были аналогичны тому, с которого они с Полыниным бежали полтора месяца назад: свод огромного зала подпирали каменные колонны, вдоль стен тянулись высеченные в монолите скалы лестницы без перил, ведущие к тоннелям второго уровня.

Антон и Лана, бежавшие следом, увидели, что инсект резко остановился, и в этот миг им довелось услышать, как *кричит* насекомое.

Звук зародился, как раздирающий нервы скрежет, будто кто-то скреб куском стекла по ржавому листу жести, потом он стал громче — запрокинув свою страшную голову, Хорн по-настоящему *заорал* и, казалось, что немая каменная глыба астероида содрогнулась от потока звуковых и мнемонических волн, исходивших в этот миг от инсекта…

Антон и Лана, оглушенные внезапным криком Хорна, на миг остановились, но хлесткая автоматная очередь, ударившая из тоннеля второго этажа, тут же привела их в чувство.

Метнувшись за каменный столб, Полынин увидел, как по каменным ступеням вниз, подпрыгивая, будто мячик, летит изрешеченный пулями сфероидный механизм.

— Лана, держись позади меня! — скомандовал он, бросаясь к следующему столбу.

По плану, Генри и Хорн должны были оставаться в этом зале, сдерживая огнем тех, кто попытается прорваться к шлюзам. Восемнадцать механизмов разделились — большинство атаковало второй уровень, где, по сведениям Хорна, располагались жилые помещения оккупировавших астероид ганианцев, на Лану и Антона возлагалась главная задача — в воцарившейся панике пробиться на нижний уровень коммуникаций, к тюремным камерам, и вывести оттуда пленных в шлюзовой зал.

Три приданных им сфероида уже исчезли в тускло освещенном зеве каменного тоннеля.

— Минус пятнадцать минут, — раздался в коммуникаторах голос РИГМЫ, — половина механизмов поддержки потеряна.

За спиной Антона злыми короткими очередями заработали автоматы

Хорна и Генри.

Потревоженный астероид постепенно заполнялся гулом. Казалось, что каменная глыба начинает вибрировать — эхо от выстрелов и криков металось по запутанному лабиринту коридоров, порождая странный смешанный звук…

Первый механизм попался под ноги Антону метров через двадцать. Сфероид стоял посреди усыпанного гильзами тоннеля, вокруг валялось несколько изрешеченных пулями тел, в воздухе витал сизый дымок с характерным запахом перегоревших электромагнитных катушек. Антон резко осмотрелся и увидел в руках мертвого ганианца вожделенную «ИМ-12».

Не останавливаясь, он ринулся дальше.

Сзади внезапно со скрипом распахнулась дверь, в теснине тоннеля гулко полоснула автоматная очередь, пули, визжа, пошли гулять меж каменных стен…

Падая, Антон успел перевернуться, чтобы открыть огонь, но это было излишним — труп ганианца уже оползал по забрызганной кровью стене, а Лана, только что совершившая свое первое в жизни убийство, стояла, странно согнувшись. Он кинулся к ней, теряя драгоценные секунды, и понял, что ганианец все же выстрелил первым — на ее бронежилете темнело несколько выщербин от пуль.

— Дышишь?

— Да… — хрипя, ответила она.

— Давай… — Антон закинул ее руку себе на плечо, — еще немного вперед.

Они побежали, хотя Лана всего лишь машинально переставляла ноги, по-прежнему пытаясь вдохнуть.

— Минус двадцать минут… — Это был голос РИГМЫ.

За поворотом тоннеля показалась развилка, на которой стоял сфероид. Его корпус, пробитый в нескольких местах пулями, истекал сизым дымком, но робот продолжал вести огонь, посылая очереди то в один, то в другой тоннель. В тусклом свете расположенных под потолком ламп было отчетливо видно, как горячие гильзы вылетают из специальных прорезей в корпусе механизма, со звоном рассыпаясь по каменному полу.

Антон усадил Лану на пол с таким расчетом, чтобы ей были видны устья обоих тоннелей, и сказал:

— Держись тут.

Она молча кивнула, и он, не оглядываясь, побежал вперед, мимо сфероида, в правое ответвление тоннеля, где собственно начиналась

тюремная зона.

Проскочив метров тридцать по коридору, он оказался в округлом расширении; прошив короткими очередями зевы двух расходящихся отсюда проходов, Антон метнулся к трем дверям, запертым снаружи на металлические засовы.

Фрайг… Замки…

Отступив на шаг, он короткой очередью разнес замок на средней двери, рывком отодвинул скрипнувший засов, и дверь камеры начала открываться.

— Ванг Шиист!

Автоматная очередь ударила ему в спину, бронежилет выдержал, но Антона швырнуло на стену, ударив об нее с такой силой, что лопнул, разлетевшись на несколько кусков, прикрывающий лицо прозрачный щиток…

Сознание на миг помутилось, перед глазами все поплыло, он потерял способность дышать и двигаться, оползая на пол безвольным кулем, и это спасло ему жизнь: ганианцы, внезапно появившиеся в небольшом зале, сочли его мертвым…

Кровь сочилась с разбитых губ, сердце вдруг отказалось биться, на секунду прервав ритм глухих ударов…

— Минус двадцать минут… — пришел издалека голос РИГМЫ, — осталось два механизма поддержки…

За спиной — шелестящий свист рассекаемого воздуха, какой-то скрежет в сопровождении нечеловеческого крика, похожего на вой…

Сердце, наконец, глухо стукнуло, в разорванные болью легкие вошел драгоценный глоток воздуха.

Он со стоном перевернулся на спину и увидел, как над ним, медленно поворачиваясь, летит отсеченная голова ганианца…

В камере, которую он успел открыть, содержали инсектов.

Ксенобиологи, изучавшие эту расу, оказывается, ни хрена не знали о них, утверждая, что насекомые лишены человеческого эквивалента чувств и по образу своего мышления больше сродни машинам.

Глаза Антона непроизвольно следили за нереальным, медленным полетом снесенной с плеч головы, а в его сознании вдруг сформировался образ чудовищной хитиновой маски, которая *улыбалась* своими жвалами.

«ДРУУУГ…»

С лязгом отлетел замок второй камеры, Антон привстал на одно колено, сбоку ему помогали встать страшные, покрытые хитиновыми зазубринами конечности.

«Выпускайте пленных, всех, кого сможете, — мысленно произнес он. — Сбор в главном шлюзовом зале».

Во второй камере, замок которой снесли инсекты, были заключены трое изможденных людей.

Несмотря на страшную худобу, они тут же кинулись наружу, перешагивая через изрубленные инсектами тела ганианцев с единственной целью — подобрать валяющееся на полу оружие.

Третья камера оказалась пустой.

Взглянув на собравшуюся подле него группу, состоящую из трех человек и четырех инсектов, Антон принял мгновенное решение. Отсюда в глубь тюремного комплекса уходило два тоннеля. Он нашел глазами наиболее изможденного из людей и сказал:

— Иди вверх по коридору до развилки. Там девушка и сфероидный робот. Поможешь им удержать позицию. Всех освобожденных, кто станет подниматься из тоннелей, направляйте в главный зал, там к шлюзу пристыкован корабль.

— А мы?

— Двое пойдете со мной. Мы по правому коридору, инсекты по левому. Убивать всех ганианцев, открывать все камеры с заключенными.

Последняя фраза была явно излишней.

* * *

— Минус двадцать пять минут. Все механизмы поддержки потеряны. На борт начали поступать освобожденные узники.

Голос РИГМЫ бился в коммуникаторе поврежденного шлема.

У них осталось всего пятнадцать минут…

— Лана?

— Да, Антон.

— Ты как, держишься?

— Все в порядке. Я дождусь тебя.

Коридор, по которому бежал Антон в сопровождении двух освобожденных узников, казался бесконечным. Не было ни боковых ответвлений, ни дверей, зато внизу слух улавливал отчетливые звуки автоматной стрельбы, и было непонятно, то ли их опередили инсекты, двигавшиеся по другому тоннелю, то ли в недрах тюремного комплекса кто-то сам инициировал бунт, сориентировавшись в происходящих событиях.

Наконец этот проклятый коридор закончился.

Впереди был огромный зал, естественная полость в теле астероида,

куда вливались пять тоннелей, прорубленных в скальном монолите.

— Патроны беречь! — крикнул Антон своим задыхающимся спутникам.

Боль в спине уже приутихла, и он ворвался в зал перекатом. Навстречу хлестнула автоматная очередь, но она прошла выше. Припав на колено, Антон срубил оказавшегося на пути ганианца, вогнав в него два последних патрона, резко сменил магазин, передернул затвор, оглянулся и понял, что выпущенная по нему очередь достала одного из бежавших сзади — истощенный человек, имени которого Антон не знал, лежал на каменном полу, раскинув костлявые руки, и уже не шевелился.

Второй его спутник куда-то исчез, затерявшись меж нагромождением обтесанных каменных блоков: в этом зале ганианцы, видимо, затеяли какую-то стройку.

По всему пространству пещеры шел беспорядочный бой. Неизвестно, кто и как освободил тут узников, но ганианцам, большинство которых засело в стенах недостроенного здания, расположенного в центре пещеры, приходилось отбиваться от яростного напора людей и инсектов.

Автоматные очереди сотрясали пещеру глухим рокотом, в этом хаосе было сложно разобраться, но нужно было выводить людей из недр астероида — у них оставалось совсем мало времени до того момента, как каменная глыба и состыкованный с ней «Светоч» выйдут из спасительной газопылевой вуали, которая блокировала связь и не позволяла остальным силам кланов Ганио понять, что тюремный комплекс подвергся атаке.

Выход был только один.

Заметив ближайшего инсекта, Антон подбежал к нему. Схватив насекомое за хитиновые пластины, он сильно рисковал, но тот оказался сообразительным — страшная конечность остановилась на полувзмахе, видимо, Хорн передал всем своим сородичам четкий, недвусмысленный образ Антона.

В его сознании сразу же возник вопрос:

«Я слушаю тебя, человек?»

«Ори! — мысленно приказал ему Полынин. — Сделай так, чтобы дошло до всех — прекратить огонь и срочно выбираться наружу, в главный шлюзовой зал. Корабль должен отчалить через десять минут»

«Я тоже? А они?» — страшная конечность инсекта указала на коробку одноэтажного здания без крыши, из оконных проемов которой плескал наружу огонь автоматных очередей.

«С ними я справлюсь, — мысленно ответил Антон, доставая гранаты. — ВСЕ НАВЕРХ!»

Инсект кивнул.

Антон лег на каменный пол и пополз.

Он не слышал мнемонического крика насекомого, но видел, как люди и инсекты, низко пригибаясь, потянулись к выходам из зала.

Близилась развязка этого дерзкого рейда.

Какой она будет, еще не знал никто…

Из коробки недостроенного здания продолжали бить автоматы. Проползая меж каменных блоков, Антон увидел, как подрубленный длинной очередью упал инсект.

Зевы тоннелей хорошо просматривались из окон незаконченной постройки.

Оценив расстояние, он привстал и одну за другой метнул три имевшиеся у него гранаты.

Грохот взрывов в замкнутом пространстве пещеры показался адским. От свода вниз посыпались камни, воздух заволокло белесой пылью, но автоматный огонь стих.

Антон, полуоглохший от взрывов, взглянул на таймер.

Пора бы и ему выбираться из этих каменных недр… Он сменил магазин в автомате и начал пробираться к руинам здания, вокруг которых клубилась медленно оседающая пыль.

Заглянув в оконный проем, он понял, что с ганианцами покончено — внутри строители не успели возвести перегородки, и осколочные гранаты сделали свое дело…

У него осталась минута на то, чтобы проверить, все ли камеры тюремного комплекса открыты.

Он уже разворачивался, когда по закопченной стене хлестнула автоматная очередь. Выбитая пулями каменная крошка обожгла лицо; он не знал, откуда по нему выстрелили, но, резко обернувшись, увидел ганианца, который лихорадочно пытался вставить новый магазин на место опустевшего.

Он стоял шагах в десяти от Антона, на нагромождении грубо обтесанных каменных блоков; страх и ненависть смешивались в его взгляде, мутно-желтые глаза неотрывно следили за Полыниным, ганианец понимал, что обречен… его руки дрожали, и снаряженный магазин никак не попадал на место, но Антон не успел выстрелить. Сбоку хлестнула короткая, экономная очередь, и ганианец, несколько раздернувшись, упал, выронив автомат.

В наступившей вдруг тишине был отчетливо слышен скрежет металла, это автомат скользил по наклонной каменной плите.

Антон оглянулся в поисках стрелявшего. «Сказано же было — всем наверх…» — с досадой подумал он, но мысль внезапно оборвалась, будто ее отсекли ножом… метрах в пятнадцати от него на каменном полу сидел, тяжело опираясь на руку, постаревший, обросший, худой Паша Сытников…

— Паша?!

Он поднял глаза, несколько секунд немо смотрел на Полынина, а потом его обескровленные губы едва слышно выдохнули:

— Антон?!

Теперь стало ясно, кто открывал камеры в пещере, выпуская узников, едва наверху послышались звуки стрельбы…

— ПАША!!! — Он бросился к нему, рискуя переломать ноги в нагромождении каменных глыб.

* * *

— Пять минут до отстыковки! Всем немедленно подняться на борт! Повторяю: пять минут до отстыковки!

Антон бежал изо всех сил.

Павел сидел у него на спине, удерживая в руках два автомата — свой и Полынина.

Они не разговаривали, слова были сейчас ни к чему.

Антон уже понял — они не успеют, но все равно бежал изо всех сил по бесконечному, уходящему вверх коридору.

Его таймер отсчитывал последние секунды перед отстыковкой, когда он, шатаясь, вошел в первое расширение тоннеля, где выпустил из камеры четырех инсектов.

Еще тридцать метров до развилки, где он оставил Лану.

Таймер на запястье высветил нули.

Все. Это означало, что астероид через несколько секунд выйдет из плотного выброса газопылевой туманности.

Почему молчит коммуникатор?

Выйдя на развилку, Антон споткнулся о развороченный корпус сфероида и увидел Лану, подле которой стояло пятеро вооруженных людей и несколько инсектов.

В левом тоннеле громоздилась целая баррикада трупов — это были ганианцы, которые пытались прорваться к центральному шлюзовому залу из недр астероида.

Антон остановился, тяжело, прерывисто дыша. Он не мог представить, что тут творилось несколько минут назад. Весь пол покрывал

ковер стреляных гильз, бронежилет Ланы был густо забрызган кровью…

Она со вскриком бросилась к нему, поддержала, полуобняв, а люди и инсекты молча смотрели на эту сцену — никто не хотел или не мог говорить.

Антон понял: задержись он на час, все равно встретил бы тут Лану и изможденных защитников развилки двух тоннелей.

Они не собирались уходить без него…

* * *

В главном шлюзовом зале у зева переходного тоннеля их ждал Хорн с группой инсектов. Рядом, болезненно поддерживая простреленную руку, стоял бледный как мел Генри.

Это еще раз подтверждало: никто даже не помыслил исполнить план и уйти без Полынина, в котором все, включая РИГМУ, видели своего командира.

Хорн приветствовал его появление выразительным скрежетом жвал. Из-за каменных столбов стали выходить незнакомые ему люди, все, как один, изможденные долгим пребыванием в плену. Антон понял, что они держали там позиции, готовясь отразить новую волну атак из недр астероида.

Никто не произнес ни слова, люди, похожие на тени, были измучены до такой степени, что на речь не оставалось сил, но их глаза выдавали с головой те чувства, которые испытывал каждый из них к своим освободителям.

Пашу сняли с плеч Антона и понесли в переходной тоннель. Все, кто еще оставался в зале, молча проходили мимо, а Полынин стоял, сжимая в окровавленной ладони руку Ланы, и тоже молчал, провожая взглядом людей и инсектов, входящих внутрь «Светоча».

Теперь это был его корабль и его экипаж.

…

Они вошли в тоннель последними, с пятиминутным опозданием, когда РИГМА уже открывала расположенные по правому и левому борту «Светоча» недавно отреставрированные орудийные порты.

Шлюз за их спинами закрылся, отрезая переходной тоннель от корабля.

— «Внимание экипажу!» — раздался в интеркоме голос электронной системы. — «Приготовиться к пятиминутному ускорению!»

Люди и инсекты, изможденные долгим заключением, садились на пол, и каждый хватался в этот миг за первую попавшуюся под руки опору.

Антон отыскал глазами Пашу, и они с Ланой сели рядом, ухватившись за один поручень, стараясь прижаться друг к другу как можно теснее, будто это могло им помочь легче перенести перегрузку, о которой только что предупредила РИГМА…

* * *

Огромный, похожий на многокилометрового ската космический корабль медленно отчалил от астероида, когда тот уже полностью вышел из вихревого выброса туманности.

По черным полотнищам энтрифагов заструились зримые волны света, сотканные из сотен мельчайших искр, и «Светоч» начал ускоряться, преодолевая тонкую прослойку чистого космоса, которая отделяла его от спасительного туманного вихря, где корабли кланов Ганио были бессильны их догнать.

Видимо, с астероида уже был послан сигнал о нападении, потому что сразу с нескольких сторон к огромному кораблю неслись космические истребители ганианцев… Но это был не их день — прежде чем газопылевой выброс поглотил фантастический корабль, оба борта «Светоча» синхронно окутались зримыми выхлопами одновременного залпа сорока вакуумных орудий.

Когда туманность сомкнулась за кормой исполинского корабля, около атакованного астероида медленно разлетались облака бесформенных обломков, бывшие минуту назад космическими истребителями.

В систему голубой звезды пришла в этот день новая сила, способная коренным образом изменить ход истории огромного астероидного архипелага…

Эпилог

Планета Аллор. Три года спустя…

Этим утром в космическом порту планеты Аллор произошло два на первый взгляд ничем не выдающихся события.

Во-первых, на терминал диспетчерской службы поступило сообщение о том, что автоматический разведывательный корабль класса «Тайфун» прислал запрос на выделение парковочной орбиты.

Оператор, дежуривший в этот час, был удивлен — сверившись с графиком прибытия кораблей, он понял, что АРК не числится в их списке. Взглянув на данные, которые поступали на монитор с борта «Тайфуна», он еще более удивился, когда скупые строки сопроводительного документа сообщили, что данный корабль всего месяц назад сошел со стапелей космоверфи планеты Кьюиг и прибыл в пространство Аллора в автоматическом режиме.

Дальше шли коды, под которыми скрывались документы по правам собственности. Сверившись с глобальной базой данных, оператор был вынужден признать, что все оформлено правильно: владельцем новенького «Тайфуна» являлся Джонатан Д. Роглес, гражданин Аллора.

Оператору не оставалось ничего иного, как предоставить бортовому компьютеру АРК данные для парковки и набрать номер статкома, который был указан в сопроводительных документах.

— Да? — ответил ему полусонный голос.

— Господин Роглес?

— Да, это я.

— Вас беспокоит дежурный космопорта. На парковочную орбиту прибыла ваша собственность.

— Какая, к дьяволам Элио, собственность? — не очень вежливо удивились на том конце связи.

— Автоматический разведчик класса «Тайфун», — терпеливо и вежливо пояснил дежурный оператор. — Месяц назад построен на космоверфи Кьюига.

На несколько секунд в коммуникаторе воцарилась тишина.

— Посмотрите, кто оформлял покупку, — наконец произнес Роглес.

— Одну минуту, сэр. Да, вот тут указано, взаиморасчеты с верфью производил некто Антон Полынин, гражданин Аллора. Он же и передал «Тайфун» в вашу собственность. Что-то не так?

— Нет… Все в порядке… — Роглес окончательно проснулся. — Я заеду в космопорт через пару часов… — наконец, справившись с потрясением, сумел выдавить он.

В коммуникаторе запищал сигнал отбоя, а Джонатан еще долго сидел, глядя на крохотный прибор, как будто мог разглядеть в помаргивании его индикатора те извивы судьбы, которые вернули на орбиту Аллора его безнадежно утраченную собственность.

…

Этим же утром с борта межпланетного лайнера сошла семейная пара с двухлетним ребенком.

Они оформили документы на однодневное посещение Аллора и сразу направились к стоянке такси.

Малыш с удивлением крутил головой, рассматривая огромный, подпирающий небеса город. Он никогда не видел ничего подобного — мир, где он рос, являлся огромным кораблем-крепостью, на обзорных экранах которого можно было разглядеть лишь полыхающие разными цветами радужного спектра туманные вихри газопылевых облаков.

— Мама, а что это такое? — его маленький пальчик указывал в сторону уступчатой пирамиды мегаполиса.

— Это город, сынок. Тут живет очень много людей.

— А они хорошие или плохие?

На этот вопрос, на секунду задумавшись, ответил его отец:

— Они разные.

— А мы останемся тут? — внезапно забеспокоился малыш, вслед за матерью забираясь в прохладный полутемный салон автоматического флайера.

— Нет, мы вернемся домой, на корабль, — ответил Антон, закрывая за собой дверку машины. — Лана, посади его к окну, пусть посмотрит.

Через минуту флайер взмыл вверх, направляясь к южной окраине города.

В этот день на скромной могильной плите одного из кладбищ Аллора появилась еще одна, более подробная, чем прежде, надпись:

Саре Клеймон — от компьютерной сети Деметры.

Поверх надписи лежал огромный букет алых роз.

notes

Примечания

1

НСС — Нейро-сенсорное соединение. Шлем НСС — одна из основных составляющих экипировки пилотов шагающих серв-машин — служит для прямого контакта нейронов головного мозга человека с кибернетической системой управления машины.

2

Всемогущий Шиист, это неверный! (*ганианск.*)

3

РПГ — ручной противотанковый гранатомет.

4

Дьявол! Я говорю тебе, нужно взломать компьютер этажа! Если мы будем ломиться в каждую дверь, кто-нибудь вызовет полицию! (*ганианск.*)